Кавторова

ГОДЫ БОРЬБЫ В ПОВОЛЬСКОМ УЕЗДЕ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИЗО
Н416

С. П. Невзорова-Шестернина.

ГИЗО
Н416

ГОДЫ БОРЬБЫ

В ПОДОЛЬСКОМ УЕЗДЕ.

ПОДОЛЬСК
1928 г.

c.27,

ГИЗО
Н 416

С. П. НЕВЗОРОВА-ШЕСТЕРНИНА.

ГОДЫ БОРЬБЫ

В ПОДОЛЬСКОМ УЕЗДЕ.

По архивным данным и по воспоминаниям т. т. И. Леонова, А. Широкова, Борисовой, Буганова, Бунгш, Быстрицкой, Е. Гурновой, С. Кандиано, Маркина, Матвеева, Н. Муралова, Сальникова, Т. Трифонова, Ушкова, Фомина, Эвальда и др.

1 ЭКЗ.

ПОДОЛЬСК
1928 г.

с. 27
К. 1914
п
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
ГИЗО
Н 416 р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
1918
28 98381 у

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Настоящий сборник составлен частью по воспоминаниям товарищей, непосредственных участников революционного движения Подольского уезда, частью по архивным данным и другим документам. Как тот, так и другой материал недостаточно ярко освещает обострение классовых интересов и не дает полной красочной картины жизни партии во все периоды ее развития и борьбы с царизмом и буржуазией.

Длинен, тяжел и разнообразен был путь борьбы творцов революции. Под гнетом капиталистического и царского режима, среди грохота и шума фабрик и заводов, в душных казармах нарождались сначала единичные борцы, затем появлялись отдельные группки, из которых постепенно выковывалась крепкая организация для борьбы с существующим режимом.

Этот сборник должен напомнить всем и особенно нашей молодой смене, с какими трудностями и тяжелыми потерями в течение многих лет пришлось вырывать власть из рук буржуазии и ее наемников. Революционная рабочая и крестьянская молодежь должна знать, какую суровую школу арестов, обысков и тюрем пришлось пройти до победных дней Великого Октября.

c. 27

ГЛАВА I.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПОДОЛЬСКОМ УЕЗДЕ.

Прежде чем приступить к истории развития революционного движения в г. Подольске и его уезде, необходимо сказать несколько слов о развитии там промышленности.

Подольский уезд совершенно лишен тех основных природных условий, которые обеспечивают правильное развитие крупных промышленных предприятий: в нем нет топлива, нет сырья, нет даже лесных материалов.

Возникновение крупных заводских предприятий в Подольском уезде (I-й гос. зав. б. Зингера, Климовский з-д, Юсуповская фабрика, бывш. Шлихтерман и др.) может быть об'яснено только близостью этого уезда к Москве—центру фабрично-заводской жизни—и избытком дешевой рабочей силы.

Малоземелье заставляло крестьян искать подсобных промыслов. Издавна в Подольском уезде крестьяне занимались кустарными промыслами. Особенно было развито фетровое шляпочное производство и токарно-игрушечное.

Благодаря избыточному населению и близости к Москве с 70-х и 80-х г. г. не только русские, но и заграничные промышленники обращают внимание на Подольский уезд и в какие-нибудь 30—40 лет покрывают его целой сетью фабрично-заводских предприятий.

Проведение Курской жел. дороги в 1865—68 годах способствует еще более быстрому развитию промышленности, т. к. жел. дорога сблизила Подольский уезд с Москвой.

Природные условия уезда, богатые залежи известняков, особенно сильно развитые в бассейнах рек Пахры, Мочи и Десны, по берегам которых обнаруживаются их многочисленные обнажения, должны были благоприятствовать развитию заводов вяжущих веществ (цемента).

Но несмотря на это, заводы вяжущих веществ возникают в уезде значительно позднее, а прежде всего развивается хлопчато-бумажное производство.

В 1853 г. в с. Венюкове Молодинской вол. начала работать первая ситце-набивная и платочная фабрика Медведева, ныне „Красный Узбекистан". Через 5 лет возникает заведение Алексеевых в Кленовской вол. и в 1870 г. льно-шерсто-ткацкая фабрика бр. Келлер. С 1870 г. развитие промышленности идет

более ускоренными темпом, который усиливается в 80-е и 90-е годы прошлого столетия, когда возникают заводы вяжущих веществ.

Первые текстильные фабрики, как видим, возникли не в г. Подольске, а в глухих уголках уезда, т. к. предприниматели находили там в избытке дешевую рабочую силу среди бобылей и малоземельных крестьян, покорных им благодаря своей темноте и бедности.

В 80-х годах в Подольском уезде начинают также появляться заводы металло-обрабатывающей промышленности. В 1888 г. Московское Т-во основывает при станции Гривно Климовский механический завод (в настоящее время Государственный Климовский Механический завод № 11) с количеством рабочих и служащих в 670 человек.

В 1900 г. Американская компания Зингер строит завод для изготовления швейных машин (теперь 1-й Государственный Механический завод). На этом заводе предполагалось сначала довести число рабочих до 1500 человек. С 1902 г. по 1905 г. завод быстро растет. К 1914 г. на заводе уже работает до 5000 чел. Компания Зингер предполагала значительно расширить производство (в последнее время завод выпускал до 2500 швейных машин в день) и вместе с тем увеличить число рабочих. Завод был прекрасно оборудован и построен с чисто американским размахом. Теперь механический завод тесно связан с рядом других заводов, расположенных в г. Подольске. Имея мощную электрическую станцию, он снабжает энергией паровозо-ремонтный завод и два других завода, поместившихся на территории механического завода, а также весь г. Подольск.

Если считать, что первая по времени возникновения ситце-набивная и платочная фабрика—Медведева начала работать в 1853 г. с количеством рабочих в 750 чел. (что, конечно, можно допускать только предположительно), то за 61 год с 1853 г. по 1914 год число фабричных рабочих Подольского уезда с 750 чел. дошло до 12.937, т. е. увеличилось в 17 раз, а число предприятий в 33 раза (в период 1913—1924 г. по Подольскому уезду числилось 33 крупных и средних фабрично-заводских предприятий *).

Положение рабочих на текстильных ф-ках в конце 19-го столетия.

На текстильные фабрики шли безземельные крестьяне и бобыли не только со всего Подольского уезда, но также и из других уездов. Рабочие текстильщики, благодаря своей темноте и политической отсталости, подвергались самой жестокой эксплоатации со стороны фабрикантов.

Рабочие были крепко связаны с деревней. Многие из них по окончании работы уходили ночевать в свои деревенские хаты и не прерывали связи с сельским хозяйством. Другие жили в фабричных корпусах в ужасных условиях чисто крепостного режима. Как тюрьма, высились огромные корпуса

*) „Подольский уезд Московской губ. Статистическо-экономический очерк." 1924 г.

с общими спальнями и нарами, переполненными до верху народом. Здесь кишели целые стада паразитов—вшей, блох, клопов и тараканов. В промозглой обстановке этих спален, в грязных столовых, уборных и на фабрике проходила жизнь рабочих—текстильщиков. Избавиться от вечного надзора хозяйских сторожей, от принудительного тушения света в установленные часы, притти домой, когда хочешь, было мечтой рабочих, особенно тех из них, кто вкусил хоть немного городской культурной жизни, кто сознал весь ужас подневольного труда.

12-ти часовой рабочий день („чистой работы"), постоянные сверхурочные работы по вечерам и праздникам, жалкая заработная плата, из которой половина уходила в артельный котел, где в супе „крупинка за крупинкой бегали с дубинкой", где изысканным блюдом были кусочки головизны или узенькие полоски рубца, коровьего желудка, при этом еще плохо промытого,—вот каковы были условия жизни пролетариата. Все рабочие надрывались от чрезмерного труда, чтобы самим не умереть с голода и хоть чем-нибудь помочь не менее голодной деревне *).

Жизнь рабочих как на фабрике, так и в казарме определялась строгими правилами внутреннего распорядка, напоминающими тюремный режим. За неисполнение этих правил полагался штраф или увольнение.

В текстильной промышленности широко применялся женский труд, как более дешевый и выгодный для фабриканта. Если темен и забит был мужчина, то женщина была еще более забитой и темной, еще больше подвергалась эксплоатации. Хозяин ничем не стеснялся на своей фабрике. Он был здесь царь и бог.

Честь работницы затаптывалась в грязь. Если хозяин звал работницу к себе в „гости", то необходимо было итти, будь это днем или ночью. Отказ влек за собой штраф или расчет. Не лучше, а подчас и хуже были мастера, которые безнаказанно свирепствовали на фабрике.

Говорить об улучшении жизни или жаловаться было нельзя, да и некому. Капитал царствовал неограниченно. За каждое заявленное недовольство хозяева и их слуги сейчас же выбрасывали такого рабочего с фабрики за ворота, не считаясь с его семьей; его фамилия заносилась в черные списки, которые передавались с фабрики на фабрику, чтобы „беспокойные" нигде не могли найти себе работы.

Рабочих намеренно держали в темноте и забивали их головы поповскими молитвами, молебнами на фабрике и заводах, коллективными подписками на иконы, на построение церквей, часовен.

В трактирах, куда изредка заглядывали рабочие, у хозяев были свои соглядатаи, которые следили за опасными разговорами, за чтением газет.

*) Из воспоминаний т. И. Леонова.

Наиболее распространенной газетой в то время был „Московский Листок“ с его зубоскальством и похождениями разбойника Чуркина. Читателей газет было очень мало. Большинство рабочих было неграмотно. О стачках и политике масса имела смутное превратное представление. А между тем через несколько лет эта серая отсталая масса явилась творцом и деятелем революции 1905 года.

Положение рабочих на заводах металло - обрабатывающей промышленности.

В 80-х годах, как сказано выше, в Подольском уезде возникают заводы металлообрабатывающей промышленности. Необходимая по техническим условиям работы на этих заводах квалифицированная сила не могла быть набрана из темных отсталых крестьян окрестных деревень. Поэтому вполне естественно, что с появлением заводов металло-обрабатывающей промышленности в Подольский уезд проникают одновременно из других фабрично-заводских центров квалифицированные рабочие. Прибывши из центров, где рабочая жизнь уже несколько оформилась, где экономические вопросы уже связывались с вопросами политического характера, рабочие эти принесли с собой на фабрики и заводы Подольского уезда новые слова и новые думы. Жизненная правда этих слов и дум находила отклик в забитых нуждой рабочих, будила их мысли. Рабочий, не металлист, не квалифицированный сравнивал свою скудную жизнь с жизнью и условиями труда металлистов, которые знали себе цену и не позволяли предпринимателям слишком уже грубо эксплоатировать себя. Но общая рабочая масса даже на механических заводах в то время была в общем мало сознательна.

Вот что говорит т. Буганов, рабочий Климовского завода, в своих воспоминаниях даже о начале 900 х годов: „Мы тогда еще не знали, что такое партия, что такое нелегальная литература. Тогда я жил в полном неведении, только почитывал художественную литературу. Так жили и все другие рабочие. Много пили водки, много безобразничали, валялись в получку по канавам, теряли образ человеческий. В казармах в получку бранились, пели песни, шумели до полуночи, а позднее в каморках пахло перегорелым спиртом и все мы засыпали под пьяные оргии беспокойным сном, не видя никакого смысла в жизни. Утром опять похмелье. Ужасом веяло от этой жизни. Днем можно итти в лес, в поле, а ночью опять приходилось слушать эту пьяную жизнь своих товарищей. Пьянство почти совсем не преследовалось. Директор бывало говорит: „пусть пропьются, покорнее будут“.

В то время и наиболее передовые из прибывших квалифицированных рабочих не были об'единены одними политическими убеждениями. Среди них были народовольцы, попадались и рабочие, сочувствующие „Группе Освобождения Труда“ (первые марксисты).

Время стерло многое из памяти, стерло и имена первых передовых рабочих.

В воспоминаниях современников—т. Леонова и других упоминается только Ермаков Адриан Петрович, рабочий Климовского завода, и Литейщиков Иван Федорович из Лопасни. Первый был народоволец, а второй принадлежал к „Группе Освобождения Труда". Ермаков появился в Подольском уезде случайно, не по своей доброй воле. Он был выслан из Петербурга (теперь Ленинград), где работал на одном из заводов в качестве токаря. Они вели агитацию среди рабочих, тем более удачную, что обстановка жизни рабочих агитировала сильнее их слов. Не нужно было обладать красноречием, чтобы открыть глаза товарищей на их жизнь. Тяжелые условия жизни и работы служили прекрасной темой для разговоров, а отсюда легко можно было вести речь о классовой солидарности рабочих и о том пути, по которому нужно итти, чтобы завоевать лучшую жизнь.

„Экономическая борьба"—говорит один из современников в своих воспоминаниях—„вспыхивает то в одном, то в другом уголке уезда, перебрасывается с одного завода на другой, с одной фабрики на другую". Но организованной партийной работы среди фабричных рабочих Подольского уезда в то время не было.

ГЛАВА II.

НАЧАЛО ПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ (1898—1902 г.).

Конец 1898 года ознаменовался организацией на большинстве фабрик и заводов Подольского уезда социал-демократических кружков. Первая кружковая организация возникла среди наиболее политически подготовленных металлистов. После проведения ряда лекций, для чтения которых приезжал обыкновенно организатор из Москвы, приступали к работе в массе, в самой гуще рабочих. Где только было возможно, велась агитация, нащупывались рабочие, которых можно было втянуть в кружки, выписывалась газета „Русские Ведомости" и некоторые другие. Чтение газет преследовалось, хозяйские соглядатаи доносили администрации завода или фабрики, довольно часто доносили и полиции. Замеченные в чтении газет рабочие брались на подозрение и заносились в особые списки.

Руководители кружков, несмотря на неблагоприятные условия, на все усиливающееся шпионство, делали свое трудное и опасное дело. Собирались и агитировали, где попало: в уборных, в трактирах, чайных и тому подобных местах. Работа усиливалась, когда из Москвы привозились листовки—прокламации и свежая нелегальная литература. Для кружковцев тогда наступало горячее время: разбрасывали прокламации по мастерским, по улицам и дорогам, где обычно проходили рабочие, идя на завод или с завода, в местах, где обычно устраивались гулянья. Не забывалась и деревня. И туда отвозились листовки и разбрасывались по селениям. Нередко рабочие, придя на работу к своему станку или верстаку, находили на них прокламацию, которая тут же и читалась. Администрация заводов и мастера бесились, выходили из себя в напрасных поисках „виновников преступленых деяний и сеятелей смуты и крамолы". Усиливался надзор, прибавлялись шпионы, но напрасно. Прокламации появлялись все чаще, агитация усиливалась. На помощь призывалась полиция и жандармерия. Производились летучие неожиданные налеты—проверки, велись следствия, но без особых результатов. Кружковцы продолжали работу, не прерывая ее с 1898 г. по 1902 г. Начиная с 1901 г. стали изредка получать и „Искру". Так как газета прибывала в строго ограниченном количестве, иногда по два, три экземпляра, то наиболее важные статьи и заметки перепечатывались на гектографах или просто пере-

писывались от руки и затем распространялись среди рабочих. В большом количестве из Москвы привозилась литература агитационного характера. Из литературы того времени можно назвать брошюры: „Пауки и мухи“, „Царь голод“, „Эрфуртская программа“, „Политическая экономия“, „Женщина и Социализм“ Бебеля и друг.

Климовский завод (воспоминания т. И. Леонова).

Организация первых кружков.

В 1902 г. я приехал из Москвы и поступил на Климовский машиностроительный завод слесарем. Завод находился в 3-х верстах от той деревни (Сертякино), где проживала моя семья. Каждый день я ходил в свою деревню на ночь. В этой деревне собирались сходы, на которых крестьяне разговаривали о своих обычных делах. На сходы иногда приходила учительница земской школы Варвара Петровна Кулагина. На этих крестьянских сходах, хотя и не совсем открыто, мы всетаки порицали самодержавный строй. Всячески старались какими-нибудь путями действовать так, чтобы посеять среди крестьян недоверие к самодержавию. Говорил по данному вопросу я, а также и учительница В. П. Кулагина. Когда я с ней поближе познакомился, В. П. Кулагина попросила меня притти к ней побеседовать. Я стал ее посещать. Мы с ней говорили исключительно на политические темы. Через некоторое время она предложила мне поехать в Подольск и познакомить меня с ее товарищами. Я, конечно, согласился на это. В Подольске на собрании я увидел целый ряд интеллигентных товарищей. Здесь были т. Н. Муралов, брат его Александр Муралов и сестры их Юлия и Мария Мураловы, А. Н. Елагин и его жена Е. Елагина. Говорили на политические темы, обсуждался вопрос об организации кружка в уезде. Здесь мне было дано поручение навербовать надежных товарищей среди климовских рабочих.

Леонов И. Е.

Но я еще не знал среди рабочих таких развитых людей, которые были нужны нам для организации. В это время на заводе вспыхнула экономическая забастовка. И вот, когда все рабочие пришли на общее собрание под „трубой“, я увидел здесь некоторых передовых товарищей, которые выступали перед рабочими и говорили о насущных нуждах и о тех требованиях, которые необходимо было выставить перед администрацией завода, чтобы улучшить положение рабочих.

Эти товарищи находились в различных цехах.

Я стал к ним ходить и с каждым в отдельности беседовать. Через некоторое время я предложил т. т. П. Е. Терехову, Я. Сарпецкому, Сазонову, Цимбаеву (ныне умерший), Лысенкову, Касицыну, Ушкову, Самохину, Андрееву и другим собраться где-нибудь в лесу, потому что нужно было соблюдать строгую конспирацию. Они согласились. На этом первом нашем собрании я говорил о необходимости организовать кружок, знакомил их с задачами партии и т. д. Мы решили организовать кружок, назначить день для собраний и пригласить товарища пропагандиста для занятий с кружком. Я поехал в Подольск к Муралову и попросил его руководить нашим кружком. Решено было присылать в кружок только тех товарищей, которые здесь никому не были известны.

Таким образом начались систематические занятия с нашим первым кружком.

Кружок вел свои занятия не на территории завода, где усиленно следила администрация и полиция. С весны до осени собирались обыкновенно в лесу, который со всех сторон окружал фабрику.

Излюбленным местом собраний кружков в лесу была поляна за Петрицей. Поляна эта находилась в версте от завода вдоль по реке, в чаще леса. Здесь под ветвями векового дуба, известного под названием „Маврийский Дуб", и собирались рабочие на кружковые занятия в летние месяцы. В дупле этого дуба иногда пряталась нелегальная литература, которая раздавалась товарищам, приходившим сюда. Собрания устраивались ночью, чтобы можно было спокойнее проводить работу. Осенью и зимой собирались обыкновенно в Сертякинской земской школе: учительница этой школы Варвара Петровна Кулагина и ее сестра Татьяна Петровна (ныне Ярцева) принимали самое горячее участие в организации кружков. Кружок знакомил рабочих с Полит. Экономией Богданова, с Эрфуртской программой; читали лекции (между прочим по первобытной культуре), знакомили с „Капиталом" Карла Маркса. Так занятия происходили до тех пор, пока кружок вполне не определялся, получал политическое воспитание, и мы таким образом узнавали, что это действительно надежные товарищи, на которых можно положиться. На одном из собраний решено было навербовать других товарищей для занятий с ними. Мне не дали кружка для занятий, потому что у меня были связи с центральными организациями. Таким образом было навербовано несколько кружков, в которые вошли следующие товарищи: Сергеев, Громов, Никитин, Малинин Дмитрий, Петров, Бакастов, А. П. Ермаков, бывший народоволец, Лобанов, Трифонов, Афанасьев с-р., Астафьев, Микряев, Максим Матвеев, Е. Леонова, Кулагина, Сиротинин, Семен Андреев, Насонов, Сазонов, Сомохин, Косицын, Терехов, Чурков, Фролов, Кулаков и ряд других товарищей. Устраивались собрания с этими товарищами и велась подготовительная работа. Кружки соби-

рались по своему усмотрению там, где они могли найти помещение. Эти товарищи подготовлялись довольно долгое время. Из Московского Окружного Комитета приезжали пропагандисы, ораторы и т. п. Пропагандисты всегда выезжали на кружковые собрания, ораторы приезжали на устраиваемые массовки. Эти приезжие тов. были—Н. Муралов, Александр Муралов, А. Н. Елагин, Шумкин (кличка „Петр Петрович"), Мандельштам (кличка „Иван Васильевич"), Калашников, большой дядя саженного роста с большими курчавыми волосами, Всеволод, Мячик, Сталь, Антихрист (кличка), Иван Васильевич, Александр Иванович (кличка), Н. А. Гаврилов (по Московскому Окружному Комитету кличка — Валентин), Монахов, Малиновский, оказавшийся впоследствии провокатором, В. А. Левицкий, Розенфельд В. Е. (зубной врач в Подольске), Раиса Васильевна Войнова (учительница), Чуриков, Е. А. Елагина, М. Ф. Петров, Шестаков. Михайлов (врач), Том (кличка), Шульгин, Лебедев, Сухов (врачи Мещерской больнице), Караваев С., Котин. Все эти товарищи приезжали в Подольский уезд и вели здесь подпольную политическую работу. Такое же активное участие принимали Гурновы (из села Сертякина) Владимир Владимирович и его жена Елизавета Захаровна, а их дети Лиза и Леша и Екатерина Леонова (сестра Леонова) очень умело распространяли прокламации.

Розенфельд В. Е.

Революционный кружок в Мещерской больнице.

Кроме заводов Зингера и Климовского революционная работа велась также в Мещерской больнице. Еще в 1903 году в этой больнице существовал подпольный кружок, в который входили служащие больницы во главе с директором Яковенко (эсеры и эсдеки вместе).

Мещерская психиатрическая больница (имени Владимира Ивановича Яковенко), расположенная в 10 верстах от станции Столбовая по Курской ж. д., окружена хвойным и лиственным лесом. Больница представляет из себя несколько десятков зданий и пристроек, разбросанных по лесу, там же имеется два громадных здания (между прочим бывший дворец барона Бодэ).

Эта больница, удаленная от уездного города Подольска, имела большое значение в развитии революционного движения уезда.

Подготовка революции велась как в самой больнице, так и в ее окрестностях. Около здания почтового отделения, на горке при въезде в больницу, стоит деревянный особняк. Это здание (ныне школа II ступени) было выстроено Боткиным для душевно-больной родственницы. Там был подобран благонадежный персонал, ухаживавший за больной, на которую тратились громадные средства. Этот персонал видимо не внушал никакого подозрения местной охранке, поэтому это здание являлось самым безопасным местом для подпольной революционной работы.

В Мещерской больнице с'организовался крепкий, тесный кружок лиц, которые очень энергично вели здесь революционную работу. В этом кружке принимали участие и с.-д. большевики, и с.-р., и лица беспартийные, сочувствующие и помогающие революционной работе.

В своих воспоминаниях Сергей Владимирович Кандиани называет следующих лиц, входивших в Мещерскую организацию: 1) Быстрицкий, занимал должность младшего надзирателя при б-це, состоял в партии с.-р., скрылся из больницы после Московского вооруженного восстания, до этого руководил экспроприацией кассы Московского Университета; 2) Вегер Владимир Ильич—сын врача, в то время студент Московского Университета, учился на юридическом факультете, имел университетскую кличку „Подолжец", под этой кличкой скрывался, имел связь с Областным Комитетом РСДРП большевиков и с Мещерской больницей им. Яковенко; 3) Кандиани Сергей Владимирович, был исключен из среднего учебного заведения (Костромского Технического училища) в 1904 году за подготовку к революционному восстанию среди учеников, был исключен в числе 60 человек и выслан из города Костромы, по дороге был подвергнут казаками побоям. Приехав в больницу, вступил в партию РСДРП(б), имел нелегальную квартиру в Москве в 4-м Самотечном переулке, около Цветного бульвара. Скрывался под фамилией Волгина. С Подольской организацией связался через тов. Леонова. В больницу поступил надзирателем под своей фамилией, но скоро был взят в солдаты. В Подольском Воинском Присутствии предводитель дворянства Катков заявил, что Кандиани нечего осматривать—„он годен" и запретил доктору Моровичу его выслушивать, сказав: „таких, как он, нельзя оставлять в России; ему место в Сибири, он социал-демократ, а нам такие не нужны; в Сибири же скорей он попадет туда, куда нужно". Кандиани в действительности был отправлен рядовым в Сибирь; 4) Пушков—надзиратель при больнице, член РСДРП; 5) Сухов—врач больницы Яковенко; 6) Лебедев—член ПСР; 7) Рыжов Федор—надзиратель при б-це, принадлежал к РСДРП (меньшевиков); 8) Голованова Надежда Николаевна—надзирательница при б-це, принадлежала к РСДРП (меньшевиков); 9) Невзнер Илья Давыдович принадлежал к РСДРП, врач; 10) Замакин—служитель, позднее был учителем, принадлежал к РСДРП (большевиков); 11) Братская

Лидия Николаевна—фельдшерица, в партии не состояла, но сочувствовала РСДРП (меньшевиков); 12) Вячеслав Владимирович Яковенко—сын директора, был членом партии СР. По окончании гимназии принимал активное участие в вооруженном восстании в Москве на Пресне (был ранен в левую руку на баррикадах); 13) Холодков; 14) Капралов; 15) Андреев Дмитрий Васильевич; 16) Давыдов Фирс Васильевич; 17) Демин Ефим Трофимович—членами партии не были, но сочувствовали партии РСДРП и принимали участие в агитации и распространении литературы; 18) Никифоров Николай Всеволодович—надзиратель; 19) Владимир Валерианович Кандиани—в партии не состоял, сочувствовал партии СР, принимал участие на митингах и в распространении литературы и прокламаций, принимал участие в организации боевой дружины; 20) Гренина Надежда Степановна—жена врача, в партии не состояла, сочувствовала ПСР: 21) Ефремов—младший надзиратель при б-це, в партии не состоял, сочувствовал РСДРП; 22) Иванов—надзиратель при б-це, в партии не был, сочувствовал ПСР; 23) Мишин—младший надзиратель, в партии не состоял, сочувствовал РСДРП(б), 24) Болванов—надзиратель при б-це имени Яковенко, сочувствовал ПСР.

Все собрания происходили обыкновенно в комнате Над. Ник. Головановой, которая жила в особняке Боткиной и была надзирательницей по уходу за больной Боткиной.

В комнате на 2-м этаже собирались Вегер В. И., Кандиани С. В., Сухов, Лебедев, Быстрицкий, Пушков, Капралов, Холодов, Рыжов для обсуждения всех вопросов. Связь с Окр. Ком. РСДРП поддерживалась все время через т. Леонова.

Обыкновенно проходили в комнату Н. А. Головановой ночью. Ночью же в этой комнате печатались воззвания, листовки. Было 3 гектографа, на которых работали по-трое по очереди. Все прокламации спускались вниз в окно для переправки в нижний этаж в кочегарку для просушки и ночью же оттуда извлекались и передавались Холодкову, Капралову, Давыдову и Демину Е. Т. для распространения среди крестьян соседних деревень. Там же печатались листовки о Японской войне, которые переправлялись на Климовский завод через т. Леонова.

Два кружка по изучению политической экономии и истории революционного движения собирались обыкновенно в квартире С. В. Кандиани. Кружки вели—С. В. Кандиани, В. И. Вегер и Сухов по очереди. Собирались всегда к вечеру под предлогом выработки музыкально-вокальной программы вечеров для служителей. В кружках состояли все вышеназванные товарищи. Был также кружок на больничной ферме, которым руководил Дмитрий Павлович Руднев—агроном; после 1906 года он скрылся, убежав по дороге из под стражи.

На всех митингах и массовках обыкновенно руководили по заданию партии Быстрицкий, Леонов, Кандиани, Вегер. Велась также и работа в квартире врача Лебедева. Посещали

т. Лебедева тов. Демин, Полодцев, Замахин и остальные выше указанные товарищи. Там читались рефераты, делались доклады и собрания т. т. Вегером, Суховым и др.

Квартира Кандиани служила явочной квартирой, куда приезжали ночью докладчики из Москвы, Серпухова; в этой же квартире было совещание в 1905 году по организации боевой дружины и по отправке ее в Москву.

Связь с Окружным Комитетом РСДРП поддерживалась все время через т. Леонова.

Большие митинги и массовки происходили обыкновенно в кладбищенском овраге за больницей. Кладбищенский овраг, окруженный со всех сторон густым лесом, являлся очень удобным местом для таких массовых собраний, которые здесь постоянно и устраивались в 1905 году. Мещерская организация была очень сплоченная. В 1905 году у ней имелась боевая дружина, было оружие—винтовки, револьверы и даже бомбы, которые хранились у Быстрицкого (были подвешены к кровати). имелось несколько адских машин, которые были спрятаны в яме, вырытой в овраге рабочими. Эта организация была тесно связана с рабочими организациями, но работала главным образом среди крестьян и учительства.

Революционная работа на фабрике Шлихтермана.

(Воспоминания т. Маркина).

Революционная работа на фабрике Шлихтермана началась в 1903 году. Возникла она самостоятельно, когда в рабочей среде стало стихийно нарастать революционное настроение.

На расстоянии версты от ф-ки находится село Константиново. В селе была земская школа. На фабрике была также школа, но в то время многие фабричные школы, как известно, находились под таким давлением, что ничуть не отличались от церковно-приходских.

В село Константиново приехала молодая, энергичная учительница. Здесь она познакомилась с т. П. Е Калининым и заинтересовала его книгами. Об этом т. Калинин сообщил мне, придя на работу. Мы в то время искали книг, ибо на нашей фабрике библиотеки никакой не было, а библиотека фабричной школы была набита житиями святых. Калинин сказал учительнице, что придет с товарищем. На следующий день мы пришли к учительнице втроем, захватив с собой Михаила Маркина, который принял впоследствии горячее участие в работе Симоновского района в Москве. Учительница предложила нам книги. Сначала она познакомила нас с Гл. Успенским. Вот с этого и начал свою работу наш самостоятельный кружок на фабрике Шлихтермана. В 1903 году на фабрике возникла экономическая забастовка с требованием прибавки жалованья на 3 коп. в день. Забастовка была выиграна. В ней принимал активное участие и за это был уволен Александр Никифорович Лошкин. После забастовки на фабрике Шлихтермана рабочие стали

устраивать нелегальные собрания в уборной. В конце 1903 г. у нас появился т. Лядин, ученик—слесарь с нашей фабрики. Пройдя учебу слесаря, он перешел в Люберцы и там имел возможность войти в более широкую организацию. Тов. Лядин знал меня и, приезжая к отцу на фабрику, всегда старался повидаться со мной. Он предложил мне снабжать нас литературой. Я с радостью ухватился за его предложение. Сначала он давал нам полулегальную литературу, а впоследствии нелегальную. Лядин был расстрелян в 1905 г. в Люберцах карательной экспедицией Римана.

Подольская соц.-демократ. большевитская организация.

Революционная работа на заводах в Подольском уезде, как видно из приведенных отрывков воспоминаний товарищей, возникла с начала 900-х годов. Все эти небольшие революционные кружки имели тесную связь с Подольской большевистской организацией.

Библиотека Института Ленина 98381

В начале 900-х годов в Подольск под гласный надзор полиции был выслан брат В. И. Ульянова-Ленина Д. И. Ульянов. Здесь же жила его мать—М. А. Ульянова и сестра Мария Ильинична. Последняя начала работать в качестве счетницы у врача Левицкого, первого марксиста-теоретика в Подольске. Летом 1900 г. в Подольске был проездом из Сибири и Владимир Ильич, он приезжал повидаться с семьей. В это же время в Подольске поселились Н. Н. и Е. А. Елагины (первый в качестве секретаря земской управы, оба соц.-демократы большевики), Л. И. Скворцова (умершая сестра И. И. Скворцова-Степанова, учительница), затем Н. И. Муралов—в качестве заведующего земским сел.-хоз. складом и др. Этот кружок имел тесную связь с целым рядом учительниц сельских школ.

Наиболее деятельными среди учительниц были: Варвара Петровна Кулагина (учительница в селе Сертякине), Мария Яковлевна Павлова (учительница в Чернской школе Сухановской волости) и Раиса Васильевна Войнова (в Федчищевской школе Дубровицкой волости).

Сестры Татьяна и Варвара Кулагины.

Во всех этих школах устраивались собрания кружковцев—рабочих, велись беседы. Таким образом были обеспечены помещения для занятий. Обычно один из товарищей поддерживал связь со всеми организациями в уезде и назначал день и час собрания кружка. Кружок обыкновенно собирался ночью.

В школу входили по одному со всеми предосторожностями. Собрание открывалось лекцией без огня, чтобы кто либо не проследил и не выдал жандармам.

В конспиративном отношении очень удобна была Сертякинская школа: она находилась в имении Соловьева, во втором саду, далеко от жилых помещений и посторонних взоров, так что приезжие товарищи могли проходить туда незамеченными

Вот что говорит т. Н. И. Муралов о революционной работе в Подольске, куда он приехал в 1903 году и где застал уже готовую организацию социал-демократической партии большевиков—в лице вышеназванных товарищей.

„В Подольске я вступил в организацию соц.-дем. партии большевиков. Об'ектом нашей работы был завод Зингер. Рабочие там высококвалифицированные и очень развитые. Там был кружок человек в 20. Затем при станции Гривно—Климовский механический завод, там было человек 15—20 тоже развитых рабочих (слесаря и токаря), затем организация на Медведевской фабрике в районе Лопасни. Там же была ячейка, ближайшим руководителем которой был врач С. Н. Михайлов. ныне живущий в г. Серпухове. Основной организацией были интеллигенты—земские служащие: А. Н. Елагин, секретарь Земской Управы, и В. А. Левицкий—санитарный врач. Об'ектом нашей работы был еще цементный завод, который стоит на реке Пахре у Подольска. Несмотря на то, что завод этот очень большой и наплыв рабочих там был велик, нам долго не удавалось сорганизовать там ячейки. Это об'ясняется тем, что производство на заводе не высокой квалификации и там была масса пришлых рабочих из глухих губерний—Орловской. Курской, Калужской—простые крестьяне, неграмотные, неквалифицированные рабочие. Мы называли этот завод Порт-Артуром, который нам никак не удавалось взять. Ответственным организатором был известный многим рабочим Гриша Петров.

Для того, чтобы завлечь мало-квалифицированную публику, рабочих с цементного завода, мы воспользовались возможностью проводить так называемую культурную работу: использовывали чтения с волшебным фонарем, нашу земскую библиотеку, куда посадили мою сестру Юлию Ивановну. Сестра старалась вовлечь побольше рабочих с цементного завода. Нам удавалось созывать летучки и распространять листки среди рабочих цементного завода. Наша большевистская литература и прокламации обыкновенно хранились у меня на складе сел.-хоз. машин и орудий. Кроме этого мы занялись вовлечением и крестьянских масс в нашу работу.

В работе среди крестьян большую роль играл учительский персонал. Чтобы лучше и удобнее работать среди крестьян, мы в некоторых селах устроили несколько чайных. В этих чайных не было, конечно, спиртных напитков, но был чай, закуски и книги. В этих чайных сидели наши люди—местные рабочие, которые были на черной доске у фабрикантов и потому были безработными.

В эти чайные мы посылали газеты, между прочим „Сын Отечества", довольно радикальную газету, и на ряду с этим пропускали нашу литературу, наши местные кустарные изделия, и ту, которую получали от Моск. Комитета. Свою местную литературу мы обыкновенно печатали по ночам, пользуясь земским техничессим аппаратом, пишущими машинами и шапирографом.

В литературе недостатка не было. Печатный станок работал без перерыва. Главным работником по печатанию была Юлия Ивановна Муралова.

Празднование 1-го Мая.

Уже с 1897 года рабочие Подольских фабрик и заводов отмечали день 1 мая. Об этом говорит т. Леонов в своих воспоминаниях. Но сначала никакой организованности и руководства еще не было. Забастовок не происходило, манифестаций не устраивали. Большею частью рабочие самовольно покидали фабрики и заводы, шли в лес, несли с собой выпивку с закуской и т. д.

Хотя рабочие мало знали о значении 1 мая, но день этот уже был в сердцах рабочих чем-то родным.

Прокламации о 1-м Мае появились впервые на Климовском заводе в 1898 г.

Вот что говорит об этом т. Леонов в своих воспоминаниях:

„В это время я только что начал работать учеником в слесарной мастерской Климовского завода. Придя на завод, я увидал у себя в станке листок небольшого формата, напечатанный мелким шрифтом. В листке говорилось о значении 1-го Мая. Я с тов. Беляковым начал его читать. В это время подошел к нам токарь Адриан Петрович Ермаков и, улыбаясь, спросил нас: „что вы делаете? за это вас могут посадить в тюрьму". Мы перепугались. Тогда он велел нам листовку как можно аккуратней подсунуть кому нибудь в станок. Я незаметно положил ее в станок П. Лычкину, который ее тоже прочитал и сжег под станком. На второй день несколько токарей были в трактире „Волчек" и вели разговоры на тему о майской прокламации. Тогда к ним подошел какой-то неизвестный человек и стал распрашивать, кто давал им прокламации и много ли их было. Они ответили „ничего не знаем". На другой день их вызвали в контору. Там заводской урядник тоже спрашивал, кто приносил в завод прокламации. Но они не дали никаких раз'яснений.

Первый раз первомайская забастовка была правильно организована в 1902 г. Были привезены листки и проводилась агитация. А затем с 1902 г. уже каждый год в день 1-го Мая устраивались массовки в лесу, днем и вечером. Говорились горячие речи о значении 1-го Мая и об организации единой сильной рабочей партии для борьбы с вековым врагом—капиталом. По лесам раздавались горячие призывы: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

ГЛАВА III.

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА и 9-ое ЯНВАРЯ 1905 г.

Японская война.

Начавшаяся в 1904 г. неудачная Японская война и постоянные поражения русских на Дальнем Востоке как нельзя более помогали агитации в массах против самодержавия, затеявшего ненужное и бесполезное для народа крававое дело.

Н. И. Муралов в своих воспоминаниях говорит о том, как относилась рабочая масса в Подольском уезде к Японской войне.

„Я был несколько раз на вокзале, когда провожали эшелоны на Дальний Восток, и могу сказать, что у всех слоев населения, за исключением помещиков, было самое отрицательное отношение к войне. Крестьяне и в особенности наши рабочие ясно отдавали себе отчет в том, что это—авантюра правительства и что надо протестовать.

Мы всегда пользовались моментом отправки мобилизованных на войну, чтобы снабдить каждого солдата прокламациями".

Война возбудила в самых широких слоях населения ненависть к самодержавному правительству, но в головах громадного большинства еще крепко сидела мысль, что виноваты чиновники, министры, но царь тут не при чем.

9-е Января 1905 года.

Рабочие даже в Петербурге в массе своей еще верили в „царя—батюшку". На почве этой веры в царя под руководством попа Гапона созрела среди петербургских рабочих мысль итти к царю с просьбой (петицией) о своих нуждах. Соц.-демократы предупреждали рабочих на счет безполезности таких петиций.

Петербургский Комитет РСДРП обратился накануне 9 января ко всем петербургским рабочим с воззванием.

„Свобода покупается кровью—говорилось в этом воззвании—свобода завоевывается с оружием в руках, в жестоких боях. Не просить царя и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку—только таким путем можно завоевать свободу. Много уже рабочей и крестьянской крови пролито у нас на Руси за свободу, но тогда,

когда все рабочие пойдут штурмом на самодержавие, тогда только загорится заря свободы. Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих: ни от попов, ни от царя вы свободы не дождетесь".

„В воскресенье перед Зимним Дворцом,—если только туда вас пустят,—вы увидите, что вам нечего ждать от царя. Только сами вы сможете завоевать себе свободу. Поэтому и теперь мы повторим то, что говорили в своих листках тысячи раз:

Долой самодержавие!

Долой войну!

Да здравствует вооруженное восстание народа!

Да здравствует великий братский союз рабочих—Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!"

Но рабочие не послушали голоса друзей своих. 9-го января 1905 г., как известно, десятки тысяч рабочих с иконами, хоругвями и царскими портретами вместо оружия двинулись к царскому дворцу со всех концов города. И произошло то, о чем соц.-демократы предупреждали рабочих: царские войска встретили мирно шедших рабочих ружейными залпами.

Это ужасное кровавое воскресение потрясло гневом и возмущением весь рабочий класс России.

На конференции Моск. Комитета и представителей рабочих организаций (около 250 человек) в ночь с 9 на 10 июля 1905 г. было поставлено послать петербургским товарищам письмо.

В этом письме говорилось между прочим:

„9-е января ваши братья тысячами умирали под пулями царского войска. Недаром пролилась эта кровь. Русский народ мстит за нее. Революционное движение с тех пор разлилось по всей России. Мы клянемся отдать делу революционной борьбы нашу мысль, наши чувства, нашу жизнь.

Клянемся же братья. Вечная память жертвам 9-го января". („Пролетарий" № 15 за 1905 г.).

9-е января—великий день раскрепощения классового сознания пролетариата от слепой веры в царя, мешавшей вступить рабочему классу на путь широкой революционной борьбы.

ГЛАВА IV.

ОТ КРУЖКОВ К РАБОТЕ В МАССАХ.

С начала Японской войны партийная работа в Подольском уезде широко развивается. На заводах Климовском и Зингеровском и в Мещерской больнице насчитывалось более 500 организованных рабочих, которые участвовали в кружках и вели ударную работу среди рабочих и крестьян. Забастовки росли. То и дело они вспыхивали по всему уезду.

Стачки. Начинались забастовки часто стихийно: рабочие прекращали работу с пред'явлением требований—увеличить заработную плату, улучшить жилищные условия и пр. Тогда организация брала на себя руководство забастовкой. Но обычно уже заранее вырабатывался план проведения забастовки, и вырабатывались требования к заводской администрации. Оставалось только остановить завод. Это делалось очень просто. Посылались мальчики по цехам с криком „на собрание!"—и этого было довольно. Все шли в назначенную мастерскую, а если было тепло, то во двор. Собирались моментально, в какие нибудь десять минут весь завод уже был в сборе. Товарищ, назначенный революционной организацией, вставал на бочку или ящик и при гробовой тишине начинал раз'яснять причины собрания и предлагал избрать делегатов для пред'явления требований.

Выбирались делегаты, которые на основе выработанных требований и вели переговоры с администрацией, обычно не приводившие к соглашению. Об'являлась забастовка, рабочие выходили за ворота с революционной песней „Вставай, поднимайся, рабочий народ!".

К осени 1905 года устроить забастовку на любой фабрике, по словам т. Муралова, не стоило почти никакого труда.

Настроение рабочих Подольского уезда было таково, что достаточно было провести предварительную массовку в лесу, а на другой день появиться на фабрике и обратиться к рабочим с речью, чтобы вся фабрика остановилась и были пред'явлены требования дирекции.

Массовки. Неудачи японской войны, ужасы 9-го января, бессилие и злоба правительства, целый ряд террористических актов—все это давало повод для самой широкой революционной агитации. Начались массовки.

В 1904 г. было устроено по уезду более 50 массовок по вопросам:

1) не давать ни одного солдата (новобранца) в армию;
2) не платить податей правительству;
3) кому нужна японская война и цель ее;
4) самодержавие фабрикантов и заводчиков;
5) рабочий класс и правительство.

Обыкновенно массовка начиналась после работы вечером. Сначала оповещались только свои члены кружков. Когда же все предосторожности были приняты, тогда об'являлось о массовке на заводе.

Каждому члену кружка давалось поручение пригласить только более надежных товарищей и устанавливался пароль.

Массовки устраивались большей частью в лесу, около ст. Гривно, за Новой Слободкой, под „Маврийским" дубом, под охраной вооруженных патрулей.

Если массовка устраивалась вдали от леса, то от завода или от города ставились на некотором расстоянии друг от друга патрули.

На массовке иногда присутствовало до 500 человек. Приехавший товарищ от М. О. К. говорил часа два и больше. Задавалось много вопросов, выступали также и товарищи из среды рабочих. Если жандармерии удавалось узнавать о собрании, она конечно старалась захватить массовку и произвести аресты. Но обыкновенно рабочие своевременно расходились или давали отпор.

Эти собрания были полны воодушевления и какого то глубокого серьезного напряжения.

Вот что говорит т. Буганов об одном таком собрании, происходившем ночью в лесу, под дубом:

„Среди рабочих один был посторонний (своих я всех знал). Он говорил о надвигающейся всероссийской забастовке, и собрание решило, что нам тоже надо забастовать и предъявить экономические требования. После речи он роздал маленькие книжечки с революционными песнями, которых раньше я никогда не читал и не видал. Роздали всем церковные свечки, зажгли их, и тут я разглядел хорошо лицо агитатора. Он был черный, лет 25 или 30, с очень энергичным лицом, голос почти бас, властный, смелый, решительный. Я впоследствии узнал, что это был Муралов Николай Иванович. Он первый запел „Варшавянку", к нему присоединились другие. Сколько энергии и силы было в этой нашей песне! Как серьезны были лица певцов!"

Интересно отметить, как приезжие товарищи узнавали о том, куда им нужно итти. Обыкновенно на станцию выходил кто нибудь из членов кружка, знавший пароль, брал связку баранок (это было условленная примета), садился где нибудь около станции и поджидал. Товарищ из Москвы подходил к нему, говорил ему пароль, тот в свою очередь отвечал тоже паролем, и когда они таким образом узнавали друг друга,

приехавшего направляли к патрулю, который вел его на место массовки.

Для приезжавших из Москвы товарищей были подготовлены конспиративные квартиры Одна квартира была в Сертякинской школе, но там редко оставались ночевать. Туда обыкновенно привозилось оружие и литература, которые из школы распределялись по организациям. Вторая квартира была у Гурновых, которые очень помогали революционной работе. Но главная явочная квартира для приезжающих агитаторов и пропагандистов была у Леоновых в дер. Сертякине. Тов. Леонов был главным образом организатором и техником по вооружению партийцев—боевиков. Главная база и штаб в 1905 г. находились на Климовском заводе.

Дом Оболенского.

ГЛАВА V.

1905 ГОД В ПОДОЛЬСКЕ.

С сентября 1905 г. революционная работа в Подольске стала особенно оживленной. Массовки происходили очень часто. Собирались в лесу и в школах, больше всего в Федчищевской школе, близ Подольска, где в то время учительствовала очень активная работница Войнова Раиса Васильевна. Были собрания также в Сертякинской школе и в Чернской близ ст. Бутово, в которой выступал по аграрному вопросу тов. Н. А. Рожков. Впоследствии весь центр работы был перенесен на дачу Платунова, которая стояла в лесу напротив ст. Гривно. В ней жила жена врача Мещерской больницы Генике. Она была с-д. большевичка, принимала горячее участие в революционной работе и оказывала громадные услуги подпольной организации.

Федчищевская школа, где собирались подпольные кружки.

Наступали тревожные дни. Росло общее недовольство. В Москве в это время происходили массовые стачки печатников, булочников, пекарей. Стачки перекидывались в промышленные уезды, и в результате к концу сентября движение вылилось в общую политическую забастовку, а за ней последовал манифест 17-го октября. Октябрский манифест с пресловутыми свободами, хотя и произвел сильное впечатление среди рабочих, но не внушал им доверия.

Об'явление манифеста 17-го октября.

„Как сейчас помню—говорит т. Сальников—в день появления в Подольске знаменитого царского манифеста 17-го октября перед обедом директор Диксон бегал по цехам и кричал: „кончайте работать и идите в церковь, царь даровал манифест со всеми свободами". Более сознательные товарищи смеялись, говоря: „жди от царя милости". Но все-таки, когда остановили все машины, весь народ пошел с завода. Несознательные рабочие во главе с Диксоном пошли с портретом царя в церковь. По городу сходились кучки рабочих, беседуя о неожиданных событиях. Я тоже стоял на углу, где сейчас Уисполком, с тов. Г. Н. Симоновым. К нам подошел тов. Елагин Андрей Нилыч из Земской Управы и сказал: „товарищи. если вы на-

деетесь, что между вами не найдется провокаторов, то пригласите более сознательных товарищей ко мне на квартиру, ко мне должен приехать агитатор из Москвы".

Организация боевой дружины.

Нас собралось человек 15 или 20. По одиночке мы входили в дом бывш. Савельева, рядом с Управой и Банком. Там мы застали Юлию Ивановну Муралову и ее брата Николая Ивановича Муралова, с которым я до этого не был знаком, знал только, что он революционер. После речи приезжего Московского агитатора о событиях слово взял Николай Иванович Муралов и стал горячо убеждать нас не дожидаться, во что выльются события, а немедленно приниматься за организацию вооруженных отрядов для отпора черной сотне. Он сообщил, что правительство уже разослало циркуляр об организации черной сотни. В этот вечер решено было создать Подольскую боевую дружину. Тов. Муралов взял на себя руководство ею и назначил через день собрание в Федчищевской школе у учительницы Раисы Васильевны Войновой.

Мы по одиночке разошлись, помня наказ вербовать сознательных и надежных товарищей. Через день я пришел в училище, стукнул в дверь три раза и на вопрос: „кто тут?"—сказал пароль—„Подольск". Тогда учительница Р. В. Войнова мне отворила дверь. Там я застал много товарищей во главе с тов. Мураловым и агитатором „Всеволодом".

После речей о событиях нам было предложено вступить в партию РСДРП, внеся членский взнос 20 коп. Все присутствующие дали торжественную клятву и записались в партию. События шли быстро. Из Москвы приходили вести об избиении студентов торговцами Охотного ряда, об убийстве тов. Баумана. Мы собирались каждый день то в Федчищевской школе, то в доме Власова за старой почтой, то у тов. Федорова в доме Климова. Мест собраний было много, днем назначали и говорили пароль, где вечером собраться.

Муралов Н. И.

Нападение черной сотни на Н. И. Муралова и на революционную интеллигенцию в гор Подольске.

В день убийства тов. Баумана Н. Е. в Москве мы собрались в квартире Власова, Земского служащего, жившего на Зеленовке, и обсуждали создающееся положение, нарастание черносотенного движения. В Подольске это уже чувствовалось. И не дальше, как через день, а именно 21 октября 1905 года черносотенное движение вылилось в форму организованного нападения на тов. Н. И. Муралова на станции

Подольск, куда он со своим братом А. И. Мураловым пришел, чтобы ехать в Москву. В результате этого нападения т. Н. И. Муралову пришлось сделать выстрел и смертельно ранить нападавшего на него пьяного черносотенца. Толпа бросилась на Муралова, но ему, обладавшему очень большой физической силой, удалось скрыться, пользуясь темнотой (это было около 7 часов вечера). Брат его А. И. Муралов был сбит толпой, но отделался благополучно. Об'яснить это можно тем, что в общей свалке его все-таки удалось втолкнуть в станцию, где его арестовали, ночью привезли в тюрьму, а на утро освободили, как непричастного к совершенному убийству.

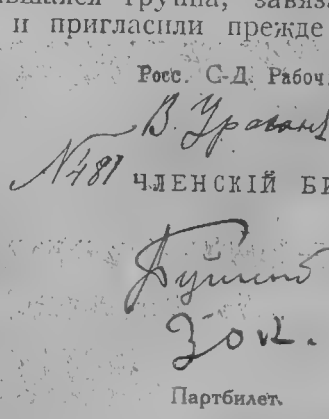
После этого случая для нас и для нашей организации стало ясно, что черная сотня открыто вступила в борьбу. В эту ночь были попытки громить земство и перебить земских служащих. Поэтому весь актив нашей интеллигентной группы земцев, приняв все меры предосторожности, уехал из Подольска.

Мы, рабочие, первый раз собрались одни на квартире у рабочего, столяра с Зингеровского завода Андрея Сокольского. Мы решили устроить возможно скорее собрание рабочих в чайной общества трезвости, а если разгонят, то устроить на улице. На собрании мы говорили о создании твердой рабочей организации для дальнейшей борьбы за улучшение политического и экономического положения. Через день нам удалось собраться в чайной трезвости. Присутствовало, как помнится, более сотни человек. Это собрание впоследствии имело огромное значение в смысле моральной победы.

В лагере наших врагов почувствовали, что рабочие серьезно организуются для отпора.

Желая овладеть положением, директор завода Зингер—Диксон вызвал по одному представителю от цеха (я был делегирован от дерево-полировочного цеха) и сказал, что ему очень неприятно, что его рабочие где-то собираются тайно, и поэтому он предоставляет столовую с тем, чтобы за день до собрания его предупреждали. Прежде чем провести общее собрание рабочих, мы, оставшаяся группа, завязали связь с Московской организацией и пригласили прежде всего на свое предварительное собрание представителя из Москвы т. Всеволода. На этом собрании мы обсуждали план нашей дальнейшей работы и в первую очередь пред'явление требований дирекции, а в случае неудовлетворения их, мы решили провести забастовку.

В этот же вечер все присутствующие на собрании вступили в члены РСДРП большевиков и получили партбилеты.


Росс. С-Д. Рабоч. Партія.

№781 ЧЛЕНСКІЙ БИЛЕТЪ.

Партбилет.

Первое общее собрание состоялось в конце октября. Пред'явленные требования были отвергнуты администрацией. Второе наше собрание прошло с большим под'емом и на следующий день была об'явлена забастовка. Вначале директор Диксон не хотел идти на уступки, но спустя 4 дня были вызваны делегаты от рабочих для переговоров. В результате требования рабочих были удовлетворены, за исключением 8-ми часового рабочего дня. Самое главное требование, которое удалось отстоять, это признание Совета Рабочих. За дни стачки было уплачено. В общем стачка окончилась победой. Хотя Рабочий Совет и распался в декабре, но мы все же добились того, что предприятие при увольнении считалось с членами Рабочего Совета".

Об'единение революционных организаций.

Весь ноябрь месяц прошел в оживленной работе. Подольская организация полностью об'единилась с Климовской, Мещерской и г. Серпуховым. Собрания происходили чуть ли не ежедневно, больше всего на Климовке, на даче у Генике.

Удобное местоположение дачи давало возможность сосредоточить там подпольную кружковую работу, проводить подготовительную работу к вооруженному восстанию, организацию боевой дружины и революционных комитетов. Отсюда давались директивы по проведению забастовок, вооруженного восстания, здесь же происходило вооружение рабочих и разбивка их на сотни. Распространение литературы было массовым не только среди рабочих, но и среди крестьян.

Все прекрасно понимали, что наступает жестокая реакция.

Партийная конференция Подольской организации и конференция Москов. Окружн. организации.

Не задолго*) до вооруженного восстания в Москве была созвана в Подольском уезде конференция большевиков по вопросу текущего момента и созыва 4-го с'езда партии.

В виду быстро растущих событий были произведены выборы представителей на Московскую Окружную Конференцию, которая состоялась в Москве в Межевом Институте. На эту конференцию были делигированы т. И. Леонов вместе с тов. Цымбаевым.

Конференция была обставлена очень конспиративно. Были даны пароли. Везде стояли патрули, которые очень строго пропускали товарищей и с необыкновенной осторожностью направляли к указанной квартире.

Главное внимание конференции было сосредоточено на вопросе о вооруженном восстании. Делегаты с конференции благополучно раз'ехались и на местах собрали партийные конференции для отчета о Московской конференции.

Одна из конференций была между ст. Гривной и Столбовой в лесу, а другая—в Серпухове также в лесу.

---

*) По воспоминаниям т. И. Леонова.

От октября до декабря жизнь в рабочих районах кипела. Митинги происходили бурно, часто принимая характер страстных споров с эсерами и меньшевиками.

7-го декабря было сообщено, что в Москве началась всеобщая забастовка. Железные дороги остановились. Жизнь замерла. Умолкли гудки. Была об'явлена всеобщая забастовка и в Подольском уезде. Рабочие настолько дружно отозвались, что уговаривать их на забастовку не приходилось. На собраниях было вынесено постановление, чтобы во все время забастовки, сколько-бы она ни продолжалась, никто никуда не отлучался, а всегда приходил бы на завод, как на работу.

Организация Подольского революционного комитета.

Был образован Революционный Комитет, для связи с которым были выбраны от всех заводов по одному представителю. В эту организацию вошли: т.т. Терехов, Цымбаев, Леонов, Федоров, Сухов, Лебедев и друг.

7-го декабря на общем собрании постановили снять рабочих с завода Холостова: рабочие там еще работали. У них не было никакой организации. Часа в 2 дня выкинули красные флаги и пошли снимать холостовских рабочих. Пришли туда, прекратили работу, забрали с собой рабочих и пошли на общее собрание на ст. Гривно, в Платуновские большие дачи, а также разослали товарищей по селениям призвать на собрание и крестьян.

Митинг на Платуновских дачах.

1-й грандиозный митинг был на Платуновских дачах 7-го декабря вечером. Здесь было до тысячи рабочих и крестьян. Агитаторов было достаточно—главным образом большевиков, но были также и соц.-рев. и меньшевики. Наибольший успех имели ораторы большевиков: Антихрист, Калашников, Всеволод, Муралов, Монахов и много других.

Выступали и черносотенцы-Култашев и др., но их тут же стаскивали и выгоняли вон из помещения.

В этот же вечер было решено тут же всех рабочих разбить на десятки и сотни. Десятников и сотников вооружили револьверами, а у Мещерских были винтовки и бомбы. Кроме того решили назавтра с утра пустить Климовский завод и начать выделку холодного оружия. И вот на утро был пущен завод. Рабочие пришли на завод и стали работать, но не на хозяина, а для собственного вооружения. Наковали пик, кинжалов. И вечером на митинг пришли все вооруженные. На митинге 8-го декабря было решено идти в город Подольск и захватить власть в свои руки. Воодушевление было полное, кричали: „не откладывать в дальний ящик, а сейчас же приступать к делу".

Сдерживать порыв и энтузиазм рабочих не было никакой возможности. После митинга рабочих до утра распустили по домам.

Утром 9-го декабря все рабочие с окрестных сел и деревень, а также из общежитий (казарм) пришли на завод, где

и был устроен митинг для обсуждения вопроса о дальнейших действиях. Было решено идти в Подольск. Собрались во дворе завода, построились и были готовы к походу. Постановили итти в Подольск только тем, кто имел огнестрельное оружие.

Решение захватить власть в Подольске.

В Подольске должны были соединиться с рабочими быв. Зингерского завода. Когда Климовская боевая дружина направилась в Подольск, то из Подольска приехал товарищ и сообщил, что в городе появилось много казаков, и привезены пушки. В Подольске было уже заранее известно, что Климовские рабочие пойдут в Подольск, а поэтому казаки были уже на дороге у деревни Кутузово в лесу, с двумя пушками, и поджидали подхода рабочих. В городе также были казаки, была вооружена вся буржуазия со своими сынками. Тогда Революционный Комитет, учитывая превосходство сил на стороне казаков, решил вернуть рабочих с дороги и ждать казаков в стенах завода, если они вздумают пойти на рабочих. Но казаки, видно, струсили и не пошли на Климовский завод.

На собрании 13 декабря, когда в Москве шла уже вооруженная борьба рабочих с войсками генерал-губернатора Дубасова, решено было взять власть в Подольске в руки рабочих, сместить исправника и временным диктатором назначить тов. Панфилова, шорника из фрезеровочного цеха завода Зингер. Тов. Сальникову с тов. Ивановым—слесарем из Электрической станции было поручено на утро дать продолжительный тревожный гудок. Тов. Федоров, как главный руководитель, должен был совместно с начальником боевой дружины тов. Стученковым выработать обращение к населению Подольска, пересмотреть, у кого имеется оружие, и выдать его более стойким товарищам (револьверов было всего пять или шесть штук). Решено было на утро, когда соберутся рабочие на завод, тотчас же немедленно, по сигналу тревожного гудка, занять цейхауз, сместить часового и раздать находящееся в нем оружие членами боевой дружины и остальным рабочим.

Смерть тов. Федорова.

Но в эту ночь Подольскую организацию постигло громадное несчастье. Тов. Федоров, исполнив поручение и проверив у товарищей оружие, пришел домой и записал в памятную книжку фамилии всех товарищей, поставил кличку каждого против настоящей фамилии и указал, кому выдал оружие и патроны. Записавши, т. Федоров сел на край постели и курил; напротив него сидел живший с ним тов. Дранников и рассматривал револьвер. Вдруг от нечаянного поворота барабана последовал выстрел, и пуля попала прямо в сердце тов. Федорову. Он был убит

Дом Климова, где был убит т. Федоров в 1905 г.

наповал. Тов. Дранникову оторвало указательный палец. В суматохе никто не догадался уничтожить книжку записей т. Федорова. Эти записи имели роковые последствия.

Провал Подольской организации.

Пришла полиция и все забрала, отправив тов. Дранникова в больницу.

В это время в Москве Семеновцы уже начали жестокую расправу с рабочими. Кровь рабочих пролилась не только в Москве, но и во многих других городах.

Карательные отряды промчались по всей России, чиня повсюду кровавую расправу.

Начались обыски и аресты товарищей и в Подольске. Революция была подавлена, но она оставила глубокую борозду в народном сознании и явилась предвестником Великой Октябрьской Революции.

Дом Голованова.

ГЛАВА VI.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РАБОТА И ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ КРЕСТЬЯН ПОДОЛЬСКОГО УЕЗДА в 1904—1906 г.г.

Связь рабочих с деревней и влияние рабочих на крестьян.

На многих фабриках и заводах Подольского уезда (Климовский, Медведева, Шлихтерман, Цементный и друг.) работали главным образом рабочие из местных крестьян. Между фабрикой и деревней была тесная связь. Возвращаясь с фабрики домой, рабочие приносили с собой иногда и пачку листовок или брошюр, которые раздавали почитать знакомым односельчанам, а то разбрасывали их по дороге для всех проходящих и проезжающих. Таким образом эти связанные с деревней рабочие являлись лучшими распространителями революционных идей среди крестьян. Крестьяне, получивши листки, в свою очередь распространяли их дальше. Полиция зорко следила за подобными „нежелательными" явлениями, но нередко было совершенно невозможно установить первоисточники этой быстро распространяющейся „заразы".

Распространение листовок являлось, конечно, делом опасным. Многие понимали, что за это по головке не погладят. Если попадали в лапы полиции, старались всеми силами выкрутиться из беды и иногда придумывали до смешного наивные оправдания.

31-го мая 1905 года, например, задержаны были в селе Любучанах Подольского уезда два крестьянина Павел и Владимир Карасевы при распространении прокламаций. При обыске у одного из них найдено в постели 18 экземпляров прокламации "К пекарям и приказчикам г. Москвы". На допросе он об'яснил, что был в Москве и нашел прокламации на улице по дороге на Курский вокзал. Приехав же на ст. Столбовую, с братом и другими рабочими они пошли в с. Троицкое и по дороге стали приклеивать листки к телеграфным столбам „не в виду какой либо цели, а просто в виде шутки и недоразумения".

В августе 1906 года крестьянин села Кленова В. В. Лошаков привлекается к ответственности за распространение „преступных" брошюр в чайной лавке Парамонова. При допросе Лошаков об'яснил, что он дал литературу в чайной лавке волостному писарю и сельскому писарю, потому что был пьян.

Книги, найденные у него в кармане пиджака и при обыске дома, он получил случайно: кто-то ему дал, когда он был в Москве на железной дороге или в вагоне конной железной дороги. *)

В 1905 г., как известно, в городах было очен распространено пение революционных песен. Пели взрослые и дети, за делами и на отдыхе, и, конечно, в то время этого потока никто остановить не мог. В деревне такие явления были редки и обращали на себя большое внимание местной администрации.

В архиве М. Г. Ж. Упр. имеется дело за № 460—1906 г. о крестьянах дер. Ходаевой Молодинской вол. Подольского уезда. Обвиняются крестьяне в том, что 5-го апреля 1906 г. во время крестного хода вместо тропаря „Христос Воскресе" пели рабочую марсельезу „Вставай, поднимайся, рабочий народ". За ненахождением виновных дело в конце концов было прекращено.

Но не всегда так благополучно оканчивались такие редкие события в деревне. Вот двое крестьян с. Александрова Дубровицкой вол. Подольского уезда Иван Сорокин и Максим Смирнов, работающие в Москве на заводах, были в сентябре месяце на родине и среди крестьян пели всевозможные песни, которые в то время пела вся Москва, а их захватили и потащили на допрос. Нашлись и такие усердные односельчане, которые при допросе полиции сказали: „а Сорокин говорил нам, что он в Москве у Бромлея состоит в заговорщиках против царя. Их завод вперед всех забастовал. Он же в поезде роздал пачку прокламаций и один листок обещал вечером принести одному из этих свидетелей. Кроме того Сорокин разговаривал с одним солдатом и сказал ему: „нам надо еще один полк, тогда нам было бы довольно". **)

Под влиянием агитации и развертывающихся событий (неудачная Японская война, всеобщая забастовка) крестьяне начинают массами посещать митинги рабочих и сами устраивают свои крестьянские митинги.

Участие крестьян на митингах.

Так, например, из донесения М. Г. Ж. У. за № 1632 узнаем, что 30 сентября 1905 года рабочие Климовского завода собрались в 9 час. вечера в 3-х местах в лесу против завода. В собраниях принимали участие крестьяне дер. Сергеевки и Сертякина Дубровицкой вол. и дер. Слащева Молодинской вол. Руководили собраниями—соц.-демократы, которые говорили о неизбежности вооруженного восстания.

Имея заранее эти сведения, губернатор распорядился направить туда человек пять казаков, если митинг предпримет какие либо действия.

На ряду с крупными фабриками в Подольском уезде очагами революционной „заразы" являлись земские больницы и школы. Здесь происходили всевозможные собрания и занятия.

*) Дело М. Г. Ж. Упр. № 1037—1906 г.
**) Дело М. Г. Ж. У. № 837—1906 г.

Главным образом среди крестьян работала революционная организация Мещерской больницы, в которую входили эсдеки и эсеры.

По наблюдениям полиции в запасном бараке Покровской Психиатрической больницы в ноябре месяце 1905 г. ежедневно происходили сходки крестьян различных селений в 3 часа дня для пения, а в 9 час. вечера для чтения об аграрном движении, причем врачи больницы предлагали крестьянам вступить в союз. Руководят этими собраниями директор больницы Яковенко, доктор Сухов и крестьянин Кузин. Кроме того служителя Мещерской участковой земской больницы Егор и Андрей Шагины раздают всем желающим всевозможные газеты и брошюры. *)

Большинство этих собраний, происходивших очень конспиративно, не было известно полиции, но некоторые из них были прослежены.

Следующие донесения полиции характеризуют происходившую среди крестьян работу.

Московский Губернатор 10 ноября 1905 г. доносит Московскому Генерал-Губернатору, что 8-го ноября в Подольском у. на ст. Гривно Моск.-Курск. ж. д. прибыли двое каких то молодых человека и устроили в одной из пустых дач митинг, на котором присутствовало довольно много крестьян.

На этом митинге велась речь о наделении крестьян землею и о необходимости добиваться своих прав с оружием в руках. Под влиянием речей прибывших молодых людей большинство присутствующих пришло к заключению, что требовать наделения землею необходимо, но начинать вооруженное восстание не время, так как у правительства много преданных войск, а надо подготовить восстание исподволь, надо писать находящимся в рядах войск родным и знакомым, чтобы они не шли против крестьян, если те восстанут.

Однако меньшинство не согласилось с этим мнением, а решило овладеть землями немедленно и уже, как слышно, приступило к обсуждению порядка дележа соседних имений.

Школы и чайные—места собраний крестьян.

19-го ноября 1905 г. в Подольском уезде в с. Соснине Десенской вол. происходило в помещении школы собрание, причем крестьяне, как говорится в донесении, приглашались учительницей якобы на туманные картины, в действительности же, хотя туманные картины были, но после них крестьянин села Летова Алексей Степанович Поляков стал говорить зажигательные речи на тему о малоземелии крестьян.

20-го и 21-го ноября на собрания приезжали ораторы из Москвы, причем они советовали крестьянам теперь же приступить к дележу помещичьих земель, к рубке леса и неподчинению Земским Начальникам и полиции, так как последние совершенно не нужны крестьянам.

*) Из книги: „1905 г. в Москов. губ." стр. 120.

На собраниях этих принимали участие крестьяне села Соснина, Летова, Прокшина и других.

2-го ноября в с. Константинове Добрятинской вол. Подольского уезда в Земской школе состоялось собрание крестьян из окрестных селений, причем в качестве ораторов выступали двое приезжих, из них один был Николай Муралов.

Главным образом обсуждался земельный вопрос, но также говорилось о прекращении уплаты различных сборов и податей и о том, чтобы не давать своих детей на военнную службу. *)

20-го ноября в дер. Голохвастовой Вороновской вол. учитель местной земской школы Кудрявцев собрал в здании школы под предлогом народного чтения крестьян нескольких смежных деревень и стал между собравшимися агитировать за немедленное составление сельских приговоров:

1) о прекращении платежа казенных и земских повинностей; 2) об удалении всех административных лиц, начиная с высших чиновников и кончая стражниками; 3) о требовании немедленной прибавки земли и леса за счет казны в таком количестве, какое может обрабатывать каждый крестьянин и 4) об участии в заседаниях Государственной Думы всех лиц, непосредственно выбранных крестьянами, минуя всякие другие выборные инстанции. При этом собравшиеся крестьяне около 100 человек охотно согласились на составление означенных приговоров. После этого учитель собрал среди крестьян некоторую сумму на поддержку забастовщиков.

Деятельность учителя Кудрявцева, который устраивал такие собрания крестьян много раз, вел пропаганду и раздавал революционные брошюры и книги, скоро делается известной полиции. Его арестовывают. Тогда крестьяне деревень Филина, Голохвастова, Бабенки и Бакланова подают прошение в Подольскую Уездную Земскую Управу об освобождении арестованного. **)

Это ходатайство крестьян показывает, как ценились ими те люди, которые открывали им правду и помогали бороться за улучшение их жизни.

Подольская соц.-демокр. организация для более успешной работы среди крестьян открыла целый ряд чайных в деревнях. В этих чайных сидели свои люди—местные рабочие, которые были на черной доске у фабрикантов и являлись безработными.

В 25 верстах от г. Подольска в дер. Улымове Вороновской вол. была открыта чайная, куда сходились крестьяне и рабочие и получали там литературу. Вся работа происходила здесь под руководством Е. А. Демичева от Подольской ячейки.

Подобные чайные также были открыты в селе Клевине, в дер. Аксенчикове и др. деревнях.

Вот что говорит об этом т. Фомин, крестьянин села Ивановского Лопаснинской волости.

---

*) „1905 г. в Московск. губ." Изд. Моск. Истпарт. стр. 111.

**) Т. Кудрявцев, освобожденный из-под стражи, не оставлял своей революционной работы и затем был выслан на 3 года в Тобольскую губ.

„С весны 1905 года, когда начались забастовки на фабриках, заводах и в университетах, возникли волнения и среди крестьян. Мы, местная группа молодежи, приняли непосредственное участие в первой русской революции. Я работал с 1902 г. на ф-ке Медведева Подольск. у. Еще в 1904 году в нашем районе в селе Клевине открылась чайная Об-ва Трезвости. Открыл ее местный кружок соц.-дем. партии. Заведывал чайной т. А. Дробиков. В чайной собирались местные крестьяне, в особенности молодежь. В 1905 г. там устраивались митинги и читались всякие прокламации. В 1905 г. открылась еще чайная в деревне Аксенчикове у тов. Матвеева Д. М. Открыл ее областной комитет партии социалистов-революционеров, во главе чайной был тов. Яковенко. Мы, группа местной молодежи того времени, посещали обе чайные, где устраивали собрания и митинги. Накануне всеобщей октябрьской стачки, нам, группе молодежи, работающей на фабрике Медведева, было поставлено этими революционными кружками в обязанность провести экономическую забастовку, что мы и сделали, причем Клевинская чайная была использована нами, как удобный пункт для свиданий и собраний.

Распространение нелегальной литературы среди крестьян.

Все эти собрания и митинги, широко развертывающаяся агитация очень беспокоили местную власть. В школах (Сертякинской, Вороновской и др.) производятся обыски, конфискуется литература, арестовывают учителей, учительниц и др. революционных работников.

Московский губернатор 27 апреля 1905 г. за № 2350 доносит Московскому Генерал-Губернатору, что настроение крестьян Красно-Пахорской и Вороновской вол. Подольского уезда под влиянием газетных сообщений о событиях на юге и крестьянских беспорядках значительно изменилось к худшему. Настроение у администрации очень тревожное. В некоторые селения вызываются небольшие отряды казаков. Но тем не менее прокламации разбрасывались в различных местах Подольского уезда в большом количестве. Одиночные прокламации и книжки, попадавшие в деревню сравнительно редко в 1904 г., во вторую половину 1905 г. становятся обычным явлением.

Так, в ночь на 5-е июня 1905 г. были разбросаны прокламации в селениях Молодинской вол. Подолск. у. в громадном количестве в деревнях, на шоссе, по дорогам в деревни. Найден между прочим 2-мя крестьянками ящичек с литературой под мостом около фермы Психиатрической Земской больницы. Было возбуждено дело Моск. Ж. Упр. Допрошен целый ряд лиц. Но из показаний их ничего точного и определенного не выяснилось. Некоторые говорили, что видели верховых (1-го мужчину и 2-х женщин), которые разбрасывали какие то белые бумажки, но за темнотой (было это ночью) не заметили лиц этих всадников. Пастух, например, видел экипаж, запряженный парой лошадей. Лошадей он может признать, а кучера

нет: он ехал, опустив голову. После проезда этого экипажа найдены на дороге конверты с прокламациями соц.-дем. партии.

Немудрено, что такие возвания Моск. Ком. РСДРП, как, напр., „Депутаты и пролетариат" очень будоражили местные власти. „Думцы говорят"—писал Моск. Ком. в этой прокламации—„стойте за Госуд. Думу, а соц. дем. говорят: боритесь за Учредительное собрание, выбранное прямым, всеобщим, равным, тайным голосованием. Депутаты говорят: ни одной копейки в казну, ни одного солдата в армию. А мы скажем: мало этого, побольше денег в партийные рабочие кассы, побольше солдат в партийные боевые дружины.

Депутаты говорят: стойте за свое право, как один человек. Мы прибавим: а отстоять свои права народ может, только поднявшись с оружием в руках.

Добиться народовластия, добиться Учред. Собр., добиться свободы и прав, добиться земли—народ может только открытой борьбой.

Мирные пути невозможны.

Да здравствует вооруженное восстание.

Дума разогнана.

Да здравствует всенародное учредительное собрание.

Царь не хочет народного представительства.

Да здравствует демократическая республика.

22 июля 1906 г. М. К. РСДРП".

Большим успехом среди крестьян пользовалась также прекрасно написанная, очень популярная брошюра по поводу 9-го Января: „Крестьяне, к вам наше слово".

Под влиянием агитации и совершающихся событий недовольство крестьян все растет.

17-го октября 1905 г. появляется прославленный манифест, обещавший дать Государственную Думу с законодательными правами, а также суливший свободу печати, собраний и т. п. Однако „дни свободы" продолжались не долго. Скоро все население, в том числе и крестьяне, увидали, что „царские свободы" только на бумаге и от царя ждать нечего. Тогда началась полоса наиболее активных выступлений крестьян.

Требования крестьян.

В целом ряде селений крестьяне сами собирают сходы, составляют приговоры, в которых постановляют—начальства не признавать и повинностей не платить. Так, например, в селениях Аксенчиково, Плушково, Чернецкое, Ходаево, Скурыгино собирались большие собрания и писа-

Дом где жил врач Михаилов и вел партийную работу по подготовке кружка.

лись приговоры о неплатеже податей, недаче рекрутов и о созыве учредительного собрания. В результате 5-ть человек из дер. Плушково было выслано на 3 года в Олонецкую губ.: Симанов Н. В., Селезнев Петр Герасимович, Селезнев Як. Мих., Клочков Ник. Алек., Симонов Иван Аристархович.

21-го ноября в дер. Сосниной Десенской вол. Подольского уезда собрался сход и составил приговор, в котором постановил начальства не признавать, повинностей никаких не нести, а также не выдавать жалованья должностным лицам.

Крестьяне волнуются повсеместно, обсуждают свои нужды и заявляют о них не только на сходках по отдельным селениям, но собираются на с'езды по губерниям и уездам, на которых вырабатывают свои требования.

Как известно, в мае месяце 1905 года зародилась организация Всерос. Крестьянского Союза. Учредительный С'езд этого Союза происходил 31 июля и 1 августа 1905 г. на молочной ферме Бутырского хутора близь Петровской Сел.-Хоз. Академии, а второй С'езд был в ноябре 1905 г. в Москве.

В декабре 1905 г. происходил с'езд кр-н Подольского уезда в помещении Уездной Земской Управы в присутствии предводителя дворянства и земских начальников. На этом с'езде крестьяне просили земских начальников возвратить им деньги, которые уплачивались крестьянами в течение 10 лет по 20 коп. с души в фонд продовольственного капитала после упразднения продовольственных магазинов. Деньги эти земские начальники собирали с кр-н, не выдавая им никаких квитанций, причем не было даже известно, где эти деньги хранятся.

Общее недовольство крестьян, выражавшееся в той или другой форме, очень тревожило местную власть. Полицией принимались срочные меры к недопущению беспорядков, но ничего угрожающего не произошло. Те немногие случаи земельных недоразумений, которые имели место в ноябре месяце в Подольском уезде, носили весьма умеренный характер.

Вот, например, крестьяне д. Троицкой Дубровицкой вол. Подольского уезда 9-го ноября, вырубая 5 десятин своего леса, по заявлению управляющего соседним имением кн. Голицина, захватили около полдесятины княжеского леса, причем крестьяне считали, что граница ими не была нарушена, но в случае, если землемером будет доказана справедливость заявления управляющего, кр-не обещали возвратить князю стоимость порубленного леса.

Казалось бы, ничего потрясающего основы частной собственности крестьянами не было допущено, тем не менее об этом случае Подольским исправником немедленно же было сообщено в Москву губернатору.

Чем в дальнейшем закончилось это дело, из материалов Г. Ж. У. не видно.

Еще один случай, встревоживший местную власть, по архивным данным заключается в следующем.

21-го ноября 1905 г. крестьяне деревень — Середнева, Староселья и Тишина Десенской волости Подольского уезда явились в имение Бромлей и заявили управляющему, что 10—12 десятин их земли захвачено Бромлей, в виду чего крестьяне хотели проверить границы и разделить между собой принадлежавшую им землю. На это управляющий ответил, что он не уполномочен отдать землю. Крестьяне говорили с самой помещицей Бромлей, которая обещала возвратить землю, если землемер подтвердит принадлежность земли крестьянам до того времени, как Бромлей купила имение.

Окончание и этого дела неизвестно, никаких беспорядков крестьяне не учинили.

В газете „Борьба" № 7 от 3/XII—1905 г. сообщалось, что в Подольском уезде в поместьях местного туза Костякова возникло крестьянское движение. Крестьяне трех соседних деревень потребовали передачи им 200 десятин леса, мотивируя свое требование тем, что их обделили в 1861 г.

Интересно донесение жандармского ротмистра о положении уезда в то время.

Он пишет, что в виду того, что должностные лица совершенно отсутствуют на местах после издания манифеста 17-го октября и не принимают никаких мер к раз'яснению его смысла и значения и вообще к раз'яснению интересующих крестьян вопросов, за последнее время среди крестьян многие стали доверять приезжим агитаторам; поэтому во первых— среди крестьян стали вырабатываться самостоятельные агитаторы — крестьяне, а во вторых, не находя ничего преступного в крестьянском Союзе, крестьяне охотно подписывают, даже не читая, приговоры, пред'являемые им членами Крестьянского Союза. Много, конечно, способствует этому отсутствие среди кр-н умеренных газет и распространение газет, подобных „Сыну Отечества".

Крестьяне—агитаторы.

И, действительно, бурная жизнь 1905 г. выдвигает много крестьян—агитаторов, о которых жандармерия возбуждает целый ряд дел. Так, например, крестьянин Подольского уезда Островской вол. села Прудищ Андрей Миронович Позднов обвинялся в распространении среди своих односельчан „противоправительственных слухов, возбуждающих к ниспровержению существующего образа правления". По показаниям свидетелей он призывал к неуплате податей, к отнятию земель у помещиков, говорил, что в России скоро будет новое выборное правительство и это правительство будет избрано народом.

„Бояться нам никого не нужно. Хотя правительство нас и бьет, но мы растем, как грибы, и всех нас не перебьет", говорил Позднов.

Как агитаторы, большим влиянием среди крестьян пользовались также крестьяне села Соснина Кузьма Иванович Дворянчиков и Василий Рыбкин и крестьянин села Летова Алексей Степанович Поляков.

Аресты и обыски среди крестьян.

Целый ряд крестьян подвергается арестам, обыскам, возбуждаются дела о политической неблагонадежности массы крестьян.

1-го декабря в Подольском уезде арестована группа крестьян: Кузьма Конофатов, Платон Власов-Дронов, Василий Людцев, Алексей Кузнецов-Приманов и Федор Иванович Ланев.

На основании показаний доносчиков кр-н Ив. Белоусова, Михаила Лазарева, Игната Разумовского и Ивана Байкова против указанной группы передовых кр-н было возбуждено дело, как против неблагонадежных лиц, занимающихся подстрекательством своих односельчан к неуплате податей, к отобранию силой у помещиков земель и неподчинению земскому начальнику и уездной полиции. В результате этого дознания Кузнецов-Приманов был выслан в Вологодскую губ. под гласный надзор на 2 года.

Целый ряд крестьян привлекаются к ответственности за произнесение оскорбительных выражений против царя.

Крестьянин сельца Никульского Василий Борисович Шаров и Александр Соловьев из дер. Рязановой Подольского уезда говорили: „не надо нам царя, долой его с престола". Затем они прокричали „ура", подхваченное толпой парней и девушек. (Дело М. Г. Ж. Упр. № 606—1906 г.).

Крестьянин Андрей Максимович Осипов из дер. Антроповой Подольского уезда „говорил на сходе оскорбительные слова по отношению особы государя и подговаривал к недаче людей в солдаты". (Дело М. Г. Ж. Упр. № 396—1907 г.).

Интересно отметить, что в большинстве случаев при допросах арестованные и многие свидетели очень ловко уклоняются от правдивых ответов на вопросы жандармов и полиции.

Говорят (если дело идет, например, о митинге), что ораторов не знают, „за темнотой не разглядели личность ораторов", „на митинг попали случайно", „из любопытства", „встретили некоторых знакомых по дороге и пошли с ними" и т. д.

Из архивного материала видно, что Подольский уезд Московской губ. в 1905—6 г.г. не переживал бурного аграрного движения.

Крестьянская масса проснулась, негодовала, предъявляла требования экономического и политического характера, но в общем все это движение было очень умеренно и не поражало своим размахом, как в других губерниях.

ГЛАВА VII.

ГОДЫ РЕАКЦИИ (1906—1911 г.г.).

Революционное движение 1905 года было потоплено в крови рабочих и крестьян по всей России. К сожалению, две его волны, рабочая и крестьянская, не совпали: рабочая достигла высшей точки в декабре 1905 года, крестьянская дошла до нее только летом 1906 года. Аграрное движение происходило весной и летом 1905 г. в 96 уездах; осенью 1905 г. в 171 уезде и лишь весной и летом 1906 г. оно захватило 305 уездов, т.-е. большую половину Европейской России. Осенью этого года число бунтующих уездов падает уже до 72 и летом 1907 г. слегка поднимается до 82 уездов, чтобы к осени этого года упасть до нуля—(три уезда).

Этот разнобой двух движений и способствовал их неудаче.

В 1907 г. партийные организации повсеместно переживали уже глубокий внутренний кризис. Ряды их редели, все неустойчивые элементы, как из рабочих, так в особенности из интеллигентов, дезертировали в массовом масштабе. *)

„Контрреволюция шаг за шагом",—писал т. Ленин в „Пролетарии" **)—„переходит в наступление по мере ослабления массовой борьбы. В эпоху 1-й Думы (1906 г.) эта борьба выразилась еще очень и очень внушительно в усилении крестьянского движения, в широком разгроме гнезд крепостников—помещиков, в целом ряде солдатских восстаний. И реакция наступала тогда медленно, не решаясь сразу произвести государственный переворот. Лишь после подавления Свеаборгского и Кронштадского востаний в июле 1906 года она делается сильнее, водворяет военно-полевой режим, начинает по частям отнимать выборное право (сенатские раз'яснения), наконец, окружает полицейской осадой 2-ю Думу и ниспровергает всю пресловутую конституцию".

„Революцию рабочие почти целиком вынесли на своем хребте. На них же поэтому обрушилась и контр-революция. Всякой силе, всякой выносливости, всякому героизму есть свой физический предел.

---

*) М. Покровский. Русская История в самом сжатом очерке. Ч. Ш.

**) № 17 от 20 октября 1907 г. (Собрание сочинь т. V, стр. 490).

Жестокий кризис после политического поражения окончательно истощил рабочих, раз'единил, лишая энергии, обессилил".*)

Несмотря на такое упадочное настроение общей рабочей массы после 1905 года, Московская Окружная Организация вела свою работу без перерыва, за исключением периода заминки во второй половине 1906 года. В это время деятельное участие в Московск. Окружн. Организации принимали такие опытные и известные работники, как Н. Л. Мещеряков, П. Г. Смидович, С. А. Богородицкий и друг.

Во главе Московской Окружной Организации был избираемый на конференциях Комитет, при котором существовала исключительная по своему составу литературная группа и всевозможные подсобные аппараты.

В подпольной типографии издавались печатные органы Окружной Организации „Истина" и „Борьба", периодически собирались конференции на местах.

Но к середине 1907 года, под влиянием изменившегося общего политического положения и неблагоприятно слагавшейся для успеха стачечной борьбы промышленной коньюнктуры, работа стала разлаживаться, в ней стали замечаться перебои. Работа в Окружной Организации требовала невероятного напряжения физических сил, громадного самоотвержения. К этому прибавилось ухудшение полицейских условий, хотя с октября 1906 года до июня 1907 года, по словам тов. С. И. Моисеева, во всей Московской Окружной Организации в самом центре не было еще ни одного провала. На местах провалов тоже почти не было.

Но в июне 1907 года полиция нанесла организации первый чувствительный удар: была арестована типография „Борьбы". Прежняя правильность в снабжении районов литературой нарушилась.

В феврале 1908 г. была арестована легкая типография М. О. К. (где печатались листки), тогда же был отпечатан последний 12-й номер „Борьбы" и издание прекратилось. 1-го июня 1908 г. была разогнана полицией конференция Московской Окружной Организации. Лучшие опытные работники были арестованы. Оставались более молодые и менее опытные товарищи, которым пришлось проделать громадную работу, чтобы влить бодрость и энергию в разбитые ряды партийных работников. Работа однако не прекратилась. По отдельным пунктам устраивались организационные и пропагандистские собрания. Массовки не устраивались почти вовсе в течение всего лета 1908 года. Возможность найти подходящее место для собраний имелась почти всюду, но не было агитаторов. Местные же агитаторы из рабочих отказывались выступать, опасаясь предательства. Между тем запросы на широкую устную агитацию получались отовсюду.

---

*) „Правда" № 7 от 4 декабря (21 ноября) 1909 г.

Во главе местных организаций стояли по большей части рабочие, принимавшие раньше сравнительно незначительное участие в партийной деятельности: многие опытные работники, „старики", были арестованы, высланы или просто отошли от дела.

Кое где на фабриках и заводах Московского района происходили стачки в течение лета. Но эти стачки совсем не носили характера боевых выступлений. Тон требований был очень умеренный, настроение стачечников не отличалось твердостью. В 2-х—3-х случаях, в силу какого-то благоприятного стечения обстоятельств, стачки закончились частичной уступкой со стороны хозяев. *)

Московская Окружная Организация вела, как мы видели, большую работу среди крестьян. Теперь об этом не могло быть и речи. Конечно, можно было, как и раньше, пользоваться рабочими промышленного района, которые кровно и хозяйственно были связаны с деревней. Они посещали деревню попрежнему еженедельно по праздникам и могли бы служить прекрасным проводником современных аграрных воззрений партии. Но у организации не было конкретного агитационного материала, да и настроение деревни, по общему отзыву, было в то время не оппозиционное.

„И вот на почве недостатка работников и всеобщего понижения работы мысль партийного рабочего ищет выхода из создавшегося положения. В низах партии, на районных собраниях и собраниях районных комитетов, повсюду начинается обсуждение этого вопроса. И в Москве, и в Петербурге, и в провинциальных городах: Костроме, Кинешме, Иваново-Вознесенске и друг. в результате обсуждения приходили к одному и тому же выводу:

„В виду того, что у нас нет прочных организационных ячеек, способных жить и продолжать работу в случае провала интеллигентных работников; в виду слабых имеющихся в наличности работающих сил, не могущих охватить более широкие круги, необходимо из среды самих рабочих подготовлять работников, могущих заменить отходящих и так часто проваливающихся интеллигентов. Практически это осуществимо путем образования особых кружков для подготовки работников из более сознательных и энергичных рабочих". **)

В июле 1908 года на заседании Окружного Комитета был рассмотрен вопрос об организации пропагандистских кружков, а в августе 1908 г. уже появилась составленная группой товарищей „программа для пропагандистских кружков", которая в то время имела очень большое значение для практической работы.

Таким образом изменения условий после поражения революции вызвали пересмотр приемов работы. Нужно было

*) „Годы реакции" (1908—1910 г.г.), стр. 62.

**) „Пролетарий" № 32—15 (2-го) июля 1908 г. Из жизни Московск. соц. дем. организации.

приспособиться к новым условиям. Выступают новые борцы, чтобы заменить павших товарищей и начать снова упорную борьбу с торжествующим врагом—победителем.

Лишенные связи и литературы отдельные районы Окружной Организации продолжали свое существование собственными силами.

Как же обстояло дело в Подольском уезде?

10-го октября 1910 г. жандармский ротмистр Иванов*) записал показания секретного сотрудника (Нины): „из Подольска явился в Москву известный эсдек Пронин и рассказывал, что у них дела обстоят не лучше, чем в Москве: отсутствие связей и литературы, оторванность от соседних организаций и рабочих рук довели, по его рассказу, Окружную Организацию до полного разрушения; особенно скверно отражается на них отсутствие работы в Москве, откуда они получали средства, литературу и людей".

Действительно, в Подольском уезде работа велась очень тихо и осторожно, главным образом на двух больших заводах Климовском и Зингеровском. Об этом лучше всего расскажут те товарищи—подольцы, которые принимали участие в партийной работе в эти тяжелые годы реакции.

Климовский завод**).

„Наступил тяжелый 1906 год. Прежних бурных митингов не стало. Мы стали собираться по несколько человек или в каморке, или в Сертякинской школе. Бывшую учительницу Кулагину В. П. арестовали, но на ее место поступила сестра ее, которая также давала нам приют. Кажется, в конце января была созвана партийная конференция в Мещерском, на которую были выбраны с нашего завода Леонов и я. С нами приехали еще два партийных работника, державших связь с Серпуховым, Подольском, Гривно, Мещерским—товарищи Кирилл и Александр. Конференция была немноголюдна, были представители от Серпухова, Гривно и Мещерского, а из Подольска никто не приехал. Обсуждался дальнейший план работ применительно к создавшимся условиям: нужно было, насколько это возможно, использовать еще легальную возможность через профессиональный союз. И в то же время необходимо было уходить глубже в подполье. Докладчиком был тов. Кирилл. Помню его спокойное, невозмутимое лицо. Я любовался им, как он спокойно порой отражал нападки на большевиков со стороны меньшевиков. Поздно вечером мы вернулись с Леоновым на завод. И до самого лета не могли собраться на следующую конференцию, которая уже состоялась у нас в Гривне. Кружок наш все слабел. Заболел Цимбаев. Порой мы не знали, кто же будет у нас руководить: я, Серпецкий или Терехов? У кого будут явки? К счастью для нас, в нашей организации стал

*) Охр. Отд. Агент. Зап., д. № 89—1910 г., записка № 212.
**) Воспоминания т. Буганова.

работать учитель Гаврилов, деловая, кипучая натура. У нас с ним регулярно шли занятия. Он нас просвещал, читал политическую экономию, диалектический материализм, который мы не могли переварить по своей малограмотности. Он все хотел написать реферат, да так и не успел: его арестовали. На заводе этой же зимой были выборы в Государственную Думу. Мы все оказались слишком молодыми, и поэтому прошел Чуриков, который на с'езде выборщиков, не подчиняясь партийной дисциплине, выставил свою кандидатуру и прошел в члены Думы.

Буганов он же Громов.

Наш кружок состоял в то время из т.т. Ушкова, Лобанова, Лисенкова, Колянова, Остафьева, Михряева, Фролова, Носонова. Скоро Кирилла арестовали. Изредка являлся больной Александр. Бывало с собрания придем поздно, закусить кроме хлеба ничего нет. „Ну, ладно—скажет—есть хлеб и довольно". Вскоре он умер от туберкулеза. Летом мы попробовали организовать профессиональный союз, набрали 25 человек. Исправник не разрешил. В конце 1906 года умер Цимбаев. Это была для нас тяжелая потеря. Мы остались почти без руководителей. В начале 1907 года делают обыск у Леонова, а он сам переходит на нелегальное положение. Наша работа еще больше сжалась, мы уже стали думать, что и за нами скоро придет очередь. Вся партийная литература передана была мне, явки тоже были даны на мою квартиру. Много раз делали денежные сборы.

Самыми тяжелыми годами были 1908, 1909 и 1910 г. Если бы не литература, находившаяся у меня, наш кружок совсем перестал бы существовать, а то мы все-таки почитывали, и библиотечка у нас была хорошая. Был „Капитал" Карла Маркса, Железнов, Карл Каутский, Коммунистический Манифест и штук 200 или больше других брошюр. Давали всем читать, кто хоть сколько нибудь интересовался рабочим движением. Спячка нам надоела. Хотелось что нибудь знать, что делается в партии. Тогда как раз началась борьба с ликвидаторским течением. Нас очень волновало, что наша партия может расколоться.

В 1911-м году я отправился с Коспциным в Мещерское к старым товарищам—к Н. Н. Головановой и др. Там узнали, что они тоже не имеют связеи с районами и предложили нам для информации завести переписку с Парижем. Дали мы адрес на Ивана Петровича Зверева (вымышленное лицо) до востребо-

вания на ст. Гривно. Какова же была наша радость, когда недели через три я увидел в витрине письмо на это имя. Плачу три копейки, иду в лес читать. Оказывается, в конверте две брошюрки Центрального Комитета Партии, где говорилось об использовании всех легальных возможностей для воздействия на рабочую массу.

Спешу поделиться новостями со своим товарищем Ушковым и друг. Организовали кружковое собрание. Сразу всколыхнулись. Через несколько времени получаем еще такое же письмо. Я сейчас не помню, по каким причинам я не писал в Париж о том, что мы письма их получаем. А в Париже товарищи подумали, не получая от нас ответа, что их корресподенция пропадает (попадает в руки жандармов), и перестали нам писать. В 1912 году мы связались с Серпуховым через дядю Васю (Петр Иванович). В этом же году мы делали сбор на газету „Правду" для Петрограда, посылали в фонд этой газеты немного денег. Провели забастовку первомайскую и не работали в день расстрела Ленских рабочих. Собирались всем кружком человек в 10. В этом же году к нам попал гектограф из Подольска. Вскоре мы надумали сделать экономическую забастовку. Написали и напечатали мы вдвоем с Ушковым прокламации на гектографе и раздали своим товарищам для разбрасывания по мастерским завода. В прокламациях призывали забастовать. Забастовка удалась. требования были отчасти удовлетворены. В этом же году происходили у нас выборы в Государственную Думу. Партия принимала участия в выборах. От завода выбрали меня уполномоченным по выборам. На с'езде уполномоченных от фабрик и заводов Московской губернии мы образовали организацию: почти все большие фабрики и заводы были связаны между собой. Я познакомился с рабочими И. Н. Маритаевым с Коншинской фабрики, с Савиным И. Т. из Томилина и другими. Потом оба эти рабочие приезжали к нам на завод. Раза по два у нас у всех был дядя Вася. На выборах был выбран в депутаты по постановлению Центрального Комитета Партии большевиков Малиновский, который оказался впоследствии провокатором и предал всю Московскую организацию рабочих.

В ноябре месяце 1913 года отношения наши с заводом Зингера были не прочные, может быть от того, что там преобладали эсеровские и меньшевистские течения. Направили туда дядю Васю, но и он там ничего не добился существенного. У нас на заводе этого не наблюдалось: с самого 1905 года была линия прямая, большевистская. 1913 год был у нас самый лучший из всех годов после 1905 года. В этом году праздновалось 1-е мая.

Мы имели постоянную связь через дядю Васю. Приезжали к нам несколько раз Маритаев из Серпухова и Савинов из Томилина, печатали прокламации на гектографе, делали сборы на газеты.

Летом 1913 года приезжал к нам Малиновский с группой Серпуховских рабочих. Мы организовали митинг в лесу. Это был первый по многолюдству митинг после 1905 года.

После доклада Малиновского спели революционные песни сотнями голосов. Так сильно и хорошо не пели даже в 1905 г. Тогда была осень, а тут лето, зелень, цветы. И такая была у меня чистая вера в правоту нашего дела. Я думал о том, сколько было отдано сил на дело революции. Передо мной встали образы погибших товарищей: вот т. Александр, не требующий ничего для себя кроме кусочка хлеба. Вот дядя Вася, у которого все семейство: и мать, и отец, два брата были в тюрьме, и сам он почти не выходил из тюрьмы. Вот тов. Кирилл спокойный, твердый, прямо с конференции садится в тюрьму. Вот пылкий Гаврилов Н. И. идет на каторгу. Ну, а скольких я не знал"?...

Повышенное настроение продолжалось у рабочих и на следующий день. Полиция на этот раз никого не тронула, а осенью в ноябре приехала из Москвы жандармерия и арестовала активное ядро организации: т.т. Буганова, Ушкова и Андрея Сандарского.

В это время происходили массовые аресты рабочих по заводам и фабрикам, главным образом революционно—настроенных уполномоченных и выборщиков в Государственную Думу. Были арестованы также Савинов и Федоров.

Впоследствии выяснилось, что аресты явились результатом предательства Малиновского.

Жандармы пришли в Гривно сначала к т. Ушкову и, как-то во время обыска проговорились, что после этого пойдут к Буганову. Старая мать Ушкова тотчас же вспомнила, что у него хранится партийная литература и решила немедленно предупредить об обыске. Она тотчас же бросилась к т. Буганову, разбудила его и первым долгом спросила:

— „Где книжки? У нас жандармы, сейчас и за тобой придут". Книжки были сложены в ящике, но тов. Бугановым в первый момент овладела нерешительность. Бросить книги в огонь—жаль, а куда так скоро деть, не мог никак придумать. Тогда сторушка быстро схватывает у него ящик, бежит из комнаты, ставит его на лестницу за дверью и скрывается.

Через две минуты являются жандармы, производят обыск, но ничего не находят.

Тов. Буганов был отправлен в Подольскую тюрьму, откуда через два месяца был выпущен под надзор полиции.

Климовский завод*).

В 1909 году наша партийная организация состояла из т.т. Громова, Ушкова, Ляпина, Лобанова, Астафьева, Косицына, Буганова, Сазонова, Серпецкого и А. Никитина, а тов. Самухин

*) Воспоминания т. Ушкова.

уехал учиться в Москву на аттестат зрелости. В этом же году к нам приезжал Петр Петрович, которого называли „дядя Вася".

Было время, когда у ячейки порывалась всякая связь с центром и приходилось работать одним, своими силами вести агитационно-пропагандистскую работу. Для этого мы разделили между собой рабочую казарму, и вечером каждый из нас входил в назначенную комнату, читал те или другие книжки, обсуждал со слушателями политические вопросы, вел беседы.

В 1910 году ячейка состояла из тех же товарищей. Я помню, связь с Подольской организацией была у нас порвана, и мне, как партийному, было поручено связаться с заводом Зингера через тов. Караваева. Но оказалось, что он пробил себе дорогу в помощники мастера, и вся его политическая работа свелась к нулю. Таким образом связь с заводом Зингера в 1910 году не была установлена.

Ездил я также на Медведевскую фабрику. Связь была налажена, и медведевцы ездили на наши собрания на Климовский завод. В 1911 году на Зингеровском заводе связь была налажена через т. Чурилина.

В 1912 году часть товарищей отошла от нашей ячейки, отчасти разочаровавшись в работе, а некоторые по семейным обстоятельствам уехали в другие районы России.

Как сейчас помню, в 1913 м году членами ячейки у нас были: Громов, Ушков, Астафьев, Лысенков, Лобанов, Косицын, который уехал от нас в Пушкино и поступил там на фабрику Лиша. Вновь поступили в ячейку т.т. Дмитриев, Матвеев, Фролов, Кулаков и Логинов.

Мы завязали связь с Петроградом, выписывали газету „Правда" в количестве 50 экз., журнал „Страхование" — 10 экземпляров. В это вримя к нам приехал депутат Малиновский, который впоследствии оказался провокатором. Помню как сейчас, что ему удалось созвать собрание в лесу. Там присутствовали рабочие завода Холостова, Климовского, отчасти Зингера, железнодорожные рабочие и крестьяне окрестных деревень.

Ушков А. В.

4-го и 5-го апреля была однодневная забастовка по поводу расстрела рабочих на Ленских приисках.

Была однодневная забастовка и 1 мая. Рабочие, собравшись стройными рядами, вышли с пением революционных песен с завода. Я должен оговориться, что и до этого нам удавалось выходить с пением революционных песен с завода и от-

части проводить первомайский праздник в лесу, в тесном кругу товарищей.

До этого времени, в 1905—6 и отчасти в 1907 г.г., мы получали все листовки из Подольской организации через т. Леонова, но в 1908—11 г.г. нам пришлось эти листовки писать с трудом от руки и развешивать по заводу. Это, как магнит, притягивало к себе рабочих.

Работа больничной кассы.

Ячейка принимала также энергичное участие в выборах в больничные кассы. От нас прошли т.т. Астафьев, Лысенков и Лобанов. Больничная касса и защита через больничную кассу интересов рабочих на заводе проводилась по брошюре Гданского, которая нашей администрации не понравилась. В первой больничной кассе ячейке не пришлось взять на себя руководство, но все-таки я с другими товарищами всячески указывали т. Астафьеву на те или другие дефекты представленного на обсуждение уполномоченным администрации примерного устава и нам удалось провести большую работу по организации больничных касс. Работа наша увенчалась успехом.

Завод Зингера *).

Когда я приехал на заводе Зингера, там никакой организации не было. После 1905 года все революционные силы затерялись и притихли на время. В 1906—7 г.г. у нас была такая реакция, что работать было очень трудно. Первоначально, когда я поступил на завод, я нашел здесь товарищей, хотевших организовать общество потребителей. Это были Костылев, Ржанов, Васильев. Впоследствии Костылев и Ржанов были помощниками мастера. Никакой партийной работы мы тут не вели, а только организовали лавку потребительскую. Я состоял членом правления. Через т. Менщикова я познакомился с т. Александром, который был прислан Московским Комитетом в г. Подольск для организации кружков среди рабочих.

Однажды Александр попросил меня подыскать какую нибудь квартирку, чтобы устроить в ней маленькую библиотеку и собирать кружки; я нашел квартиру на Зеленой ул. в доме Кисельникова. Через некоторое время он там устроил маленькую библиотеку. Помню, что на первое собрание кружка пришли Менщиков, Рожков и Илья. Мы организовали первый кружок на Зеленовке, а затем в течение 4—5 месяцев мы устроили еще 5—6 кружков.

Выборы в Государствен. Думу.

Подошли выборы в Государственную Думу, и т. Александр, во что бы то ни стало, пожелал, чтобы от завода Зингера рабочие провели меня уполномоченным.

От буржуазии были намечены: Горемыкин, Бартасов. Предвыборные собрания у них происходили на одной даче.

---

*) Воспоминания т. Т. Трифонова.

Меня как-то пригласили на одно собрание. Я выступил с речью, что нам нужно выбирать в Думу таких людей, которые бы защищали рабочий класс, потому что рабочему классу живется очень плохо. После этого нам пришлось ехать в Москву для избрания выборщиков. Нас с'ехалось 259 человек от Московской губ. и эти 259 человек должны были выбрать 16 выборщиков от рабочих, которые вместе с выборщиками от других классов населения должны были избрать двух членов Госуд. Думы. Избрание выборщиков от рабочих происходило в Московской Городской Думе, где был вывешен список 16 кандидатов. В этом списке значилась и моя фамилия. Выставлял нас Московский Комитет нашей партии. После этого приступили к выборам. Каждого долго спрашивали по списку его фамилию, его жительство, желает ли он баллотироваться или нет. Кто был выставлен, тот должен был баллотироваться, потому что его партия выставляла. Мы все 16 заявили о том, что будем баллотироваться. Нашлось еще человек 10, которые желали баллотироваться, но их заболлотировали. Потом выбрали двух членов в Государственную Думу. Эти выборы происходили в доме „благородного собрания" (ныне Дом Союзов). Туда с'ехалась и буржуазия, которая выбирала своих представителей. Нас было не 16 человек, а 15, так как один рабочий из Серпухова с Коншинской фабрики был арестован, его не допустили до выборов. Он должен был пройти в Государственную Думу, и потому его арестовали.

Мы из 15 человек рабочих выбрали в Государственную Думу Кубарева и Марева. Кубарев был кузнецом на Коломенском заводе, а Марев тоже с Коломенского завода, профессии его я не могу припомнить. Вспоминаю еще, что когда нас, 16 человек, выбрали, то пригласили в отдельную небольшую комнату. Сидел там один конторщик, который стал каждого спрашивать об его образовании, сословии и все это заносил в книгу. Спрашивал о партийности. Мы все 16 заявили, что принадлежим к с.-д. партии. Когда мы это заявили, то дверь открылась и вошел полный взвод солдат с ружьями. У некоторых из нас сердце екнуло. Но нас не арестовали, а предложили сесть и сняли фотографию. Это было нужно для охранного отделения. На следующий день было в газетах указано, к какой мы принадлежим партии, и наша фотография была помещена в журнале „Искры". Когда я после выборов приехал на завод и вышел на работу, директор был уже на месте, пришел и спрашивает, к какой партии я принадлежу. Я говорю: „ни к какой".

— „Как ни к какой? А я читал, что вы к с.-д. партии принадлежите".

С этого времени житья мне не было на заводе.

ГЛАВА VIII.

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

С 1911 года по всей России усиливается рабочее движение: в нем интересы политическе тесно сплетаются с интересами экономическими.

По всей России растет волна экономических забастовок, характерной чертой которых является то, что больше половины их (70%) возникло вследствие требования рабочих об увеличении заработной платы. Таким образом движение носило не оборонительный характер, а наступательный. И большинство забастовок 1911 года (57%) окончилось полной или частичной победой рабочих.

Ленские события. И вот в это время, когда рабочая масса опять собирала свои силы, на далеких Ленских приисках в Сибири, в лесной глуши, за 7000 верст от Петербурга, 4-го апреля 1912 г. раздались залпы царских палачей. Этими залпами было ранено и убито более 500 рабочих, которые обратились к администрации с требованиями улучшить их полную лишений жизнь.

Расстрел рабочих возмутил рабочие массы по всей России до глубины души. Встретили они его не молчанием, а горячим бурным протестом.

В заседании Государственной Думы 11-го апреля обсуждался запрос о ленских событиях. И тут министр внутренних дел Макаров, под аплодисменты правых депутатов, дал свой знаменитый ответ:

„Так было и так будет".

Телеграф разнес ответ Макарова по всей России. Никакая революционная агитация не произвела бы такого сильного впечатления, какое произвели эти слова министра.

Не только со всех заводов Петербурга, но и со всех концов России полетели по телеграфу известия о резолюциях и забастовках протеста.

Ленский расстрел встретил горячий отклик не только среди рабочих, но и среди учащейся молодежи в Петербурге.

14-го апреля по высшим учебным заведениям и по заводам были распространены воззвания с призывом к демонстрации.

С утра на следующий день на Невском появились отряды казаков, жандармов и городовых, но еще раньше их собралось много рабочих, студентов, курсисток.

Вскоре началась обычная во времена самодержавия картина: то здесь, то там соединялись в группы, раздавалось пение, появлялся красный флаг. К группе бросалась полиция, разгоняла и арестовывала. Это продолжалось в течение 2—3-х часов. Везде в центре и на окраинах все улицы были запружены демонстрантами.

Отголоски Ленской бойни и грандиозной демонстрации в Петербурге прокатились по всей России.

Вспыхнули стачки в Москве, Киеве, Варшаве. Официальные отчеты правительства, как об этом сообщала „Правда" в № 239 от 12-го февраля 1913 г., показывают, что число участвовавших в стачках за 1912 г. достигло 683.361 рабочих: стачек в общей сложности было 1918, из них политических 1216 с 511.301 участниками. 90% этих стачек пали на период ленской и майской стачки.*)

Снова закипела работа партийных групп и беспартийных активных работников. Везде в союзах появились партийные кружки. Устраивались тайные собрания активных групп рабочих, делегатов мастерских и заводов.

22-го апреля 1912 г. вышла долго жданная и желанная рабочая газета „Правда". Конечно, охранка и полиция не дремали. Везде шли обыски, аресты. Но тем не менее стало ясно, что воскресает революция, задушенная пять лет назад, воскресает с новыми силами, расширенная и углубленная.

Подольский уезд в годы под'ема рабочего движения.

В Подольском уезде все эти события также не прошли бесследно. По-немногу начинает налаживаться партийная работа, организуются кружки из более активных рабочих на крупных заводах (Климовский, Зингеровский).

Вот картина работы на заводе Зингера, по воспоминаниям тов. Орехова, который поступил на этот завод в 1908 году в столярный цех. Через полгода он знакомится там с т. т. Стученковым, Малютиным и Козьмою Леоновым. Первые двое принимали участие в вооруженном восстании 1905 года, а К. Леонов работал в партийной организации в Петербурге.

В 1908 г. сорганизовалось первое ядро кружка из т. т. Стученкова, Малютина, Леонова, Федорова. В 1909 г. в январе в кружок вступил еще Татаринцев и Пронин, а в 1912 году кружок состоял уже из следующих т. т.: Малютина, Стученкова, Леонова, Орехова, Татаринцева, Николаева, Моисеева, Чижова, Гаврилова, Быкова, Андреева, Тюрина и Борисова.

С Климовским заводом была установлена тесная связь.

Представителем Климовского завода был Ушков, от Зингера на Климовском заводе—К. Леонов и Тюрин.

Представителем Московского Комитета был Шумкин „Дядя Вася" и Александров Петр.

*) Ольминский Из эпохи „Звезды" и „Правды".

Работа кружка была распределена между товарищами следующим образом: на обязанности т. т. Леонова Козьмы и Тюрина лежала поддержка связей: Татаринцев, Николаев, Моисеев и Орехов составляли прокламации; Чижов, Орехов, Гаврилов, Быков и Андреев были цеховыми организаторами; Малютин и Стученков принимали участие в работе потребительского общества: в эти годы партийцы использовывали всегда все легальные возможности для расширения и углубления своего влияния ма массы.

На обязанности цеховых организаторов было главным образом привлечение новых товарищей. Для этой цели они ходили по цехам в уборные (лучшее место всевозможных разговоров) и прислушивались к тому, о чем говорили рабочие. В разговоре незаметно подкидывали прокламации, которые поднимались и тут же прочитывались. Загорался обычно горячий спор. Таким образом выявляли передовых ребят, которых принимали на массовки, а через несколько проверок на массовках зачисляли их в число испытуемых. К 1913 г. на Зингеровском заводе таких испытуемых насчитывалось около 65 человек. С 1909 г. по 1913 г. на заводе были проведены 5 маевок, 5 раз отмечали 9-е января, 10 раз бастовали в знак солидарности с другими бастующими заводами, один раз была организована забастовка в знак поддержки бельгийских рабочих, которым были собраны и посланы 300 рублей.

Для подготовки празднования 1-го Мая всегда проводилась усиленная агитация. Обычно за неделю организовывали массовку, на которую приглашались все сознательные рабочие, вели беседы о значении 1-го Мая по уборным и везде, где только возможно было собраться. Летом и весной собрания больше всего устраивались в Сухой Роще, в кустах у „Святого Колодца", в Сыровском лесу и Покровской чаще.

В день 1-го мая обыкновенно все участники массовки являлись на завод в 5 час. утра, потому что рабочие—крестьяне приходили из дальних деревень на работу очень рано. Нужно было их с'организовать. Маевки все 5 раз происходили очень удачно.

Для подготовки ко дню 9-го января делали собрание лишь кружка, а вместо массовки вели агитацию между рабочими посредством листовок. Обыкновенно все члены кружка заполняли трактиры, где собирались рабочие, и здесь раздавали литературу.

В день 9-го Января всегда проводилась демонстрация. Рабочие выходили из ворот завода с открытыми головами и с пением „вечной памяти" и похоронного марша.

В 1909 году кружком вышеназванных сознательных и сплоченных рабочих началась кампания по Потребиловке. В члены правления Потребиловки были выделены из кружка Малютин и Стученков, а в ревизионную комиссию—Пронин и Николаев; кроме того третья часть уполномоченных была выбрана из рабочих, которые не состояли членами кружка, но

были солидарны с кружком. Козьма Леонов в это время работал конторщиком в Потребиловке и ему удавалось выявлять все недочеты и злоупотребления в работе той части Правления, которая состояла не из рабочих. Рабочие, члены Правления, не касались закупок, а только дежурили в магазине.

Леонов на собрании уполномоченных никогда никаких вопросов не поднимал лично, а лишь действовал чрез товарищей из кружка, которые состояли в числе уполномоченных. Так как в 1911 г. большинство уполномоченных состояло из верных товарищей, преданных интересам рабочих, то постановлением уполномоченных назначили произвести ревизию. Ревизия выявила злоупотребления при покупке товаров: обыкновенно делали надбавки на счета и тем увеличивали стоимость товара. В 1912 г. во время председательства директора завода Диксона общая недостача в Потребиловке выразилась в сумме 52 тыс. руб. Все партийцы настаивали на отдаче под суд той части Правления, которая была замешана в кражах и подлогах, но Диксон этого не допустил. В 1913 г. в уполномоченные и в члены Правления Потребиловки были проведены свои товарищи—партийцы, благодаря которым разразившаяся вскоре длительная стачка получила крепкую поддержку. Перед началом стачки собранием уполномоченных было постановлено выдавать во время забастовки каждому члену обществу паек в кредит: холостому на 25 коп., семейному на 50 коп. Правление большинством постановило выдачу подтвердить, и все рабочие пользовались пайком в течение недели. Но Диксон скоро донес об этом Губернатору, и Потребиловка была закрыта.

Помимо работы и борьбы с злоупотреблениями в Потребиловке кружок в 1912 г. начал кампанию по организации Больничной Кассы. Прежде всего было организовано собрание кружка, на котором был выработан предварительный план. После кружкового собрания была массовка в Сухой Роще, на которой присутствовало около 150 человек. В августе было общее собрание по выбору Правления и установлению размера взносов (рабочие должны были вносить 1%, а завод 2%).

По вопросу об уставе Больничиой Кассы выступал К. Леонов, но присутствовавшие на собрании директор Диксон, исправник и полицейский надзиратель Зубков не давали говорить Леонову. Благодаря этому предложенный кружком список кандидатов в Правление целиком не приняли. Были выбраны: Малютин (большевик), Казимир Заливский (меньшевик) и Курашев (агент охранки). Этот негодяй—провокатор всюду и везде на всех общественных собраниях для вида выступал против администрации, а в действительности всегда служил ее интересам. После собрания Больничной Кассы Козьме Леонову пришлось уволиться самому, потому что он был намечен администрацией к увольнению вместе еще с 2-мя другими товарищами.

Кружком была собрана массовка, где было постановлено отстоять уволенных товарищей. На 14-е августа 1912 г. была

об'явлена забастовка и было пред'явлено директору требование оставить этих товарищей на работе. Директор, конечно, не согласился. 14-го августа никто кроме штрейкбрехеров за работу не принялся. Все забастовали. 15 го числа снова было пред'явлено требование директору об оставлении уволенных товарищей и было добавлено еще новое требование о выборе цеховых старост, которые разбирали бы все конфликты с мастерами по поводу увольнения рабочих. 15-го августа директор первое требование удовлетворил, а во втором отказал, но все-таки уплатил за полуторадневную забастовку.

Стачка на заводе Зингер в 1913 году.

Росло недовольство рабочих, росло вместе с этим и их боевое настроение. Поводов к столкновению с капиталом всегда было достаточно.

В 1913 г. летом произошла месячная забастовка на заводе Зингера, которая была громадным событием в жизни Подольсаих рабочих. Наиболее деятельное участие в этой забастовке принимали т. т. Марков Ф. С., Николаев Николай, Зудов Андрей, Орехов В., Мужилкин, Григорьев, Голубев, Моисеев, Стученков. Эти товарищи действовали очень дружно. Ближайшим поводом к стачке было то, что администрация завода ввела новые расценки для поштучной работы в никкелировочном отделении. Никкелировочный цех (около 200 чел.) 15-го июля 1913 г. забастовал. На второй день забастовки был об'явлен расчет всему цеху. Тотчас была организована массовка, которая, несмотря на дождь, прошла очень дружно. Было решено об'явить общую стачку: выработали целый ряд требований.

От всех цехов завода были выбраны делегаты, которые пред'явили директору завода Диксону выработанные требования и заявили, что в случае удовлетворения этих требований работа на заводе тотчас возобновится.

Требования рабочих лесного двора.

1. Поденая плата 1 рубль.
2. Количество поштучной работы, которое обеспечивало бы рабочему 25% сверх поденной платы.
3. Наем рабочих на неопределенный срок.
4. Рабочие должны быть членами кооператива.
5. Каждый рабочий, в порядке очереди, должен переводиться в один из регулярных отделов.
6. Рабочие должны быть снабжены непромокаемыми плащами.

Требования заводских рабочих.

1. 8-ми часовой рабочий день.
2. Все сдельные цены на фабрике остаются без перемен, что должно быть подтверждено фабричным инспектором.

3. Никто не должен быть уволен за стачку.

4. Все рабочие, уволенные после первомайской забастовки, должны быть вновь приняты без медицинского освидетельствования.

5. За время стачки должна быть выплачена полная заработная плата.

6. Фабричная администрация должна обращаться с рабочими вежливо.

7. Если рабочий не является на работу в продолжении 3-х дней, его не должны переводить на поденную плату, а также подвергать расчету.

8. Фурман в никкелировочном отделении и его помощник должны быть уволены.

9. Делегаты от разных отделов должны быть признаны оффициально.

10. Рабочим должно быть разрешено мыть руки за 5 мин. до гудка.

11. 12 и 13 пункты (не заполнены).

14. Минимальная поденная плата взрослым рабочему и работнице должна быть 1 рубль, подросткам—50 коп. в первый год, 75 к. на второй год, а затем они должны рассматриваться, как взрослые.

15. Поденная плата должна также распространяться на работу и в тех частях, которые потом окажутся забракованными.

16. Если рабочий не может работать по вине фабрики, он должен получать полную дневную плату.

В течение первых трех дней стачки (17, 18 и 19-го июля) каждый день происходили митинги, на которых присутствовал и директор завода Диксон.

После митинга 19-го июля было решено стачку продолжать до удовлетворения всех пунктов требований рабочих.

Партийный кружок в это время проявил большую энергию.

Администрация завода, конечно, не согласилась удовлетворить всех требований рабочих. Недовольство рабочих все увеличивалось. По требованию рабочих был вызван фабричный инспектор, который не принес никакого умиротворения.

Так как стачка продолжалась уже 4-й день, то администрация завода 20-го июля об'явила, что на основании фабричных законов рабочие, не ставшие на работу больше 3-х дней, расчитываются, и фабрика закрывается на неопределенное время. На следующий день директор Диксон отправился в Москву к губернатору, сделал ему доклад о совершающихся событиях на заводе и просил прислать полицейскую охрану, что, конечно, было тотчас исполнено.

Через неделю директор Диксон уехал демонстративно из Подольска за-границу. Он хотел этим показать, что завод обречен на долгое бездействие, а бастующие рабочие на долгую безработицу и на все связанные с ней лишения.

Тем не менее настроение рабочих было бодрое.

Происходил целый ряд собраний, на которых горячо обсуждалось создавшееся положение. Конечно, среди общей рабочей массы были трусливые люди, которые боялись за свою судьбу и судьбу своих семей. Вредное влияние на такие элементы оказывали т.т. Куликов, Григорьев, Клоков, Карасев Дмитрий, Михаил Дагаев, Курашов, Рожков, Андрей Беспалов, Жаров, Дебабов, два брата Животовы и др. Все эти рабочие были в этой стачке гнусными провокаторами.

Особенно много поработали в пользу администрации завода Клоков и Дагаев. Они старались дезорганизовать рабочую массу, подействовать на ее слабые стороны. Некоторые из них пьяные приходили на собрания и требовали себе денег; кричали, что им нечего есть, и что если им не дадут денег, то они пойдут на работу и поднимут за собой весь литейный цех. Конечно, в распоряжении бастующих рабочих денег было очень мало. Приходилось очень экономить скудные средства и выдавать только в крайних случаях, когда, действительно, нечего было есть. В худшем положении были вдовы с малолетними детьми; им первым оказывалась помощь.

Эти же провокаторы старались мешать рабочим собираться и организоваться. Жаров, Дебабов и Рожков совсем было сорвали большое собрание рабочих в лесу за Поливановым. Один из самых активных деятелей этой стачки т. Марков после своей неудачной поездки в Москву к губернатору решил сделать доклад рабочим относительно этой поездки и отказа губернатора созвать большое собрание рабочих, как безработных. Нужно было также обсудить план дальнейшего продолжения забастовки. Собрались за Поливановым. Марков сказал рабочим: „Ну, ребята, садись, поговорим. Здесь бояться нам некого, часовые у нас хорошие ребята, и как только черкесы войдут в конюшни, нам сейчас же будет известно. Мы до них обсудим все и разойдемся. Если они и пронюхают, что мы здесь, то все-таки им нас поймать не придется. Если они нам встретятся на дороге, то мы их перехитрим: мы не пойдем всей гурьбой, а по двое и по три человека. Если они кого спросят, то говорите, что ходили за грибами или еще за каким нибудь делом". Только что Марков сказал это, как кто-то крикнул: „черкесы едут". Произошло что то невообразимое: люди бросились бежать и побросали свои вещи. Оказалось, что эту панику устроили провокаторы. И только благодаря самообладанию Маркова рабочие успокоились, после чего собрание окончилось благополучно.

Компания провокаторов продолжала очень усердно следить за всеми действиями активных рабочих и уговаривала рабочих взять расчет, так как администрация завода об'явила, что все взявшие расчет будут приняты снова на завод.

Неактивная часть рабочих послушалась этих агентов администрации и потянулась за расчетом. Стачка была сорвана. Администрация завода торжествовала. Рабочие должны были пройти через сито при обратном найме на завод Зингера на

новых условиях. Наиболее активные рабочие были высланы из Подольского уезда по предложению Подольского Исправника Полонского, а Милютин и Орехов были арестованы. Стученкову и Маркову удалось скрыться. Всего было уволено с завода около 72 чел., которые были занесены в так-называемые „черные книги". С исчезновением наиболее энергичных, развитых рабочих работа на заводе, естественно, на некоторое время опять замерла, чтобы вновь разгореться в приближающиеся роковые грозные годы.

Между администрацией завода и вице-президентом Компании Зингер Ф. А. Парком, жившим в Нью-Йорке, возникла переписка по поводу этой длительной забастовки.

Интересно прочитать доклад*) директора Диксона, в котором ярко отразилась борьба труда с капиталом.

---

*) Доклад напечатан в приложении.

ГЛАВА IX.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Накануне войны 1914 года.

С 1912 г. вместе с влиянием „Правды“ росло и влияние большевизма. Число подписчиков „Правды“ доходило до 150.000, между тем как тираж меньшевистской газеты „Луч“ колебался от 15.000 до 25 000. Росло и стачечное движение. Уже 1912 г. дает забастовку 1-го Мая в 100.000 человек в одном Петербурге, дает манифестации рабочих с пением революционных песен, красными флагами и стычками рабочих с полицией и казаками. Петербургу дружно ответили Москва, Киев, Рига, Одесса и др. города. В 1913 году годовщина ленских расстрелов была ознаменована в Петербурге и провинции дружными забастовками и демонстрациями. 1-го Мая 1913 г. Петербургский Комитет большевиков развил огромную агитацию устную и печатную. На этот раз в одном Петербурге бастовало 250.000 рабочих.

9-е Января 1914 года снова бастуют 140.000 рабочих.

1-го Мая 1914 г. в Петербурге бастуют 280.000, в Риге—45.000, в Москве—40.000, а всего—более 500.000 чел. Рядом с этим идет целый ряд забастовок, где протест против фабричных непорядков соединяется с требованиями экономическими и политическими.

23-го февраля (по новому стилю 8-го марта) 1914 г. в Петрограде впервые празднуется день работниц.

Несмотря на то, что, благодаря преследованию правительства, к 1914 г. профессиональные союзы были еще слабы, и в Петербурге количество организованных рабочих не превышало 25.000 чел., массовое движение протекает очень организованно.

Рабочий класс многому научился за предыдущие годы и за революцию 1905 года.

Проводятся целые кампании, как, напр., кампания страхования по поводу вышедшего закона о страховании рабочих и о больничных кассах, где передовые слои рабочих идут за лозунгами большевиков.

В июле 1914 г. рабочее движение доходит уже до вспышки рабочего восстания в Петрограде. Происходят уличные бои рабочих с правительственными войсками. Революция надвигалась. Но ее грозная поступь была приостановлена мировой войной.

Империалистическая война (1914—1918 г.).

Эта война не была неожиданной. Капитал уже давно вел завоевательную (империалистическую) политику. Буржуазия каждой капиталистической страны ожесточенно боролась за рынки. И эта борьба привела к мировой войне.

Рабочий класс одних стран был брошен с оружием в руках против рабочих других стран. Дело международного единения пролетариата в борьбе против капитала было сорвано. Мир не видал еще такой бойни: одних убитых за 4 года войны насчитывается свыше 10 миллионов. Исчезли с лица земли целые города, опустошены были до тла громадные области, погибли в огне результаты трудов целых поколений.

В России, в начале войны, партия была разгромлена. Лучшие и наиболее активные и революционные рабочие, вынесшие на своих плечах всю тяжесть руководства рабочим движением в годы реакции и последовавшего за тем революционного под'ема, все или сидели уже в тюрьмах, отбывали каторгу и поселение в Сибири, или попали в первую очередь, как запасные, в солдаты.

Так, например, свыше 25% всех работавших в страховом деле рабочих были мобилизованы в первую мобилизацию и отправлены на фронт. Правительство, погнав передовых рабочих первыми на бойню, дало возможность сознательному авангарду рабочих близко соприкоснуться с крестьянской массой. В 15 миллионную армию, набранную из крестьян и рабочих, рабочие внесли весь свой революционный опыт, весь свой революционный пыл, еще не остывший после революционной борьбы последних 2-х лет перед войной.

И здесь, в окопах и в казармах, они заражали этим пылом, этим опытом своих товарищей, вышедших из крестьянских рядов. Здесь они просвещали серую крестьянскую массу, пропагандировали и раз'ясняли им, что враг не там, за проволочными заграждениями, а по эту сторону окопов—в царской ставке, во дворцах и палатах помещиков и фабрикантов. Здесь в окопах они раз'ясняли крестьянам, что их заветная мечта—избавиться от помещиков и отобрать помещичью землю—не может осуществиться раньше крушения царского режима. Из окопов эти лозунги шли в широкие крестьянские массы. Каждый раненый, каждый отпускной несли их в самые глухие деревушки и таким путем революционизировали оставшихся в деревне крестьян.

Те большевики, которые остались еще на свободе, вели также энергичную борьбу против войны, правительства, поме-

щиков и буржуазии. Их работе много помогала сама жизнь. Мировая война потребовала громадного напряжения всей страны. Промышленность сильно расшаталась. Масса заводов была занята изготовлением снарядов и различных материалов, нужных только для военных целей. Крестьянское хозяйство приходило в упадок, посевная площадь сократилась: не хватало работников и лошадей. Все было забрано на войну. По всей стране росла дороговизна, не хватало самых необходимых продуктов. Народные массы глухо волновались.

Ко всему этому присоединились бесконечные неудачи на фронтах. Русские войска почти повсюду отступали. Царское правительство оказалось не в состоянии вести войну. Везде господствовал подкуп и предательство. Царь под влиянием Распутина окружил себя продажными и бездарными министрами, которые оставляли войска без снарядов и одежды. Неудачное ведение войны оттолкнуло от правительства и буржуазию, которая мечтала благодаря этой войне получить новые рынки, получить свободный выход из Черного моря путем завоевания Константинополя и Дарданелл.

Но буржуазия требовала войны до конца, а рабочие уже с конца 1916 года начали требовать прекращения войны.

К 1917 г. большевистские организации значительно окрепли, несмотря на постоянные аресты. Их влияние усилилось.

9-го января 1917 г. рабочие впервые после долгого перерыва устраивают в разных местах забастовки и демонстрации в память Кровавого Воскресения 9-го Января 1905 г. с кличем „долой войну". В Баку экономическая забастовка превращается в политическую. Тоже происходит и в других городах. Помимо лозунга „долой войну" везде выкидывается старое требование „долой самодержавие". На фронтах солдаты перестают доверять офицерству, начинают волноваться, отказываться от повиновения.

В таком напряженном состоянии проходит почти вся зима 1917 года.

24-го февраля в Петрограде 200.000 забастовщиков во главе с женщинами вышли на улицу с требованием „хлеба и мира" и „долой самодержавие". На улицах появляются баррикады.

25-го уличная борьба рабочих с полицией распространяется на весь город. 26-го партия большевиков выпускает манифест с призывом с'организовать Временное Революционное Правительство.

27-го в Петрограде организуется Совет Рабочих Депутатов. К восставшим присоединяются войска. Тюрьмы осаждаются толпой и арестованные выходят на свободу.

1-го марта на соединенном заседании выделенного IV Государств. Думой из своей среды Исполнительного Комитета и меньшевистски настроенных рабочих депутатов возникает буржуазное Временное Правительство. Самодержавие было свергнуто.

Но классовая борьба не кончилась. Она только начиналась с новой силой, в новых условиях.

„Впереди борьба, но нас ждет верная победа"—говорил Петербургский К-т РСДРП в конце своего воззвания от 25-го февраля 1917 г. „Все под красные знамена революции". „Да здравствует Демократическая Республика". „Да здравствует 8-ми час. рабочий день. Вся помещичья земля народу. Да здравствует всероссийская всеобщая стачка. Долой войну. Да здравствует братство народов всего мира. Да здравствует Социалистический Интернационал".

ГЛАВА X.

НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ В ПОДОЛЬСКОМ УЕЗДЕ.

Неудачная забастовка на заводе Зингера в 1913 г. оказала удручающее влияние на Подольских рабочих. Партийная работа прервалась с высылкой и арестом активных товарищей.

Не было никакой организации. Заводить новые связи было очень трудно. Такие-же условия политической работы были, в общем на всех Подольских заводах.

Широков А. М.

В июне 1914 г. приехал на завод Зингера т. Широков, а затем т. Титов. Их поражает подавленное настроение рабочих. Вскоре на завод приехали еще два товарища Чулин и Ашихмин. Это маленькое ядро старается заводить знакомства с местными рабочими.

Дело подвигалось очень туго. Пытались они распространять небольшие листовки, но почти все листовки погибали: рабочие боялись и уничтожали их. Настроение рабочих характеризует один случай, рассказанный т. Титовым.

Приходит он как-то будто за делом в ящичный цех. Видит много народу собралось в уборной, которая, как и на всех заводах, была лучшим местом собраний. Идут оживленные разговоры. Пользуясь этим, т. Титов повел беседу на разные злободневные темы. Тогда один из присутствующих рабочих здоровый, плечистый, с большой бородой, обратился к нему и говорит: „Вот что, товарищ, выкатывайся-ка из нашего цеха; много мы вас здесь видали и знаем, к чему привела нас забастовка в прошлом году". „Вот что она сделала",—добавил он, показывая себе на шею.

За невозможностью создать крепкое революционное ядро энергия сознательных рабочих сосредотачивается главным образом на легальной работе, которая могла бы сблизить и с'организовать более деятельных рабочих. В это время большое внимание уделялось организации больничных касс, и на

этой почве велась горячая борьба. Образовалось несколько групп. Одна из них—революционно настроенная, в которую входили рабочие из цехов: механического (Титов и др.), инструментального (И. С. Кольцов) и дерево-полировочного (т. Широков), одержала блестящую победу. В ревизионную комиссию были выбраны т.т. Титов, Ашихмин, Зайцев, а т. Широков вошел в Правление. После этой так успешно проведенной кампании работа товарищей по цехам пошла уже более быстро и успешно. Теперь устная агитация повелась свободно: все знали выбранных товарищей, которые приходили и обсуждали с своими товарищами те или другие вопросы; стало гораздо легче распространять листовки, которые ранее почти совсем не расходились среди рабочих.

Параллельно с работой по организации больничных касс велась упорная и горячая борьба за выборы в кооператив. Здесь также образовались две резко противоположные группы рабочих. Опять передовые активные рабочие сплотились в дружную крепкую группу человек в 25-ть, которой удалось полностью провести список своих кандидатов в правление и в ревизионную комиссию.

Забастовка на заводе Зингер в октябре 1915 г. с требованием прибавки 15% заработной платы прошла довольно успешно. После недельной забастовки директор Диксон принужден был произвести прибавку на 6—7%.

Война требовала все больше и больше снарядов. Во многих городах оборудованы были для нужд войны новые большие заводы. В Подольске в период 15—16 г.г. возник снарядный завод Земгора. На этот завод приехало работать много развитых активных рабочих—латышей, в числе которых были т. т. Эвальд, Бунгш и др. Приезд рабочих латышей очень оживил работу среди местных рабочих.

Рабочие начали организоваться, во первых, под видом драмкружка при зав. Зингер, душой которого были ныне умерший Чижов Н. Г., Варейкис В., Широков А. М., Сухарев В. И., Бесчастнов, Барышев, Зотов, Истомин и друг.

Всего кружок об'единял более 50 чел. из 4000 чел., работающих на заводе.

Драмкружок пользовался большим авторитетом среди рабочих на заводе, а внутри кружка из более активных его членов организовалась группа социал-демократов большевиков, которая и направляла всю политическую работу среди рабочих на заводе.

На почве острого недостатка продовольствия летом 1916 г. рабочие завода К-о Зингер потребовали от Подольской Уездной Земской Управы ввода представителей от рабочих з-да в уездное продовольственное совещание. Земство под напором рабочих удовлетворило это требование и в качестве представителей по выбору от рабочих завода в уездном продсовещании работали т.т. Широков и Суров.

Кроме этого т. Широков, как кооператор, имел удостоверение от Московской Губернской Земской Управы на право проверки всех товаров, документов и книг в конторах, магазинах и на складах в гор. Подольске и его уезде. На основе этого удостоверения много было конфисковано продовольствия и пущено в общее распределение. Злостных спекулянтов, укрывателей продовольствия и нарушителей твердых цен, штрафовали и предавали суду.

Осенью 1916 г. из числа членов драмкружка при заводе Зингер организовалась инициативная группа по постройке „Рабочего Дома" в гор. Подольске. Это задуманное предприятие об'единило с названной группой более активных рабочих з-да Земгор и Подольскую революционно настроенную интеллигенцию.

Был выработан проэкт устава и подан на утверждение Губернатору. Устав был утвержден с большой урезкой всех его пунктов с требованием наименовать его не „Рабочим". а „Народным Домом".

Большевики такой устав решили бойкотировать, но умеренные рабочие и городская интеллигенция решили его использовать. В средине декабря 1916 г. они собрали в помещении Земской управы учредительное собрание для выборов правления „Народного Дома".

На этом собрании был жаркий спор и выступление т.т. Широкова, Чижова и Барышева с революционными речами, в которых они призывали рабочих не доверять организаторам этого собрания и уйти с собрания. Большинство присутствующих ушло с ними вместе.

Несмотря на это, все же правление „Народного Дома" было избрано, которое об'единяло не более 20 или 30 членов. Председателем этой организации был т. Лукин А. И., секретарем врач Евстафеева Е. А., членами—Власов (он же Молотковнч), Клятышев, Масленников, Борисова Л. И.—все шесть человек меньшевики и два земца эс-эры Дзейвер А. Я. и Клевер, а три большевика т.т. Бунгш, Эвальд и Карпов вошли в правление по недоразумению.

Во второй половине декабря 1916 г. на почве дороговизны и отсутствия продовольствия на заводе К-о Зингер рабочими была об'явлена забастовка с требованием повышения зарплаты. Эта забастовки ничего не дала рабочим, но за нее уволили с завода 28 чел. рабочих.

Время наступало какое-то шаткое, трудное, говорит т. Аристархов в своих воспоминаниях. Хлеба и вообще продовольствия стало недостаточно, с фронта шли известия о поражениях, все это отражалось не только в центре, но также и в провинции, в частности в Подольском уезде. Рабочие уходили на работу на заводы и фабрики, а их жены и дети с раннего утра шли занимать очередь за хлебом.

Зима была свирепая, морозы стояли до 30 градусов, а в очередях простаивали по полдня, чтобы получить хлеба.

На заводах и фабриках росло недовольство среди рабочих. Сначала рабочие обратились с просьбою о выдаче добавочного пайка хлеба. Просьба была уважена. По цехам заводов, работавших на оборону (военных), стали давать, как добавок, по 1 фунту в день на каждого рабочего и работницу. Но поскольку положение все ухудшалось, дороговизна на продукты питания все росла, рабочие от просьб стали переходить к требованиям. Сначала потребовали прибавки заработной платы на дороговизну. Это было в трубочном цехе завода Зингер в январе месяце, приблизительно числа 10-го, когда одна смена рабочих трубочного цеха избрала из своей среды делегацию из шести человек и направилась в контору к завед. цехом Кроткову для переговоров о прибавке жалованья на дороговизну. Зав. Коротков нам отказал. Тогда рабочие потребовали в цех начальника мастерских Томаса. В это же время пришли работницы другой смены и народу собралось в цехе две смены, приблизительно около 600 чел. Работа приостановилась. Вся эта масса собралась около конторы цеха. В трубочный цех пришел т. Мурзов из инструментальной мастерской и сказал: „Товарищи, держись, не отступай от своих требований: остальные мастерские пред'являют такие же требования", при этом еще добавил, что в случае, „если нас не удовлетворят, мы забастуем всем заводом". Мурзов ходил по всем цехам завода и держал полную связь со всем заводом.

Скоро в цеха явился начальник мастерских американец Томас. Все заговорили о прибавке жалованья на дороговизну и о других требованиях. Тогда Томас крикнул: „разойдись", но никто из рабочих и работниц на это не обратил внимания. Рабочие заявили Томасу, что они явились, как уполномоченные от рабочих, и не разойдутся до тех пор, пока не будут удовлетворены требования: 1) о прибавке на дороговизну; 2) об оплате за брак выпускаемого продукта; 3) о вежливом обращении администрации с рабочими и работницами.

А тов. Федотов сказал при этом Томасу:

„Вы, стало-быть, не хотите разговаривать с этой массой угнетенных рабов, эксплоатируемых вами же. Вы хотите и дальше эксплоатировать их в своих личных интересах". Тогда Томас крикнул: „Как, что?.. Как ваша фамилия? Номер Ваш?". А товарищ Федотов отвечает: „Для чего вам это нужно? Мы вам, наверное, и так известны". „Это наши уполномоченные, для чего вы спрашиваете их номера"? Заговорили разом все рабочие. После этого Томас сказал: „Хорошо, разойдитесь, я ваши требования разберу". В результате жалованье рабочим было прибавлено, но за брак всетаки не заплатили и отношение администрации к рабочим осталось прежнее.

У ворот завода тоже были городовые—Озобчик и Лопатин.

Не смотря на усиленную слежку полиции в начале 1917 г. среди рабочих уже открыто вели политическую работу две группы русская и латышская, затем драмкружок и правление „Народного Дома".

Недели за три до Февральской революции в Правлении Об-ва „Народный Дом“ было постановлено прочитать платную публичную лекцию „Французское революционное движение от 1789 до 1871 г.“

С большим трудом было получено разрешение на устройство этой лекции с ручательством правления, что на лекции не произойдет никаких беспорядков и демонстраций. Найден был лектор т. Жаворонков из Москвы, который прочитал эту лекцию в два воскресенья.

Предоставленное для лекции помещение, зал Реального Училища, было переполнено до отказа. Полицейский надзиратель Зубков, по долгу службы, вместе с аудиторией внимательно слушал лектора. Лекция прошла очень удачно. Отовсюду слышались заявления: „вот-бы почаще устраивали такие лекции“.

Вскоре после этих лекций, в последних числах февраля, стали получаться сведения, что в Петербурге происходит что-то тревожное и грозное. Всем стало ясно, что теперь не время заниматься такими организациями, как Народный Дом, что назревают чрезвычайной важности события, что нужно готовиться к быстро приближающейся революции.

За несколько дней до февральской революции произошла остановка заводов г. Подольска по случаю недостатка хлеба. Забастовка прошла неорганизованно. Поэтому на собрании партийной ячейки было решено все силы направить на то, чтобы овладеть забастовочным движением и проводить его более организованно.

ГЛАВА XI.

КАК ПРОИЗОШЛА ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ПОДОЛЬСКОМ УЕЗДЕ.

В последние 3—4 дня перед Февральской революцией в городе Подольске не было газет, в главную контору завода К-⁰ Зингер каждый день приходили исправник и полицейский надзиратель, а в городе усиливали на постах городовых и стражников. У всех рабочих было приподнятое настроение, Работа не шла на ум. Революционная группа на заводе Зингер 27 февраля 1917 г. после работы направила в Москву за сведениями т. Мурзова. Последний вернулся из Москвы в 2 часа ночи, с известием о начале февральской революции в Петрограде и Москве.

Завóд Зингера.

В эту же ночь т.т. Мурзов и Широков направились на з-д Зингер к рабочим ночной смены. Здесь, где сами, а где через знакомых рабочих, сообщили о революции и раздавали печатные листовки; в эту же ночь печатные листовки были направлены и на з-д Земгор.

На заводах тогда от ночной до денной смены был перерыв в работе 1 или 1½ часа, поэтому были приняты все меры уговорить рабочих ночной смены не уходить из завода до прихода рабочих денной смены.

После утренних гудков 28 февраля все рабочие двух заводов были извещены по цехам о начале февральской революции. Здесь уже работал во всю революционный актив, а также помогали и рабочие ночной смены. Чувствовалась живая бодрость. „Товарищи, революция. Кончай, бросай работу, все идем на улицу на поддержку рабочим Петрограда и Москвы". Заводская администрация была оглушена этим призывным кличем; замолчали гудящие машины заводов Зингера и Земгора.

В 10 или 11 часов утра все рабочие 2-х заводов до 7.000 чел. уже были на дворе завода Зингер, на площади у главной конторы. Сюда был притащен большой ящик, первая революционная трибуна, на которую тогда влезали оратор за оратором. Говорили большевики, меньшевики, эс-эры, анархисты и беспартийные. Все они коротко и горячо говорили о революции.

После выступления 6—7 ораторов раздалась чья-то громкая команда: „товарищи, становись по цехам; выбирайте своих рабочих депутатов, прямо здесь, на дворе". После этого весь митинг разделился по цехам. Каждый цех избрал своих депутатов. Все это делалось просто, быстро и никто не мешал, лишь только опытные и испытанные в борьбе товарищи за всем этим зорко следили.

Заводская полиция и высшая администрация совершенно не показывалась, а администрация цехов была вместе с рабочими. Ввиду холода на дворе всех рабочих попросили разойтись по цехам, но не приступать к работе без ведома депутатов. Рабочие быстро разошлись, а избранные рабочие депутаты 2-х заводов устроили заседание в чайной-столовой на дворе завода. У дверей чайной снаружи и внутри был поставлен караул из числа депутатов. Всего депутатов было до 150 чел., из них наиболее видные и активные были: Чижов, Мурзов, Колман, Лукин, Эвальд, Борисов, Варейкис, Власов, Широков, Зотов, Карпов, Шебанов, Яковлев, Масленников, Буров, Бесчастнова и другие.

Мурзов А. А.

На этом первом заседании прежде всего решено было установить крепкую связь с Москвой. для этой цели были избраны и посланы с определенным заданием т. Мурзов и т. Яковлев.

Затем на обсуждение был поставлен вопрос о 900 чел. солдат, которые тогда, как прикоман-

дированные, работали на снарядном заводе Земгор. Они, связанные присягой, не бросили работу и не участвовали на рабочем митинге. Но тем не менее украдкой от своего начальства на заседания рабочих депутатов они присылали представителей т. т. Квитко, Весящева, Воронова и друг., которые сообщили, что солдаты против рабочих не пойдут.

Затем было решено устроить мирную рабочую демонстрацию по городу.

Тотчас, через избранных депутатов, все рабочие были вызваны опять на двор завода. Здесь всех построили в ряды. Все было раз'яснено на случай неожиданного нападения полиции. Избранные депутаты заняли место в передней цепи, ухватившись за руки, за ними шли 7.000 рабочих. С пением революционных песен бодро двинулись с завода в город. Для всех это было что-то новое, необычайное и невиданное еще в Подольске.

План города Подольска.

При приближении рабочих к выходным воротам два городовых, стоящие всегда на посту у ворот, спешно скрылись в сторожку. Рабочие шли рядами, стройно и бодро, с песнями, но еще без красного флага, который был спрятан. Так прошли по рабочему переулку, налево по Вокзальной улице и вышли

на Бол. Серпуховскую улицу. Испуганные городовые бежали с постов и прятались в лавки. Тогда и был поднят вверх красный флаг, который победно заалел над многотысячной колонной рабочих.

Далее прошли по Б. Серпуховской ул., повернули по Почтовому переулку потом по Зеленовской улице вышли на площадь у собора (ныне площадь им. К. Маркса).

Здесь был устроен второй митинг, на котором выступали ораторы и говорили о революции, о борьбе и призывали рабочих на завтра по заводскому гудку придти на заводы, но к работе без ведома депутатов не приступать.

После этого все участники демонстрации разошлись по домам с вестью о начавшейся революции.

В тот же день 28 февраля в 4 часа вечера рабочие депутаты устроили второе заседание в той же чайной—столовой на заводе.

К этому времени уже имелись подробные сведения из Москвы о происходящих там событиях.

На этом собрании долго обсуждался вопрос о разоружении полиции, что трудно было сделать, не имея своего оружия. Были получены сведения, что на дворе завода есть склад оружия. Но прежде, чем взять это оружие, надо было уговорить присоединиться к рабочим 900 чел. солдат, работавших на снарядном заводе Земгор.

Был уже поздний вечер. Поэтому было решено начать переговоры с товарищами солдатами и их начальством на следующий день утром (1-го марта). Для ведения переговоров из депутатов были избраны три товарища: Чижов, Лукин и Широков.

На этом же заседании был избран председателем заседания Совета т. Власов (ныне Молоткович) и заместителем его т. Варейкис, а также был избран Исполнительный Комитет Совета из 15 человек: 1) Чижов Н. Г., 2) Лукин А. И., 3) Мурзов А. А., 4) Зотов А. А., 5) Масленников И. М., 6) Эвальд Б. Я., 7) Широков А. М., 8) Карпов И. П., 9) Бесчастнова Е. П., 10) Яковлев, 11) Кольман, 12) Титов М., 13) Шебанов В. В., 14) Борисов П. П. и 15) Квитко П. И., как представитель от солдат з-да Земгор.

В председатели Исполкома был избран т. Чижов, заместителем его Лукин и секретарем т. Зотов. Вся работа была распределена между остальными членами Исполкома. Было введено очередное дежурство членов Исполкома.

На другой день, 1 марта, по заводскому гудку все рабочие 2-х заводов пришли на заводы, но к работе не приступали, а ходили по цехам, делились своими впечатлениями о ходе революции и ждали директив от своих выборных депутатов.

А в это время с 6 часов утра в столовой на заводе уже шло заседание Совета рабочих депутатов, на котором обсуждали разработанные Исполкомом планы: 1) переговоров с начальством

и солдатами завода Земгор и 2) о разоружении полиции в городе.

Выделенная Советом тройка, после переговоров с офицерами и солдатами на заводе Земгор, сообщила Совету, что офицеры после небольшого колебания приняли предложение Совета, сдали тройке свое личное оружие, согласились остановить работу на заводе и не препятствовать солдатам присоединиться к рабочим.

Сейчас же был взят склад с оружием: в нем было 75 шт. 3-линейных винтовок и достаточное количество патронов к ним, а присоединившиеся товарищи солдаты прислали в Совет своих депутатов—т.т. Квитко, Висящева, Воронова и Голубева.

После этого было решено, не теряя времени, итти разоружать полицию. Все рабочие из цехов были вызваны на двор и собрались напротив Главной конторы. К собравшимся рабочим стройными рядами подошли присоединившиеся т.т. солдаты, которых насчитывалось до 800 чел. Присоединение солдат еще больше подняло бодрость и революционный дух рабочих.

Из среды солдат вышел т. Голубев с винтовкой в руках и сказал: „Товарищи рабочие, присоединяемся к вам, рабочим, ибо мы такие же рабочие и угнетенные рабы. Я заявляю от лица этой массы, одетой в серые шинели, что если нас посылали на фронт и говорили „иди и защищай отечество", то с этой же винтовкой солдат может защищать и революцию".

В ответ на эти слова раздалось громкое и долго несмолкаемое „ура".

Говорили и другие товарищи. Вот в одном месте на трибуне стоит лохматый Варейкис, вспоминает т. Осипов, в другом энергичный и подвижной Мурзов, в третьем—обросший бородой в заячьей шапке с наушниками Кольман, горячо раз'ясняющие рабочим, как спровоцированы были рабочие всех стран на войну и как этой войной „помазанники божии" хотели окончательно задушить рабочий класс. Дальше т. Н. Г. Чижов, в шапке густых волос, голосом, идущим откуда то из груди, полным ненависти к существующему строю, говорит, стараясь быть спокойным, но его речь, как искра, зажигает все сердца. Уже тогда чувствовалось, что за ним пойдут все, как один, что это непримиримый враг буржуазии.

После речей все рабочие и солдаты, всего более 7.000 чел., с оркестром музыки двинулись с завода в город и направились к дому полицейского управления на базарной площади (ныне Советская площадь) по Думской (ныне Февральской улице).

Вот и полицейское управление. У всей массы бодрое, революционное настроение, все дружно поют „долго в цепях нас держали, долго нас голод томил, черные дни миновали, час искупленья пробил"...

В это самое время на углу б. Думской ул. и базарной площади навстречу идущей колонне бежал с приподнятым вверх револьвером и шашкой старик—урядник Дубровицкой волости, по кличке „Домовой". Он кричал: „господа, я старый

дурак, 35 лет служил царю, а теперь я отказываюсь, возьмите мое оружие и не трогайте меня".

Товарищи из передних рядов колонны взяли у него оружие, а его самого послали в задние ряды колонны.

При повороте с улицы на площадь передние ряды шедшей колонны увидали, что на площади у дома, где помещалось полицейское управление, стоял только один старший городовой Карасев, во всеоружии и с орденами на груди.

Этого Карасева, ревностного слугу „царю и отечеству", знало большинство рабочих. Из передних рядов колонны выделилось пять или шесть рабочих. Один из них с револьвером в руке, а двое с винтовками на изготовку крикнули: „сдавай оружие", а трое невооруженных сняли с него шашку, сорвали с груди его „заслуженные ордена".

На площади перед полицейским управлением были выстроены в шеренгу все вооруженные, с оружием на изготовку, а за ними стояли все невооруженные.

„Сдаетесь, или нет?" Громко и грозно крикнули рабочие.

В открытую форточку полицейского управления (которое помещалось над казначейством, где ныне находится Коммунальный отдел) послышались голоса: „сдаемся, сдаемся".

После этого т.т. Чижов, Зотов, Широков и еще несколько товарищей пошли наверх в полицейское управление, где в первой большой комнате, на большом столе лежало в беспорядке все оружие полиции и в этой же комнате за тесовой перегородкой (куда полиция сажала арестованных) стояли и сидели собранные городовые, стражники и урядники. Упомянутые выше три товарища, не останавливаясь в этой большой комнате, пошли прямо в кабинет уездного исправника, где находились сам исправник Цветков и околодочный надзиратель Зубков. После недолгих переговоров полиция сдалась и отдала все свое оружие.

Когда результаты переговоров были сообщены ожидавшим рабочим и солдатам, гул радости пронесся по площади и послышались голоса: „давай сюда исправника, надзирателя, городовых и стражников". И вот вчерашние властители вышли к рабочим, смущенные и перепуганные и заявили:

„Мы приветствуем революцию и присоединяемся к народу".

Но этого собравшимся рабочим и солдатам было мало. Они требовали, чтобы исправник и надзиратель и все полицейские крикнули: „долой царя и дом Романовых". И эти трусливые рабы срывали свои погоны с шинелей и кокарды с шапок, а шапки бросали вверх с криком „долой царя Николая II-го, долой дом Романовых".

После этого всех городовых, стражников и урядников поставили в колонну, надзирателя, ввиду его болезни (по его заявлению), отпустили домой, а уездного исправника оставили в его кабинете работать и приставили к нему 3 или 4 вооруженных товарищей.

В помещении полицейского управления был сейчас же открыт революционный штаб с дежурством в нем выделенных товарищей. Оружие полиции было роздано рабочим и работницам.

В это время на площади в разных местах выступали ораторы, говорили о революции, о победе над царским правительством. В ответ на эти речи отовсюду неслись радостные возгласы. Ораторов качали. Директор завода Зингер Диксон тоже приветствовал революцию и призывал ей на помощь самого бога. Тут была и подольская буржуазия. Все приветствовали революцию, а рабочие тем временем вооружались. Со всех окрестностей г. Подольска, с фабрик и заводов, из ближайших волостей, сел и деревень народ спешил в город. Собралось столько, что все улицы были буквально заполнены народом.

После разоружения полиции и проведенных на площади митингов вся революционная масса рабочих и солдат с площади пошла через мост за реку в управление Подольского воинского начальника. Приход в управление 6—8 командированных вооруженных товарищей страшно перепугал всех присутствовавших там, а в особенности врачей и старика воинского начальника, которые заседали в комиссии по осмотру солдат, отпущенных из армии по болезни.

Пришедшие товарищи велели кончать осмотр, всех пришедших на осмотр отпустили по домамам на одну неделю, а воинского начальника попросили выйти на улицу и сказать, что он присоединяется к революционному народу.

Он вышел и сказал это так тихо, что его могли слышать только в передних рядах колонны: кугом было общее ликование, смех и гремело победное „ура". Вскоре многие уже стали расходиться по домам, в особенности те, которые жили в соседних деревнях, а городские жители и часть деревенских опять пошли в центр города.

По пути от кого то было получено сообщение, что из города по направлению к ж. д. станции на паре белых лошадей уехал Варшавский воинский начальник. (Управление Варшавского воинского начальника из фронтовой полосы было эвакуировано в г. Подольск).

После этого сообщения сейчас же были выделены 3—4 товарища с винтовками, которым было поручено догнать воинского начальника. На ж. д. станции товарищам сообщили, что поездов ни в ту, ни в другую сторону не было, и Варшавский воинский начальник поехал обратно в город. Выделенные товарищи на станции арестовали двух железнодорожных жандармов, а сбежавшего воинского начальника, после долгих поисков, нашли в одном из лазаретов спрятавшимся в шкаф в комнате сестер милосердия. Его обезоружили, арестовали и, по распоряжению революционного штаба, посадили в тюрьму.

Во время розысков Варшавского воинск. нач-ка группа рабочих увидала, что по Александровской улице пытался

скрыться на лошади становой пристав 2-го участка и только после окрика „стой, стрелять будем" кучер остановил лошадь. Товарищи обезоружили пристава, привели в штаб и посадили также в тюрьму.

За весь этот день было много подобных случаев бегства, были арестованы и заключены в тюрьму подозрительные лица, а ранее арестованные были освобождены из тюрьмы и из других мест заключения.

Так, например, в грязной темной комнате без пола, при доме воинского начальника, нашли 5—6 арестованных. Это были не уголовные преступники, а лишь провинившиеся перед воинским начальником солдаты. Один из них, на вопрос о виновности, ответил, что сидит за то, что не накормил гусей воинского начальника.

В этот же день на смену старой царской полиции была организована народная милиция из рабочих добровольцев, которая на своем многолюдном собрании избрала начальником милиции т. Чижова Н. Г. и помощником ему т. Гебровского.

Вечером 1 марта, после усиленной революционной работы за день, на заводе Зингер, в помещении 129, собралось третье заседание рабочих депутатов, и на этом собрании присутствовали: 4 депутата от солдат (указанные выше), 2 депутата от рабочих цементного завода т. Дагаев и т. Петров И. П., 3 депутата от рабочих Климовского завода т. Микряев и др., 2 деп. от рабочих вновь строющегося тогда завода Шамшина т. Ярославцев и т. Ширяев, от служащих Земской больницы была депутатом врач Евстифеева Е. А., а также были представители и от других предприятий. На это заседание пришла и администрация завода Зингер в лице директора Диксона и начальника мастерских Милюкова.

Борисов П. П.

Увидя их, т. Борисов П. П. сказал: „вам, господа директора, здесь делать нечего. Здесь собрались рабочие депутаты и обсуждают рабочие вопросы, а вас просим уйти". С большой неохотой заводская администрация повернулась и ушла.

После этого Совет занялся своей деловой работой.

На этом заседании были: 1) подведены итоги революционной борьбы за 28/II и 1-е марта, 2) заслушано сообщение представителей Подольского Совета в Московском Совете, 3) решено Совет рабочих депутатов с 1-го марта именовать „Подольский Совет рабочих и солдатских депутатов" и расширять состав Совета по мере

присылки рабочих и солдатских депутатов от предприятий города и уезда и соответственно увеличивать число членов Исполнительного Комитета, 4) утвержден избранный нач. милиции т. Чижов и его помощник т. Гебровский, решено было принять все меры к охране порядка в городе, 5) было постановлено шире развернуть агитационную работу среди рабочих и работниц на заводах, фабриках и предприятиях, а также и среди крестьян.

В течение первой революционной недели большинство членов Исполнит. К-та Совета на всех фабриках и части волостей провели целый ряд митингов и собраний. На рабочих собраниях выбирали депутатов и посылали их в Совет, а крестьяне строили свои волостные и уездные организации.

7 марта 1917 г. Испол. Ком. Совета ко всем рабочим и работницам выпустил воззвание об окончании политической забастовки без предъявления экономических требований, кроме требования платы за дни революции.

В этом воззвании Исполнительный Комитет призывал всех рабочих и работниц организоваться, устраивать собрания, организовать фабрично-заводские комитеты и создавать свои профессиональные союзы.

При помощи партийных товарищей, членов Испол. Ком. Совета, на всех заводах и фабриках очень быстро были организованы рабочие комитеты, которые с первых же дней своего существования вступили в ожесточенную борьбу с владельцами предприятий по защите своих правовых и экономических интересов на каждом предприятии.

Всю эту работу направлял и руководил ею Подольский районный комитет РСДРП.

Через несколько дней после свержения самодержавия была организована грандиозная демонстрация в день похорон жертв Февральской революции. На эту демонстрацию явились рабочие со всех Подольских предприятий и заводов с красными знаменами. На Базарной площади (ныне Советской) был устроен грандиозный митинг с выступлением ораторов от рабочих, партийных организаций и от солдат. Несколько раз при пении „Вы жертвою пали" все становились на колени и склоняли знамена в память погибших борцов за революцию. К концу митинга прибыла большая группа сарт—приветствовать революцию. Сарты очутились в Подольске по воле царизма: они были мобилизованы для тыловых работ из далекого Туркестана. Вся эта народная масса слилась под красными знаменами в единую и нераздельную семью, клявшуюся бороться до конца за так дорого завоеванную свободу.

После митинга демонстранты обошли главные улицы города и к вечеру начали расходиться по своим предприятиям под звуки оркестра музыки.

Это была грандиознейшая демонстрация в Подольске, показавшая могучую силу трудящихся.

На очередном заседании Совета Раб. и Солд. Деп. 14 марта 1917 г. (Совет к этому времени уже охватывал всех работающих на заводах, фабриках и предприятиях в уезде и имел депутатов более 250 человек) было постановлено: 1) Все предприниматели должны оплатить всем рабочим за революционные дни в раз-

Вид города Подольска.

мере полной заработной платы (что они и исполнили). 2) Исполнительный Комитет Совета должен в полном составе оставаться на своем посту и усилить еще больше свою революционную работу. 3) Было постановлено создать при Иисполн. К-те революционный фонд на нужды Совета и Исполн. Комитета из процентных отчислений с заработка рабочих и служащих по следующему расчету:

при заработке ниже 50 р. в месяц—платят $^1/_2$%
„ „ от 50 р. до 100 р. „ 1%
„ „ „ 101 и выше „ 2%

Такое обложение рабочих Совет был вынужден делать потому, что Временное Правительство отказало в отпуске средств на содержание Совета Рабочих и Солд. Деп. и его Испол. Комитета.

Не смотря на то, что Совету, за отсутствием постоянного помещения, приходилось переходить с одного места на другое, работа его тем не менее с каждым днем все расширялась и углублялась.

Совет контролировал производство предприятий и улаживал конфликты между рабочими и предприятиями. Совет революционным порядком с 22 марта 1917 года на всех предприятиях ввел 8-часовой рабочий день без понижения прежней зарплаты и вел решительную борьбу со сверхурочной работой. Организовал на всех предприятиях фабзавкомы, милицию, профсоюзы (металлистов, текстильщиков и горняков), организовал крестьянство, которое имело свой уездный Исполнительный Комитет, и провел реорганизацию Совета Раб. и Сол. Деп.

За 2 месяца своего существования Совет Р. и С. Д. имел 18 заседаний, а его Исполнительный Комитет—50 заседаний.

В общем и целом Совет до его последующего переизбрания сделал громадную работу в рабочем и в революционном движении Подольского уезда и играл в нем руководящую роль.

Паралельно с Советом Рабочих Депутатов в г. Подольске была организована власть Временного Правительства во главе с гражданским комиссаром Тихомировым, назначенным на эту должность Губернским Комиссаром. Власть Временного Правительства именовалась Уездным Комитетом общественных организаций, который состоял из представителей Совета Рабоч. и Солдатских Депутатов, старых Думы и Земства, Продовольственного Комитета, Кооперации и Промышленности.

Представителями от Исполкома Совета Рабочих и Солдатских Депутатов вошло 5 человек: т. т. Чижов, Власов, Евстифеева, Титов и Мужилкин. От интеллигенции представителями были учитель Глинка, Гуликов и др.

Первый вопрос, который должен был решить Комитет, это—как повести дальнейшую работу.

Вторым на очереди вопросом были выборы следственной комиссии в составе 5 чел. В эту следственную комиссию вошли от рабочих т. т. Чижов и Мужилкин, от интеллигенции—податной инспектор Лукин и учитель Глинка.

Первой задачей следственной комиссии было ликвидировать полицию и жандармерию. После допросов арестованных следственная комиссия постановила: некоторых освободить, других оставить в Подольской тюрьме или переслать в Московские тюрьмы.

В эти бурные дни, когда ломались устои старой жизни и создавались новые, происходили бесконечные столкновения между трудом и капиталом. Поэтому были организованы конфликтные комиссии, которые разбирали и решали все возникающие на этой почве недоразумения, а на всех фабриках и заводах были организованы заводские Комитеты.

События развивались очень быстро. Приезд В. И. Ленина в Петроград в апреле 1917 г. вызвал также дружную демонстрацию рабочих Подольских заводов. Затем начали готовиться к празднованию 1-го Мая. В первый раз явилась возможность легально праздновать первомайский праздник, поэтому это празднование в Подольске вылилось во что-то особенно большое, торжественное. За несколько дней писались плакаты и готовились знамена.

С самого утра 1-го Мая (18-го апреля по старому стилю) цеха и мастерские завода Зингер, вспоминает т. Сафронов, стали заполняться рабочими. К 11-ти часам начали выстраиваться колоннами на дворе завода у здания главной конторы с знаменами и плакатами. Примкнул завод Земгора, и общей массой двинулись к центру города. По дороге присоединялись другие группы рабочих, и скоро все это слилось в одну сплошную, непрерывную живую ленту, красневшую от множества знамен и плакатов. Демонстрация прошла по Александровской и Серпуховской улицам и направилась в Городской парк.

Конечным пунктом демонстрации был главный круг аллей парка, где демонстранты образовали тесное кольцо вокруг эстрады. Здесь были представлены все без исключения организации города и уезда. Кроме рабочих пришли ученические группы городских и ближайших сельских школ, а также масса крестьян из соседних деревень. Начались приветствия. Так как митинг был особенно многочислен, то участвующие в демонстрации организации обходили круг и для них повторяли приветствия. После приветствий началось выступление ораторов. Митинги открылись одновременно в нескольких местах, потому что, по многочисленности собравшихся, невозможно было слышать всем одного оратора. Центральное место парка, залитое сплошь народом, загудело, как морской прибой. Слышалось одобрение говорившим ораторам, гремели аплодисменты. Выступали т. т. Евстифеева, Масленников, Титов, Чижов. Под громкий смех говорил железнодорожник С. В. Чукаев о том, как метался царь по железным дорогам, думал удрать и застрял на ст. „Дно". Митинги продолжались несколько часов и только испортившаяся погода (пошел дождь со снегом) заставила свернуть знамена и разойтись.

ИМЕННОЙ СПИСОК

членов Исполнительного Комитета Подольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов первого созыва с 28/II по 15/V—1917 г.

№№ по/п.	Фамилия, имя, отчество.	Партийн. принадл.	С какого предпр.	Когда был избран.	Примечание.
1	Чижов Н. Г.....	Большевик.	с зав. Зингер	28/II—1917 г.	Пред. Исп. К-та.
2	Мурзов А. А.....	„	„ „	„	Член „ „
3	Зотов А. А.....	„	„ „	„	Секр. „ „
4	Масленников И. М.	Меньшевик.	„ „	„	Казн. „ „
5	Широков А. М....	Большевик.	„ „	„	Член „ „
6	Карпов И. Н.....	„	„ „	„	„ „ „
7	Бесчастнова Е. Н..	Беспарт.	„ „	„	„ „ „
8	Лукин А. И.....	Меньшевик.	с зав. Земгор	„	Зам. председ.
9	Эвальд Б. Я.....	Большевик.	„ „	„	Член. Исп. Ком.
10	Яковлев Г. П....	Меньшевик	„ „	„	„ „ „
11	Колман.....	Неопредел.	„ „	„	„ „ „
12	Титов М. С.....	Меньшев.	„ „	„	„ „ „
13	Шебанов В. В....	Большев.	„ „	„	„ „ „
14	Борисов П. П....	Анарх.-ком.	„ „	„	„ „ „
15	Квитко П. И.....	Меньшевик.	от солдат и збр. дополн.		после 28/II—17 г.
16	Висящев С. П....	Анарх.-ком.	„ „	„	„ „ „
17	Воронов.....	„ „	„ „	„	„ „ „
18	Догаев М. П.....	Меньшев.	с Цем. зав.	„	„ „ „
19	Ярославцев С. И..	Большев.	с з. Шамшин.	„	„ „ „
20	Микряев.....	„	с Клим. зав.	„	„ „ „
21	Евстифеева Е. А..	Меньшевик.	от Зем. бол.	„	„ „ „
22	Крашенников.....	Эсер.	от с. з. Зингер	„	„ „ „
23	Клоков А. П.....	„	„ „	„	„ „ „
24	Буров П. Д.....	Большев.	с з. Земгор.	„	„ „ „
25	Бунгш Я. К.....	„	„ „	„	„ „ „
26	Матрозов И. И...	„	от Райкома РСДРП.	„	„ „ „
27	Поляков Г. И.....	„	с з. Зингер.	„	„ „ „
28	Котлякова.....	беспарт.	с ф-ки Келлер	„	„ „ „
29	Морин.....	„	от солд. гарнизона.	„	„ „ „

Всего было 37 членов Исполнительного Комитета Совета. Председателем заседаний Совета Р. и С. Д. был т. Власов (ныне Молоткович) замест. его—тов. Варейкис.

ГЛАВА XII.

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ОКТЯБРЯ.

Работа партийной организации.

В начале февральской революции в Подольске не было никакой партии рабочего класса (кроме двух подпольных групп около 36 человек), и лишь через 6—7 дней образовалась организация РСДРП. Вначале она была невелика, но по мере развития революционных событий организация стала быстро расти.

Первое открытое собрание парторганизации в новом составе состоялось 3-го марта в помещении б. Земской больницы. На этом собрании была намечена тактика по отношению стихийно—строющемуся Совету Раб. и Солд. Депутатов и определена дальнейшая организационная работа. Хотя ячейка в новом составе собиралась впервый раз, всетаки уже тогда сразу определилось, что в ячейке существуют два течения: большевики и меньшевики. Последние оказались в меньшинстве.

Сидят слева на право: Трифонов. Терехов, Леонов, Симонов, Карпов; стоят: Андреев, Силаев, Кулаков.

На первых порах работа партийной организации проходила дружно, на собраниях не замечалось особенно резких разногласий, но в дальнейшей работе эти разногласия все более и более углублялись.

Особенно сильно обнаружились разногласия во время организации местных профессиональных союзов в начале апреля 1917 г. Здесь меньшевики выступали со своей платформой „независимых профсоюзов", но провалились вдребезги. Все профсоюзы в Подольске были организованы на платформе большевиков и все выборы прошли под их влиянием. В Прав-

ления профсоюзов прошли намеченные товарищи, в большинстве сочувствующие большевикам.

После организации профсоюзов перед большевиками стояла неотложная задача перевыборов Совета Раб. и Сол. Депутатов в виду того, что в организовавшийся в первые дни революции Совет успели пройти меньшевики, эсеры и даже местные кадеты.

В составе первого Исполкома, который образовался в первый день февральской революции, были следующие товарищи: Н. Г. Чижов, Эвальд, Варейкис, Лукин, Зотов и др.

Перевыборы в Совет состоялись в начале мая. По всем заводам и фабрикам проходили выставленные впервые списки большевиков. Всего было избрано 62 депутата (вместо прежних 250 депутатов) в большинстве большевики и им сочувствующие.

Матрозов И. И.

Новый Исполнительный Комитет, избранный на с'езде 15 мая, состоял преимущественно из большевиков (15 большевиков и 2 меньшевика). Членами Исполнительного Комитета Подольского уездного Совета Раб. и Солд. Депутатов второго состава (с 15 мая 1917 г. по март 1918 г.) были следующие товарищи: Чижов, Матрозов, Буров П. Д., Вальдман Р. И., Зотов А. А., Базина С. И., Дагаев М. П., Поляков Г. И., Шебанов В. В., Эвальд Б. Я., Карпов И. Н., Мурзов А. А., Мужилкин Г. П., Бунгш Я. К., Лисин С. К., Лукин А. И., Широков А. М., Кутьев П. М., Горячев М. О.

Президиум был избран в составе 5 человек: Н. Г. Чижов—председатель, избранный под гром аплодисментов всех присутствовавших, И. И. Матрозов—1-й товарищ председателя, И. Д. Буров—2-й тов. председателя. Вальдман 1-й секретарь, А. А. Зотов—2-й секретарь.

Лозунг „Вся власть Советам" был провозглашен партией большевиков вскоре после февральской революции, около него развивалась дальнейшая борьба, против него вооружались вся буржуазия и мелко-буржуазные партии (меньшевики и эсеры).

Но этот боевой лозунг скоро стал понятен каждому рабочему, крестьянину, солдату, своими собственными силами освободившимся от ига царизма.

„В борьбе с рабочими и крестьянами за существование Советов Раб., Кр. и Сол. Депутатов дрожали помещики, купцы и фабриканты. Стоило рабочим произнести „Вся власть Советам", как следовали аресты и тюрьмы. Вся сила в то время была еще в руках буржуазии и блока меньшевиков с эсерами,

поэтому трудящиеся с каждым днем все более убеждались, что грубой силе буржуазии надо противопоставить свою силу. Для обмана рабочих буржуазия хотела подсунуть им учредилку, чтобы этим отвлечь внимание и интересы рабочего класса от Советов. Среди Подольских рабочих это не удавалось в виду того, что среди широких масс партия большевиков и профессиональные союзы сумели разбить иллюзию учредилки" *).

Местная буржуазия ставила разные препятствия на пути к завоеванию власти Советов. Вела, например, горячую агитацию против отчислений в пользу Советов, так как местный Исполком существовал исключительно на собственные средства, которые получались от самообложения рабочих в виде $^1/_2\%$—2%-ных отчислений от общего заработка и добровольных пожертвований. Не давали помещения для Совета Раб. и Сол. Депутатов, а также для Бюро Партии. Поэтому Совету приходилось постоянно перекочевывать из одного помещения в другое: из столовой на заводе Зингера Совет перебрался сначала в Реальное училище, затем в женскую гимназию, потом в имение Бахрушина в $1^1/_2$ верстах от города и, наконец, в дом Бордачева.

После демонстрации под лозунгом: „Долой министров—капиталистов" расхождения в соц.-демократической организации усилились и затем привели к полному расколу. Окончательное разделение произошло на собрании в Реальном училище: все меньшевики демонстративно покинули зал собрания. Образовались две самостоятельные организации. Большинство принадлежало соц.-дем. большевикам, к которым присоединилась впоследствии и латышская секция с.-д. большевиков. К этому времени Подольская парторганизация большевиков имела более 200 членов.

Организации соц.-дем. (большевиков) в июльские дни 1917 г. пришлось провести громадную работу и притом в очень тяжелых условиях.

После июльской демонстрации в Петрограде настроение рабочей массы резко изменилось.

В Подольске в этот день на заводе Зингера также был большой митинг. Была суббота. Рабочие Зингера и Земгора только что кончили работать. У ворот завода Зингера начался митинг. Выступил т. Чижов, который пользовался всегда большой любовью рабочих. Но как только он начал говорить, со всех сторон раздались крики: „долой, вы большевики—предатели". И даже некоторые набросились на него с кулаками и хотели избить. Едва удалось успокоить разбушевавшиеся страсти. Чижов остался невредим.

Несмотря на это, партия продолжала энергично работать и проводила горячую агитацию по поводу выборов в городское самоуправление, которые должны были происходить в конце июля

Список кандидатов в гласные Подольской Городской Думы, за долго до выборов был выставлен и сдан в избирательную

*) Из воспоминаний т. Бунгша „Путь к Октябрю" вып. II, стр. 283.

комиссию. Подольским Районным Комитетом РСДРП под номером 1 была выпущена об'единенная декларация, так как в списке за № 1 было 18 большевиков и 6 меньшевиков. Райком за этот список вел усиленную агитацию и призывал всех трудящихся голосовать только за список № 1. Но в процессе подготовки выборов меньшевики из-за лозунгов и тактики их поведения разошлись с большевиками, а после июльских событий 1917 г. они сняли своих кандидатов из списка за № 1, выставили свой список в 16 кандидатур (меньшевиков и об'единенцев) под № 4 и выпустили свою декларацию, в которой осуждали лозунги и тактику партии большевиков, причем Подольских большевиков называли анархистами за лозунг „Вся власть советам".

Собрания были очень бурные. Выступления большевиков срывались, ораторам мешали говорить. Но тем не менее от партии большевиков в городское самоуправление прошли 6 чел.: т.т. Левинсон, Чижов, Матрозов, Мужилкин, Борисов, Висящев; от меньшевиков 2 и от эс-эров—13 человек. От города—большинство гласных было из числа сочувствующих меньшевикам и эсерам. Работа Подольского Совета нового состава и его Исполнительного Комитета проходила в беспрерывных конфликтах с органом Временного Правительства, Уездным Комитетом общественных организаций. Эти конфликты усиливались день ото дня саботажем со стороны Городской Думы, где преобладали эсеры.

Но вот неожиданно грянул гром. На Петроград наступал генерал Корнилов. Это сразу на время опять об'единило в Подольске все партии. Тогда-же была выделена чрезвычайная „семерка", в которую входили представители всех партий. Но после победы над Корниловым расхождения большевиков с соглашателями опять на столько усилились, что эта временная организация распалась.

С этого момента симпатии даже мало сознательных масс начали переходить определенно на сторону большевиков. Получилась обратная картина. Меньшевики уже не пользовались никакими успехами. Когда они выступали на собраниях, то все кричали: „долой с трибуны", а большевиков слушали очень внимательно. Соц.-дем. организация большевиков, пользуясь своим влиянием, повела тогда кампанию за организацию Красной Гвардии из рабочих.

На конференции профсоюзов т. Лукин (бывший тогда меньшевиком) сделал также на эту тему удачный доклад. Тов. Матрозов, выслушав, сказал: „тов. Лукин, против себя вооружаешь". „Пусть",—ответил Лукин,—„история нас рассудит".

И история рассудила, указала, где правда, и кто лучше понимал и защищал интересы рабочего класса. Чем дальше шло время, тем ближе подходила рабочая масса к партии большевиков. Когда Подольские фабриканты и заводчики стали проводить скрытые локауты, стали под тем или иным пред-

логом (отсутствие сырья, топлива, заказов и т. п.) закрывать свои фабрики и заводы, меньшевики как будто верили им и вели двойственную политику. Парторганизация большевиков везде и всюду с беспощадной смелостью разоблачала перед рабочими массами всю меньшевистскую неустойчивость. Рабочие массы это отлично понимали и гнали меньшевиков и эсеров со своих собраний.

С этого времени наблюдается сильный приток новых членов партии.

Во время выборов в уездное Земство (сентябрь 1917 г.) Подольская организация большевиков развернула большую агитационную кампанию среди крестьянства. Везде и на всех избирательных пунктах выставляла списки своих кандидатов и в результате голосования большевики получили 15 мест в уездном Земстве из 42, в городе из 4—3 места и по волостям из 38—12 мест.

Организация с.-д. (большевиков) принимала все меры, чтобы привлечь рабочие массы. С этой целью устраивались собрания с участием сочувствующих, на которых читались рефераты Московскими и местными товарищами.

Партийные собрания созывались от одного до трех раз в неделю и за все время легальной жизни с февраля по июль 17-го года было около 26 собраний.

Организация посылала своих делегатов на следующие конференции: Окружную, Областную, Всероссийскую конференцию РСДРП и конференцию Соц. Дем. Прибалтийского Края.

В деле реорганизации Подольского С. Р. и С. Д. местная организация принимала живейшее участие и результатом было то, что партийный список кандидатов прошел в Совет Р. и С. Д. почти целиком.

На поприще организации внутренней партийной жизни работал вновь избранный Районный Комитет. Он собирался еженедельно по четвергам в 6 час. вечера, им же было открыто Партийное Бюро с дежурством одного члена Комитета ежедневно от 5 до 8 час. вечера. В эти же часы в Бюро производилась запись членов.

При Бюро открылась библиотека-читальня; выписывались газеты, журналы. Районный Комитет через свое Бюро снабжал газетами и литературой рабочие организации на заводах и в уезде.

Подольский Районный Комитет и Бюро в это время помещались в имении Бахрушина.

Для ознакомления с работой Районного Ком. Подольской организации большевиков приведем протокол одного из заседаний, из которого видно, какие вопросы обсуждались и решались на этих собраниях.

ПРОТОКОЛ

собрания членов РСДРП Подольского района.

Собрание открывается при присутствии 76 членов партии в 11 часов дня 1 июля 1917 г.

Председательствует т. Матрозов.
Секретарь т. Калнин.

Порядок дня:

По предложению т. Матрозова принимается следующий порядок дня, состоящий из 10 пунктов:

1) Принятие в партию новых членов.
2) Выставление кандидатов от партии для выборов представителей в Подольский Совет Р. и С. Д. на место выбывших из заводов К-о Зингер и Земгор.
3) Выборы делегата на Окружную конференцию.
4) Выборы представителя в Окружный Комитет.
5) Всероссийский с'езд и выборы делегата.
6) Финансовый вопрос.
7) Выборы комиссии по делу т. т. Матрозова и Колмана.
8) Реорганизация распространения партийной литературы.
9) О наступлении.
10) О школе пропагандистов.

Принятие новых членов.

По выставленному списку кандидатов без возражений в члены партии принимается 38 членов.

Выставление кандидатов от партии для выборов представителей в Подольский Совет Р. и С. Д.

После краткого введения т. Эвальда и изложения причин ухода отказавшихся членов Совета называются кандидаты из солдат и рабочих завода Земгор: т. т. Карпенко, Гузик, Исаенко и Шишкин; при голосовании получают: Гузик 50, Карпенко 40, Исаенко 15 и Шишкин 13 голосов за, при остальных воздержавшихся.

Выборы делегатов в Московскую Окружную конференцию.

Тов. Эвальд делает краткий доклад, в общих чертах ознакомивши собрание с порядком дня предстоящей Московской Окружной конференции.

После доклада собрание переходит к выборам. При голосовании делегатами в Московскую Окружную конференцию абсолютным большинством голосов проходят т. т. Гузик и Эвальд.

Выборы представителей в Окружной Комитет.

Кандидатами намечаются т. т. Эвальд, Чижов, Буров. При голосовании получают: Чижов 27, Эвальд 23 и Буров--5 голосов за, при остальных воздержавшихся.

Представителем в Окружной Комитет избран т. Чижов, собрание переходит к следующему вопросу.

Финансовый вопрос.

а) Предложение увеличить взнос в Окружной Комитет до 35%.

б) Организация партийного банка.

Тов. Матрозов, указывая, что Окружной Комитет, ссылаясь на крайне затруднительное положение в денежных средствах, предложил увеличить взнос с 25% на 35%. При прениях тов. Бунгш говорит, что нужно считаться с местными требованиями, в кассе Районного Комитета денег мало, с наступлением зимы предвидятся такие расходы, что Районный Комитет с ними едва ли справится и, следовательно, он против увеличения процентного отчисления для Окружного Комитета. Тов. Матрозов говорит, что важнее поддержать материально Окружной Комитет, как центральный нерв организаций, и предложил увеличить взнос до 35%.

Поступает вопрос т. Авенека, в какой сумме выражается доход Районной Кассы, на вопрос отвечает казначей, заявляя, что в данный момент членские взносы в кассе выражаются приблизительно в сумме 500 руб

После поступления предложения закрыть прения и голосовать принимается большинством голосов против 3-х постановление увеличить взнос в Окружный Комитет до 35%.

Переходя к вопросу о партийном банке, тов. Матрозов делает сообщение об организации социалистического партийного банка, который обслуживал бы партийные потребности и был бы материальной опорой в классовой борьбе. Тов. Варейкис высказывается, что принципиально вряд ли кто найдется, кто будет противиться этой идее, но вопрос стоит только за технической сложностью организации банка, он высказывает мнение, что взносы в такой банк не должны быть оплачены процентами. Тов. Бунгш поддерживает взгляды, высказанные т. Варейкисом, но только не находит тактичным, что бы взносы были безпроцентные, это может охладить интерес в массе к подобному предприятию. Тов. Блумберг думает, что идея организации партийного банка является в корне всех заветов социализма, который борется против капитализма и всех его видов. Тов. Вальдман высказывается, что нужно первым долгом считаться

с текущим моментом и ради распространения социалистических идей необходимы и материальные средства, если бы мы и не организовали свой такой банк, то все равно нам пришлось бы связываться с банками капиталистов. Тов. Шебанов указывает, что для практического шага введения в жизнь идеи организации банка нужно организовать особую комиссию, которая после разработки плана с докладом ознакомит членов. Т. т. Кох и Блумберг высказываются против идеи организации такого банка, но ничего нового не вносят. Тов. Висящев говорит, что мы живем в кооперативном веке, и если в классовой борьбе кроме идейных нужны и материальные средства, то, безусловно, организация такого банка необходима. Тов. Варейкис не может согласиться с мыслью, что если существует банк, то таковой должен всегда спекулировать на наживу; он высказывается, что может и существовать с целью облегчения партийных организаций и всех материальных потребностей борьбы с капитализмом. Банк нужен, но только под условием безпроцентных вкладов. Тов. Бунгш говорит, что если мы еще живем в капиталистическом строе общества, то нужно и реагировать на данные обстоятельства и потребности момента. Бунгш настойчиво проводит мысль, чтобы вклады были оплачены соответствующими процентами и кредит тоже был отпущен на известных процентах.

После закрытия прений т. Матрозов в заключительном слове высказывается, что вопрос об организации такого банка уже поднят в Окружном Комитете.

Поступают 4 предложения и собрание переходит к голосованию в отдельности.

За своевременность создания партийного банка голосуют все при 10 воздержавшихся и 1 против.

Принципиально решая вопрос о процентах, голосуют все за, 10 воздерживается, 1 против.

За назначение процентов по вкладам. За предложение голосуют все, 10 воздерживается, 1 против.

За назначение процентов по отпускным кредитам. За предложение все, кроме 10 воздержавшихся и 1 против.

Реорганизация распространения партийной литературы.

Тов. Висящев вносит предложение, чтобы эту задачу возложили на агитационную комиссию. Тов. Эвальд противится мысли обременения агитационной комиссии и вносит предложение выбрать специальную комиссию, на обязанности которой было бы распространение партийной литературы. Тов. Варейкис высказывается, что распространение литературы—это долг каждого члена партии, но между тем предлагает, чтобы приобретением и распространением литературы заведывал Районный Комитет. Тов. Вальдман вносит конкретное предложение выбрать комиссию, которая работала бы под контролем и наказом Районного Комитета.

Предложение организовать комиссию по распространению партийной литературы, которая техническую сторону разработала бы совместно с Районным Комитетом как по покупке, так и по распределению литературы, голосованием принимается единогласно.

Решая количественный состав комиссий, большинством голосов принимается составить комиссию из 7 человек.

В члены литературной комиссии избираются: Осипов, Степанов, Гузик, Калнин, Древин, Полешко, Гайвал и Янсон.

Вопрос о литературе считается исчерпанным, и собрание переходит к дальнейшему вопросу.

О политике наступления.

Тов. Варейкис, говоря о политике наступления, рисует факт совершившейся роковой развязки и находит, что единственным выходом из данного положения есть полный переход власти от явно контр-революционного Временного Правительства к Всероссийскому Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Тов. Широков, критикуя тактику действий Вр. Пр. и министров-„социалистов“, в частности военного министра Керенского, как инициатора и руководителя кровавой политики, говорит, что наступление для буржуазии является самым верным способом ликвидации дела революции и для более уверенного способа достижения намеченной цели применяются „демократы“ разных течений и все министры „социалисты“. Тов. Полешко в своем слове присоединяется к двум предыдущим ораторам и вносит предложение организовать агитационную коллегию, которая, выступая на митингах, обрисовывая положение вещей, могла бы массе дать правильный отчет о данном положении. Тов. Бунгш того мнения, что буржуазия всеми силами, всеми способами старается предупредить международную революцию и как более радикальное средство для достижения своих целей она и избрала политику наступления. Тов. Широков присоединяется к мысли, что в этой политике не так важны стратегические соображения, как разбить революцию в целом.

Поступает предложение по отношению к политике наступления принять резолюцию Окружного Комитета Тов. Варейкис вносит следующую поправку 3 пункта резолюции: немедленный переход государственной власти к Советам Раб., Солд. и Крест Депутатов. Поправка принимается всеми голосами против одного.

Резолюция с поправкой принимается всеми единогласно.

Вопрос об организации школы пропагандистов.

Тов. Эвальд докладывает, что Московский Окружной Комитет имеет в виду создать школу пропагандистов в Москве, но предварительно он желает собрать мнения с мест.

Открываются по вопросу прения, в которых принимают участие т. т. Полешко, Варейкис, Эвальд, Блумберг, Бунгш.

Поступает предложение т. Эвальда устроить периодические вечерние курсы пропагандистов в Москве, как это было раньше.

Предложение т. Эвальда голосованием большинством голосов принимается.

Порядок дня считается исчерпанным и собрание закрывается в 5 часов дня.

(„Известия Подольского Совета" от 17/30—VII—1917 г.).

Работа Подольского Совета.

Подольский Совет, как и все Советы, возникнув в первые дни революции, занял тотчас же руководящую роль в жизни уезда. Созданный на развалинах самодержавного строя, созданный наскоро революционным народом, он чувствовал и сознавал, что одного под'ема мало, что нужны сильные организации, которые дали бы ему фундамент и опору. Первым крупным строительством Советов были *заводские комитеты*, возникшие уже в середине марта на Подольских заводах. Заводские комитеты были непосредственной связью с широкими кругами рабочих и явились верными проводниками взглядов Совета, дружными сотрудниками в его работе. За первые шесть месяцев своей работы представители заводских комитетов Подольского уезда имели возможность два раза с'езжаться для обмена мнений и выработки общих положений и установления однообразия в работе. С конца августа началась подготовка к Губернскому с'езду заводских комитетов. Вторым большим делом Совета было—*создание профессиональных союзов*. К августу месяцу в Подольске, не считая мелких союзов, имелись уже три крупных союза: союз металлистов—6½ тыс.; союз текстильщиков—6.000; союз горнорабочих—600 чел. В августе все союзы Подольского уезда были об'единены в Центральное Бюро. Очень важно, что эта организация возникла в то самое время, когда на рабочее движение был сделан особенно сильный нажим, и когда особенно резко чувствовалась необходимость об'единения всех профессиональных организаций г. Подольска и уезда, когда нужно было общее руководство этими организациями. Союзы и Центральное Бюро работали в тесном контакте с Советом. Эта гармония была достигнута благодаря тому, что Совет всегда бросался в самую гущу рабочей жизни, всегда старался быть первым в радостях и печалях товарищей, всегда старался первым принять на себя удар врагов рабочих организаций. По первому требованию местных организаций представители Совета являлись на фабрики и уходили оттуда, когда в них больше не было надобности. Конфликтов в то время было много, но о них мало слышали верхи и центры Московские: все улаживалось на месте своими силами. Так, например, при

проведении в жизнь расценок в июне 1917 г. на металлических заводах и на текстильных фабриках пришлось натолкнуться на огромное организованное сопротивление со стороны владельцев заводов и фабрик. Они все кричали об убытках и грозили закрыть заводы и фабрики. В ответ на это был выдвинут лозунг „организация рабочего контроля", и началась подготовка к всеобщей стачке. Рабочие начали отчислять свой 3-х дневный заработок и вносить его в стачечный фонд. Эта организованная сплоченность рабочих сломила фабрикантов и заводчиков: повышение зарплаты было проведено в жизнь.

При проведении повышенной расценки директор завода Зингер Диксон дошел до такой наглости, что подкупил одного человека, который ночью спустил из баков 7.000 пуд. нефти в реку Пахру и этим остановил на заводе работу 4.000 чел. За это Диксон был посажен в тюрьму. Немедленно завком, профсоюз металлистов и Исполнительный Комитет приняли экстренные меры по доставке топлива на завод, который простоял всего 4—5 дней.

Не оставил Совет без внимания и культурно-просветительной работы: она выразилась в издании еженедельного органа („Известия СР и СД"), выпуске листков, устройстве лекций, спектаклей, докладов по фабрикам по различным вопросам и проч. В особенности активно в этом отношении Совет проявил себя в первые дни. Были выпущены листки: к солдатам и офицерству, крестьянам, рабочим, о 8-ми часовом рабочем дне, 1 мае, о создании революционного фонда, о милиции и три бюллютеня—отчета.

Вся работа Исполкома для большей продуктивности была распределена по комиссиям и главные из них были: конфликтная—т. т. Широков А. М., Карпов И. Н. и Поляков Г. И., Следственная—т. т. Вальдман, Матрозов и Потапов Г. М. По разбору архива Подольской полиции—т. т. Мурзов, Буров и Лисин.

Культурно-просветительная — т. т. Шебанов, Базина и Карпов. Редакционно-издательская—т. т. Чижов, Матрозов, Вальдман и Лукин. Редактором газеты „Известия Подольского Совета Р. и С. Деп." был т. Гузик Х. М.

В комиссии по перевыборам городского самоуправления работали—т. т. Дагаев, Тихомиров, Горон и Леонов и дополнительно были командированы—т. т. Зотов, Осипов и Ехтифеева. Для работы в уездном земском собрании—т. Кутьев П. М., в продовольственном совещании—т. т. Матрозов, Юрков и Петров. Казначеем Исполкома был т. Лукин. Ревизионная комиссия—т. т. Ширяев, Кузнецов и Кутьев, потом Сергеев и Потапов.

Вместе с этим при Исполкоме было целый ряд и других разных комиссий, в которых работали выделенные товарищи в качестве представителей от Исполкома.

ИМЕННОЙ СПИСОК

депутатов Подольского Уездного Совета Р. и С. Депутатов второго состава с 15 мая 1917 г. по март 1918 г.

1. Чижов Н. Г. от раб. з-да Зингер.
2. Мурзов А. А. „ „ „
3. Карпов И. Н. „ „ „
4. Тихомиров П. О. „ „ „
5. Базина С. И. „ „ „
6. Поляков Г. И. „ „ „
7. Зотов А. А. „ „ „
8. Титов П. П. „ „ „
9. Соловьева В. М. „ „ „
10. Висящев С. П. „ „ Земгор.
11. Матрозов И. И. „ „ „
12. Леонов И. Е. „ „ „
13. Бунгш Я. К. „ „ „
14. Шебанов В. В. „ „ „
15. Вальдман Р. Я. „ „ „
16. Эвальд Б. Я. „ „ „
17. Кузнецов И. Д. „ ф-ки Медвед.
18. Лисин С. К. „ „ „
19. Кутейкин В. Ф. „ „ „
20. Широков А. М. „ „ Шлихтерман.
21. Маркин „ „ „
22. Табаков „ „ „
23. Степанов „ „ „
24. Кузнецов А. И. „ солд. снар. з-да
25. Буров П. Д. „ „ „ „
26. Квитко С. С. „ „ „ „
27. Юдаков Е. С. „ ф-ки Менценгер
28. Краснова И. И. „ „ „
29. Потапов Г. М. „ „ Трегубова.
30. Рябов А. Е. „ „ „
31. Ермошин „ з-да Келлер.
32. Шувалов В. Г. „ „ „
33. Клепов Г. М. от раб. Климов. з-да
34. Кутьев П. М. „ „ „ „
35. Ширяев В. П. „ „ з-да Шамшина
36. Ромашин А. П. „ „ „ „
37. Емельянов А. „ „ „ Холостова.
38. Воровский от служ. Мещерск. леч.
39. Кудрин „ „ „ „
40. Самбуров А. Я. от служ. Троиц. лечебн.
41. Андреев от служ. Троиц. лечебн.
42. Юдаков „ раб. зав. Шапошн.-Гели
43. Лукин А. И. от раб. з-да Износк.
44. Дагаев М. П. „ „ „ Цемент.
45. Петров И. П. „ „ „ „
46. Царьков „ „ ф-ки Данилов.
47. Мужилкин Г. П. от РК РСДРП(б)
48. Горон „ „ „
49. Юрков от раб. ф-ки Оппель.
50. Горячев М. О. „ Троицкой.
51. Рудаков Е. В. „ „
52. Борисов П. П. от союза Метал.
53. Иванов от раб. з-да Белоусова.
54. Силаев пред. от ж. д. рабочих.
55. Антошин „ „ „
56. Веденьков А. П. от раб. ф-ки Баскакова.
57. Авилов И. С. от раб. ф-ки Баскак.
58. Кучин В. И. от союза текстилей.
59. Сергеев от солд. Под. Гарнизона.
60. Роговой „ „ „ „
61. Новиков от служ. зем. больн.
62. Дарцев от раб. з-да Бабаева.

Итого... 62 депутата.

Кроме этого были дополнительные выборы депутатов в Совет на место выбывших. Так были избраны Ушков А., Жаров И. С. и Осипов И. В. от рабочих Зингер, т. т. Гузик и Карпенко от солдат снарядного завода Земгор.

I-ый С'езд фабрично-заводских Комитетов Подольского уезда.

Чтобы более сплотить рабочую массу, Исполн. Комитет Раб. и Сол. Депутатов решил созвать с'езд представителей фабричных и заводских комитетов Подольского уезда 15-го июня 1917 г.

Для этой цели было разослано следующее воззвание:

„Дорогие Товарищи.

Исполнительный Комитет Совета рабочих и солдатских депутатов постановил созвать на 15-е июня в 9 час. утра в гор. Подольске с'езд представителей фабрично-зав. комитетов. Для вас, товарищи, ясно, что вся Россия переживает тяжелое состояние. Как совершенно правильно отметил Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, царское правительство и капитализм, вовлекшие Россию в ужасную войну, заботились только о своих барышах, а не о том, чтобы организовать в стране работу на фабриках и заводах, железных дорогах, пароходах и других предприятиях и промыслах. В результате такой их преступной деятельности Россия—накануне тяжелого хозяйственного кризиса. Работа фабрик и заводов может остановиться, от этого пострадаем мы и вся Россия.

Спасти страну от разрухи и гибели можно только одним трудящимся. Надо устранить от производства тех, кто разрушил его, и передать в руки созидателей. Так как заводские комитеты в этом деле сыграют огромную и первенствующую роль, так как время не терпит, мы призываем вас, товарищи, к дружной и энергичной работе.

Предполагаемый порядок дня следующий:

1. Доклад Совета Р. и С. Д. и взаимоотношение Совета с комитетом старост.

Докладчик тов. И. Матрозов.

2. Доклады с мест.

3. Задачи фабрично-заводских комитетов.

Докладчики тов. Эвальд и тов. Кутьев.

4. Контроль и регулирование производства и хода работы в предприятиях.

Докладчик т. Левинсон.

5. Доклад о деятельности профессиональных союзов и о роли заводских комитетов в проф. движении.

Докл. т. Матрозов—общая часть.

Докл. т. Борисов—о союзе металлистов.

Докл. т. Попов—о союзе текстильщиков.
6. Квартирный вопрос.
Докл. т. Эвальд и т. Левинсон.
7. Штрафной капитал, примирительные камеры, биржа труда и др. вопросы.
8. Продовольственный вопрос.
Докл. т. Дагаев.
9. Текущие дела.
Норма представительства:
Зав. комитеты, представляющие рабочих:
до 300 посылают 1 представителя,
свыше 300—до 1.000 посылают 2 представителей,
„ 1.000—до 2.000 „ 3 „
„ 2.000— „ 4 „

Делегатам будут приготовлены стол и помещение и оплачена поездка. Плата за потерю заработка должна быть возложена на владельцев предприятий.

Товарищей просим аккуратно прибыть к означенному времени.

С'езд состоится в помещении Сов. Раб. и Сол. Деп. в им. Бахрушина при селе Ивановском.

С товарищеским приветом

Исполнительный Комитет Подольского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов".

(„Известия Подольского Совета Раб. и Сол. Депутатов" № 1 от II/24 июня 1917 г.).

15-го июня 1917 г. открылся первый с'езд Заводских Комитетов. С'ехались представители всех имеющихся в уезде фабрик и заводов, об'единяющих в данное время почти 20.000 рабочих. Чувствовалось, что собравшиеся понимали всю важность открывающегося с'езда и пришли с твердым намерением вынести с этого с'езда как можно больше разработанного материала, чтобы у себя на местах суметь вполне самостоятельно разобраться в выдвигаемых жизнью вопросах и поставить на твердую почву как организацию масс, так и внутреннюю работу завода.

Председателем С'езда выбран был тов. Чижов; товарищами председателя—Гольвек и Веденков, секретарем—Р. Вальдман.

Весьма внимательно выслушивались все доклады, очень осторожно принимались резолюции, и можно с уверенностью сказать, что каждый доклад, каждая резолюция не только принята, но продумана и разобрана.

Первым на этом с'езде выступил т. Матрозов с докладом о взаимоотношениях Советов и Комитета заводских и фабричных старост. По этому докладу принята была следующая резолюция:

Резолюция о взаимных отношениях Советов с фабрично-заводскими Комитетами.

Обсудив вопрос о взаимоотношениях Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Заводских Комитетов, I-й Районный С'езд Заводских Комитетов Подольского уезда находит:

1. Что Совет Раб. и Сол. Депутатов, созданный революцией, принял на себя руководство в целом всей революционной борьбой Подольского пролетариата и солдат.

2. Для более планомерного проведения этой борьбы на местах (фабриках и заводах) должны быть однородные организации, созданные самими массами, пользующиеся среди них большим авторитетом.

3. Что такими организациями в данное время являются заводские комитеты, которые должны не только регулировать внутреннюю, материальную сторону жизни завода, но руководить и политической борьбой данного завода и быть связывающим звеном между массами и классовыми рабочим организациями.

В силу этого С'езд полагает, что Заводские Комитеты должны оказывать самую энергичную и деятельную поддержку Совету и регулярно и планомерно проводить в жизнь постановления Совета, как органа рабочего класса в целом.

Резолюция о задачах Заводских Комитетов.

По второму докладу выступают тов. Кутьев и Эвальд—о задачах Заводских Комитетов. Зав. Комитеты, как ближайшее организационное ядро рабочей массы, есть основа и фундамент всех рабочих организаций. Сфера деятельности Зав. Комитета огромна. Он обнимает собой всю внутреннюю жизнь заводского предприятия.

Влиятельным и трудоспособным может быть только Комитет, правильно сконструированный и опирающийся на инструкцию, подробно разработанную, сообразно с условиями жизни предприятия. Общая инструкция должна быть выработана с'ездом Зав. Ком. Желательны регулярные с'езды Зав. Комитетов. По этому докладу принимается следующая резолюция.

Заводские Комитеты рабочих и служащих промышленных предприятий и общественных организаций или современные Советы старост являются боевыми организациями на местах, составленными из всех работающих в предприятии. Они должны быть проводниками в жизнь всех тех мероприятий, какие будут способствовать успешному развитию нашей революции и защите всех трудящихся данного предприятия в самом широком смысле слова.

Такие комитеты трудящихся должны быть созданы по всей России в каждом предприятии.

1. В основу организации Заводских Комитетов должен быть положен принцип коллегиальности управления и широкого демократизма. Коллегиальность управления выражается

в том, что всей внутренней жизнью предприятия руководят и управляют коллегии из представителей, выбираемых всеми трудящимися.

2. Рабочие комитеты должны сорганизовать вокруг себя всех работающих в предприятии и стремиться к созданию кадра дисциплинированных и сознательных рабочих. При этом необходимо самым энергичным образом бороться против дезорганизующих рабочее движение вообще и Заводские Комитеты в частности частичных выступлений малосознательных групп рабочих, на почве каких бы то ни было требований.

3. Заводские Комитеты должны принять самое активное непосредственное участие в переводе и переорганизации всей нашей промышленности с военного времени на мирное, т. е. в работе по демобилизации промышленности.

Заводские Комитеты должны стремиться повысить как техническое усовершенствование способа производства, так и производительность труда отдельного рабочего.

Резолюция о Профессиональных Союзах.

О деятельности Профессиональных Союзов и роли Зав. Комит. в профессиональном движении докладывает т. Матрозов.

Заводские Комитеты должны стремиться к тому, чтобы все рабочие состояли членами проф. союзов, чтобы дать возможность последним скорее окрепнуть, и чтобы они являлись могучей силой во время забастовок и при распределении безработных. Принимается следующая резолюция.

Обсудив вопрос о профессиональном строительстве, 1-й С'езд Заводских Комитетов Подольского уезда постановил:

1. Что в данное время больше, чем когда либо, нужны сильные профессиональные союзы.

2. Что все рабочие и служащие, как один, должны быть членами профессиональных союзов.

3. Что Заводские Комитеты больше всех заинтересованы в планомерной экономической борьбе и в об'единенном центре, каковыми являются союзы.

В силу всего изложенного Заводские Комитеты должны самым энергичным образом содействовать вступлению товарищей в союзы и помогать во всех их начинаниях, оказывая во всем свою поддержку и содействие.

Что касается экономического движения, направленного к повышению заработка, с'езд постановил призвать:

1. Воздержаться в настоящее время от разрозненного пред'явления требований, не допуская ни в каком случае цеховых выступлений, а допускать только заводские выступления, тесно связанные с подготовкой общего тарифа.

2. Самое пред'явление требований необходимо делать исключительно через Зав. Ком., доводя о возникающем конфликте до сведения союза или заводских союзных делегатов, которые должны об этом немедленно поставить в известность

Правление Союза. Только в самых крайних, не терпящих отлагательства случаях требования о чисто внутренних распорядках в предприятиях могут пред'являть непосредственно Заводские Комитеты.

Резолюция об отношении к Временному Правительству.

Тов. Чижов, который к открытию С'езда приехал из Петрограда с Всероссийского С'езда Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов, вне очереди поделился своими впечатлениями, полученными на названном С'езде. В связи с докладом т. Чижова была принята следующая резолюция.

„Первое. Временное Правительство, созданное революцией, образовавшееся из представителей помещиков и капиталистов, очень быстро обнаружило полную неспособность удовлетворить интересы масс населения, спасти страну от разрухи, направить дело к заключению демократического мира.

Второе. Коалиционное министерство заслонило контр-революционную буржуазию от народа „социалистическими" министрами, которые оказались самым удобным для эксплоатирующих классов оружием, чтобы оттянуть разрешение всех коренных вопросов внутренней и внешней политики, поскольку решительная революционная постановка этих вопросов должна была бы затронуть на деле интересы русского и союзного империалистического капитала. „Социалистические" министры, прикрывшись ни к чему не обязывающими обещаниями, преследовали ту же самую империалистическую буржуазную политику. Пользуясь этим прикрытием, буржуазия явно перешла к борьбе с революцией и открыто от имени контр-революционеров провозгласила лозунг „немедленного наступления". Такое наступление означало бы не только переход к активной империалистической политике, но и решительный поворот к контр-революции во всей внутренней политике.

Окончательно обрисовался таким образом критический переломный момент революции. Растущая разруха, вызванная анархическим хозяйничаньем капиталистов, продолжающих наживать неслыханные на поставках прибыли, национальная политика коалиционного правительства, доведшая без всяких к тому оснований до конфликтов с угнетавшимися царизмом нациями внутри России (Финляндия и Украина), политика, создавшая конфликты с местными учреждениями из антидемократической претензии назначать или утверждать местные власти,—политика, выразившаяся в ряде угроз интернационалистическим элементам армии,—все это ускорило и обострило настоящий кризис всей русской революции.

Констатируя таким образом полный крах политики соглашения с капиталистами, с'езд признает единственным выходом переход всей власти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов".

Для добывания материала по составлению и выработке инструкции для Зав. Комитетов и для всестороннего освещения рабочей жизни на местах были розданы Исполнительным Комитетом делегатам с'езда анкетные листы.

По окончании с'езда все делегаты остались очень довольны сделанной работой и раз'ехались с одной мыслью, как бы с'ехаться опять в скором времени. С'езд продолжался два дня; он не отличался многословием и красноречием, но зато был продуктивен по своей работоспособности.

(„Известия Подольского С. Р., С. и К. Д." от 26 июня 1917 г. № 3).

Конфликтная работа Исполкома Совета Р. и С. Деп.*)

Конфликтов у рабочих с владельцами фабрик, заводов, предприятий и в помещичьих имениях, начиная с февральской революции 1917 г., было очень много.

В виду ярко выявившегося революционного настроения фабзавкомов и рабочих многие фабриканты и заводчики в уезде не хотели продолжать работу после праздничного пасхального перерыва. Тогда была создана конфликтная комиссия при Исполкоме Совета Р. и С. Деп. в составе трех т. т. Широкова, Карпова и Полякова.

По заданию Исполкома Совета в задачи конфликтной комиссии входило: начать работу на тех предприятиях, которые не работали после праздника пасхи и ни в коем случае не допускать массового увольнения ранее работавших рабочих на предприятиях.

Приведем здесь наиболее характерные, рассмотренные и улаженные конфликты с апреля по октябрь 1917 г.

Первыми законфликтовали рабочие фабрики И. И. Баскакова (ныне Рязановская). Здесь на требование фабкома пустить работу на ф-ке после ее остановки на праздник владелец отказался пустить ф-ку и заявил, что у него с 29 марта никаких рабочих нет и нет фабкома.

Конфл. комиссия установила, что у фабриканта есть топливо, сырье и заказы (фабрика работала на оборону) и ему было предложено немедленно принять всех ранее работавших рабочих и начать работу на ф-ке, что и было исполнено с 13 апреля 1917 г.

Приступая к работе, рабочие потребовали от владельца ф-ки: признать их фабком, повысить зарплату на 75% и дать по 30% на заработный рубль на дороговизну. Рассматривая эти требования, конфл. комиссия установила, что зарплата на фабрике очень низка: мужчины получали от 30 до 45 р., женщины от 15 до 22 руб. и подростки от 12 до 15 руб. в месяц. Учитывая такую низкую зарплату, конфл. комиссия удовле-

*) По воспоминаниям т. Широкова.

творила требования рабочих. В заключение взбешенный владелец ф-ки безоговорочно признал фабком.

Подобные же требования были пред'явлены и на других фабриках и заводах: Зингера, Медведева, Троицкой, Оппель, Износкова и К° Шлихтерман, Келлер и пр.

Конфликтная комиссия выясняла на месте условия работы и, найдя требовония рабочих правильными, настаивала на том, что бы эти требования удовлетворялись предпринимателями. Конечно, не без борьбы предприниматели выполняли требования, конфликтной комиссии.

Особенной остротой отмечался конфликт на фабрике Келлер, где владелец фабрики Казанцев группе ткачей (не более 60 человек) дал большую прибавку, а остальным (более 700 чел.) сделал незначительную прибавку.

Вид Рязановской фабрики.

Исполком Совета Р. и С. Деп. совместно с союзом текстильщиков посылал 2-х членов Исполкома т. т. Горячева и Базину для раз'яснения рабочим неправильного введения зарплаты, но их там побили за это раз'яснение.

После этого на фабрике образовались две группы рабочих, одна большая за политику профсоюза и совета, а другая за политику хозяина Казанцева против большевиков. Для улаживания этого конфликта на фабрику ездили т. т. Чижов и Матрозов и на собрании рабочих было решено ввести на фабрике расценки применительно к расценкам других текстильных фабрик.

Но когда т. Чижов с т. Матрозовым уехали, на фабрике возник опять тот же старый конфликт. Для улаживания этого конфликта на фабрику должны были поехать т. т. Широков и

Карпов, которые на воротах фабрики увидели вывешенный плакат: „сегодня на ф-ке собрание рабочих, на которое большевиков Широкова и Карпова не пускать".

Несмотря на это, упомянутые товарищи пришли на собрание рабочих и при выступлении т. Широкова были слышны отдельные голоса: „долой большевиков", „не будем слушать", „не уйдешь, стащим и проводим".

Но после речи т. Широкова собрание постановило, что на фабрике должны быть введены одинаковые расценки с другими текстильными фабриками.

В течение мая и июня 1917 г. конфл. комиссией много было рассмотрено и улажено конфликтов в больницах, кооперативах, среди банковских служащих и сельско-хозяйственных рабочих с помещиками в имениях: Голицина, Шереметьева, Рейнбота, Фон-Мека и др.

Завод б. Износкова.

Работа среди женщин после Февральской революции.

Тотчас после Февральской революции всколыхнулись и женщины в Подольске.

Работа с ними началась с самых первых дней революции. Началась она стихийно. Руководительницей этого молодого движения сделалась Дора Александровна Быстрицкая, 20-ти летняя студентка, которая горячо взялась за эту работу. Вот как она описывает в своих воспоминаниях первое собрание, происходившее в зале советов (здание бывш. гимназии).

„Женщин собралось очень много. Тут были работницы с заводов, домашние работницы, домашние хозяйки и учительницы. Я сказала вступительное слово о том, что женщинам необходимо с'организоваться, подучиться и бороться вместе с мужчинами за свободу. Говорила горячо, взволнованно, но сумбурно. Меня выбрали председательницей собрания. Сейчас же была намечена повестка дня: 1) выборы бюро для работы среди женщин, 2) организация бюро труда, 3) организация яслей.

Затем начались речи женщин о своей женской долюшке и необходимости женской организации. Первыми говорили работницы с завода Зингер, затем выступали домашние работницы и учительницы. Каждая из выступавших сначала говорила очень неуверенно, тяжело, но затем постепенно овладевала собой и заканчивала бодро и горячо.

В общем речи были очень пламенные и ярко-образные. Не раз слышались рыдания или бодрый смех. Настроение у всех было очень повышенное. Одна из работниц, закончив свою необычайно горячую речь, протянула руки в знак единения домашней работницы с домашней хозяйкой. Этот момент был необычайно торжественен: лица у всех были такие просветленные и взволнованные, как будто на их глазах совершалось какое-то священнодействие. Этот момент вообще характерен для первых дней революции. Правда, вскоре же, после двух—трех собраний, интересы этих групп оказались настолько различны, что потом приходилось организовать собрания каждой группы в отдельности.

На этом первом собрании было избрано бюро работы среди женщин. Этому бюро был дан наказ: организовать ясли, бюро труда, организовать собрания, лекции, беседы. Первому женскому органу пришлось очень туго: во-первых, из-за отсутствия средств, во-вторых, потому, что хотя первое собрание было созвано мною и согласовано с некоторыми видными работниками совета, но все же со стороны Совета было какое-то неопределенное отношение к нашей работе. Но у нашего бюро было огромное желание работать, и мы на свои медные гроши приобрели большое количество литературы, за ней ездили даже в Москву и начали регулярную работу. Так мы избрали делегаток, собирали их, снабжали литературой, инструктировали, как могли, нескольких послали в Совет. Потребность же в собраниях была очень велика, поэтому собрания происходили очень часто. Созывались собрания так: писались мною от руки маленькие об'явления на клочке бумаги и лепились на фонарных столбах и на воротах завода. Затем мне приходилось обежать делегаток по цехам. Среди шума и грохота машин на заводе я наскоро старалась обсудить все нужные вопросы с делегаткой, но через несколько минут вокруг нас обычно образовывалась толпа, и мы митинговали полчаса, а то и час. Кричали громко, чтобы перекричать шум машин, а главным образом самих себя. Надо сказать, тогда все каза-

лось очень важным, а потому и проявлялась такая жажда к жарким спорам.

Такие собрания бывали всегда многолюдны и обсуждались на них с величайшей страстностью различные вопросы. Так, работниц интересовали вопросы 8-ми часового раб. дня, охраны женского труда, уравнения заработка женщин с мужчинами на одинаковых работах. Особенно часто приходилось обсуждать вопрос о недружелюбном отношении мужей к женским собраниям. Бывали признания, что некоторые мужья за это прямо истязают жен. Ответом на это был гул возмущения и возглас: „не робейте, бабоньки, проучим мы их". И доставалось же тут мужчинам! Надо сказать, что собрания заводских работниц бывали более бодры, организованны и чувствовалась в них стальная воля к победе.

Несколько иную картину представляли собрания домашних работниц. Особенно первые собрания. Помню одно такое большое собрание. Происходило оно в одной из больших комнат бывшего реального училища. Вечер. Женщины прибывали быстро. Некоторые на ходу одевались. Вот одна сообщала, что бросила самовар на стол, даже посуды на стол не успела подать, помчалась на собрание, боясь опоздать. Другая бросила стирку, третья не стала купать ребенка. Передавали образно, с интонациями, ворчания хозяек. После моего вступительного слова началась очередная жуткая исповедь о своей жизни. Рыдали все.

Никогда после не приходилось мне слышать такую яркую, искреннюю и подробную передачу всего того, что наболело на сердце у дом. работниц. Правда, каждая кончала так: „ну, теперь конец этому, попили нашей кровушки. Довольно. Я тоже человеком желаю быть, извольте считаться со мною".

После каждого женскогого собрания теребили бюро: „дайте литературу по такому то и такому то вопросу". Когда требования эти стали очень многочисленны и настойчивы, тогда бюро поставило вопрос о средствах и решено было провести сбор членских взносов в размере 10 коп. Мы долго торговались, сколько брать. Боялись, как бы необходимость уплачивать членский взнос не испугала женщин.

За короткий срок вокруг бюро выкристализовалась группа человек в 30 боевых, энергичных и очень толковых женщин. Эта группа была необычайно жадна до знаний. Ночами они прочитывали книжку за книжкой и росли необычайно быстро. Они могли сами проводить собрания умело и толково и вести необходимую агитацию среди отсталых женщин.

Необходимо упомянуть еще об одном собрании. Это собрание солдаток. Оно было очень бурно, требования солдаток сводились к одному: вернуть мужей с фронта и долой войну. О своем решении они хотели сообщить своим мужьям письменно в тот же день. По тому времени это желание солдаток было рискованно, и на помощь мне пришел один из членов Совета, которому удалось убедить и успокоить солдаток.

На одном общеженском собрании я была назначена делегаткой на 1-й всерос. женск. с'езд в Москве.

Внешний вид с'езда был блестящий. Сотни красивых прекрасно одетых женщин и ни одной работницы или крестьянки. Я была удивлена, но думала, что, может быть, эти интеллигентные женщины, как и я, представляют на с'езде работниц и крестьянок. Я жадно ждала их речей. Но не убедили меня в этом и речи их. Тогда я решила высказать им свое удивление. Я сообщила им, что являюсь представительницей заводских и домашних работниц, что наша организация стоит на платформе советов, и работа наша ведется под флагом совета. Сказала, сколько женщин об'единяем, сколько было собраний, как организовались, какие решения выносились и как думаем работать дальше. Говорила я плохо (волновалась очень), но слушали меня внимательно, может быть, потому, что уж очень молодо я выглядела и после их блестящих высокопарных длинных речей говорила слишком просто. Так или иначе, после речи ко мне подошли две известные организаторши женского движения: Шишкина—Явейн и другая, кажется, Лебедева. Они меня подробно распросили о работе и записали адрес. Потом подошла еще одна, представившаяся меньшевичкой. Она возмущалась, что этот с'езд одних интеллигенток, что на этот с'езд забыли пригласить работниц и крестьянок и необходимо добиваться, чтобы через месяц созвать новый женский с'езд. Мы долго совещались, что-то писали, куда то ходили. У меня создалось такое впечатление, что организаторы с'езда заинтересовались моей работой, почуяв в ней новую область работы с женщиной пролеткой.

На этом с'езде я была избрана представительницей на с'езд союза земств и городов. Там заседали маститые папаши с окладистыми бородами, которые недружелюбно оглядели меня, девочку, важно усевшуюся на стул рядом с ними.

Мой доклад о женском с'езде в Москве был заслушан с большим вниманием на одном из наших многолюдных общеженских собраний в Подольске и горячо обсуждался. Решено было послать на следующий с'езд 5 работниц.

Наряду с организаторской работой много времени и энергии уходило у меня на жаркие споры с отдельными членами Подольского Совета по поводу необходимости некоторое время вести обособленно работу среди женщин. Запрещать вести работу не запрещали, но протесты мне заявляли. А потом решились и на такие выступления: приходит, например, на одно из бурных женских собраний один из членов Совета, просит слова и начинает нападать на меня и на все бюро за то, что мы ведем раскольническую политику, ослабляем ряды рабочего класса, ведя обособленно работу среди женщин: женщина должна идти нога в ногу всюду вместе с мужчиной.

Упрек был тяжелый, и наше бюро защищалось со всей горячностью. Выступали и делегатки, заявляя: „мы на собраниях мужских мало что понимаем, хлопаем ушами, а спросить

стыдно. Мы не разбиваем рядов, а хотим их сплотить, сделавшись более сознательными. Не мешайте же нам учиться и догонять вас в нашей женской организации".

Вставайте, матери и жены,
Вставайте, женщины труда!
В борьбе упорной, напряженной
Мы не отступим никогда!
Идя дорогою единой,
Мы озарим сияньем ночь...
Вставайте, сестры, чтоб мужчинам
В борьбе за новый мир помочь!

Организация и работа профсоюзов*).

До 1917 г. в Подольском уезде не было никаких профорганизаций и только после февральской революции, вместе с организацией фабзавкомов на предприятиях, среди рабочих велась широкая агитация за организацию профессиональных союзов.

Первым организовался и повел свою работу с 15 апреля 1917 г. Подольский профсоюз металлистов. В первом правлении его работали т. т. Матрозов И. И., Борисов П. П., Меднис А. И., Петров В. Г., Казакова П., Гулин Г., Насонов И. Ф., Рахманов Я. А., Орлова И. Е., Ярославцев, Малахов, Серпецкий, Висящев и Кольман.

Председателем правления был т. Матрозов, товарищем председателя—т. Петров, секретарем—т. Меднис и казначеем—т. Рахманов.

Подольский профсоюз металлистов с самого начала своего существования имел связь с московским и петоградским союзами металлистов и пользовался их руководством в своей работе. Работал в полном контакте с Советом Р. и С. Д. и целиком стоял за платформу и тактику партии большевиков.

К 10 июня 1917 г. союз уже насчитывал 4.979 членов, по заводам они распределялись так: с Зингеровского—2.625, с Земгорского—777, с Климовского—416, с Шамшина—106, с Износкова—25, с Суркова—17, с Простова—13 и вступивших одиночным порядком с разных заводов—1000 членов.

Союз рассматривал и улаживал все конфликты на заводах и выпустил целый ряд воззваний и листовок к членам профсоюза. Совместно с Советом Р. и С. Деп. организовал и содержал общественную пекарню в городе в целях смягчения недостатка хлеба.

Союз совместно с Советом Р. и С. Деп. и с профсоюзом текстильщиков организовал и содержал на свои средства биржу труда, которая регистрировала безработных и посылала их на работу.

---

*) По воспоминаниям т. Широкова.

Союзом металлистов была разработана разбивка всех работающих на заводах на 6 категорий и установлена минимальная поденная зарплата от 8—16 руб.

Союзом также детально были разработаны расценки для оплаты служащих и рабочих, работающих помесячно, и все это было сделано, не смотря на огромное сопротивление владельцев заводов.

С 1 августа 1917 г. союзом был введен второй минимум зарплаты от 10 до 20 рублей в день.

К 1-му августа 1917 г. союз металлистов имел $6^1/_2$ тысяч членов союза, крепко налаженный аппарат и 2 рабочих клуба в городе, где и вел культурно-просветительную работу среди членов союза.

Вторым организовался и начал свою работу с 28/IV—1917 г. Подольский профсоюз текстильщиков, который к 15 июня 1917 г. имел 5.182 члена союза. По фабрикам они делились так: с Медведевской—1.421, Шлихтерман—1.111, Оппель—125, Даниловской—61 и вступивших одиночным порядком—1 член.

Первое правление союза состояло из 13 членов: т. т. Веденков А. П., Царьков Ф. И., Котлякова А. И., Пичугина Л. И., Арбузов В. И., Кучин В. И., Исаев В. П., Гуркин Д. А., Катанов С. Ф., Игнатов В. И., Дедушкович В. (женщ.), Слащева Е. и Потапов Г. И.

Председателем союза был т. Веденков, товарищем председателя—т. Кучин и секретарем—т. Игнатов.

Всю организационную и агитационную работу союз вел так же, как и союз металлистов, и в большей мере заимствовал опыт работы последнего. Профсоюз текстильщиков работал в полном контакте с Советом Р. и С. Деп., стоял за платформу и тактику партии большевиков. Союз участвовал в организации и содержаннии Биржи труда.

Союзом текстильщиков была разработана разбивка всех работающих по категориям и разрядам с установлением минимума зарплаты от 3 до 14 руб.

Весь этот расценок зарплаты союзом вводился на всех текстильных фабриках с 1 июня 1917 г. при невероятном сопротивлении владельцев фабрик, которое было сломлено организацией всеобщей забастовки текстильщиков и металлистов и отчислением 3-х дневного заработка в пользу стачечников.

Все сопротивляющиеся владельцы фабрик испугались этого, принимали и вводили вышеозначенный расценок с небольшими их изменениями.

А с 17 августа 1917 г. был введен новый расценок минимальной зарплаты по всем категориям от 8 до 17 р. 40 к. в день.

Союз об'явил всем рабочим, работницам и служащим, что по данной расценке зарплаты будут заключаться договора союзом с владельцами.

К этому времени союз текстильщиков в уезде насчитывал до 6.000 членов.

Третьим был организован профсоюз горнопромышленных рабочих, который в основном вел аналогичную профработу, что и два первые профсоюза, но слабее, и к 1 сентября 1917 г. этот профсоюз насчитывал не более 600 членов союза.

В начале августа 1917 г. было организовано Подольское центральное бюро профсоюзов (союз профессиональных союзов). Председателем его был т. Чижов Н. Г., членами бюро—Матрозов, Борисов и др. Бюро профессиональных союзов имело свой детально разработанный устав.

На основе этого устава велась вся профработа в уезде в полном контакте с фабзавкомами, Советом Р. и С. Деп. и с организацией партии большевиков. К октябрю 1917 г. в Подольском уезде в профсоюзах состояло более 20.000 человек.

При бюро профсоюзов Подольского у. была организована Биржа труда, в содержании которой принимали участие профсоюзы и Совет Р. и С. Д.

Биржа труда прежде всего потребовала найма рабочих и служащих исключительно через биржу. Мера эта была предпринята для того, чтобы безработные обращались на Биржу труда, а не в конторы заводов и фабрик, где при найме было не мало злоупотреблений со стороны владельцев.

Фабрично-заводские комитеты пошли навстречу Бирже труда, и с этого момента началась ее регулярная работа. Биржа регистрировала безработных и направляла их по очереди на работу по заявкам с предприятий.

За период с 27 апреля по 15 августа 1917 г. на Бирже было зарегистрировано безработных 4.874 человека.

Безработица была главным образом среди женщин и подростков. Среди них было много нуждающихся по случаю империалистической войны.

От женщин и подростков Биржа труда не раз получала требования об отмене строго соблюденной очереди посылки на работу. Об этих требованиях ставился в известность с'езд фабрично заводских комитетов, который в своем постановлении сказал, что принцип установленной твердой очереди не должен быть нарушен, а для более нуждающихся безработных, главным образом солдаток, Исполкому Совета и Биржи труда изыскать соответствующие меры по оказанию им надлежащей помощи.

После этого постановления Исполком Совета Р. и С. Деп. организовал специальную комиссию, которая производила на местах обследование материального положения женщин, зарегистрированных на Бирже труда, и, по мере выяснения нуждаемости, направляла таких безработных на работу вне очереди. Такой же метод применяли и к подросткам.

Мужчинам по долгу ждать очереди не приходилось, так как очень часто требования на них превышали предложения.

Были случаи, когда заводчики и фабриканты нанимали рабочих помимо Биржи труда, тогда последняя всегда твердо отстаивала принцип очереди, настаивала на увольнении принятых с заменой их с Биржи труда.

Деятельность Подольского Уездного Земельного Комитета.

Для разрешения земельного вопроса, который так волновал все крестьянство, весной 1917 г. повсюду начали организовываться волостные и уездные земельные комитеты. Такие же комитеты возникли и в Подольском уезде.

На уездном земском собрании в октябре 1917 г. т. т. Кутьев и Дзейвер сделали доклад, который довольно подробно характеризует работу Подольских земельных комитетов за истекшие месяцы. Предлагаем выписку из доклада.

ТОВАРИЩИ ГЛАСНЫЕ.

„Великая русская революция, революция доселе невиданная в мире, революция до самого дна всколыхнувшая море народное, вынесла на поверхность один из самых больных вопросов трудового крестьянства—вековой вопрос о земле. Всколыхнулась многомиллионная крестьянская масса, доселе бывшая в вековом, как политическом, так и экономическом рабстве у наших аграриев, почуяла землю, неудержимо потянулась к ней и дальше откладывать разрешение земельного вопроса стало невозможно. Врем. Правит. вынуждено было признать лузунг „земля народу", вынуждено было немедленно показать, что им принимаются меры к проведению в жизнь этого лозунга и создать аппарат для подготовительной работы к проведению земельной реформы. Таким образом были созданы Земельные Комитеты, перед которыми встали три основные задачи, определившие их работу: 1) подготовка земельной реформы к Учредительному Собранию, 2) сохранение в неприкосновенности земельного фонда и 3) немедленное урегулирование землепользования.

Земельные Комитеты сыграли громадную роль в деле об'единения и организации крестьян. Близко стоя к крестьянским массам, руководя борьбой за землю, Земельные Комитеты стали для крестьян и судьей, и опекуном, стали центром, сплотившим крестьян около себя.

16-го июля 1917 г. собралось первое организационное собрание 3-х членов Подольского У. З. К., выбранных от Комит. Общ. Организаций и образовавших из себя временное бюро. Первой задачей бюро было образование Волостных Земельных Комитетов, установление немедленной связи с Губернским Земельным Комитетом и выработка плана организации и работ Уездных и Волостных Земельных Комитетов.

Смета Уездного Комитета была выработана в размере 39402 р. в год, но урезана Правительством больше, чем на половину. Вообще же Уездный Комитет получил от Правительства за 4 месяца своего существования 5400 р., а Волостные Комитеты всего 1426 р., т.-е. по 34 рубля в месяц на каждый Комитет.

В состав Уездного Земельного Комитета вошли 5 человек от Ком. Общ. организ., 11 представителей от волостей по одному от волости, по одному представителю от с'езда судей и от агрономов.

К основной своей работе по подготовке Земельной реформы Комитет долго не мог приступить, так как с первых же шагов своей деятельности был завален огромным количеством дел судебного характера.

Земельный Комитет разбирал споры помещиков с сельскими обществами; сельских обществ с отрубщиками и отдельными арендаторами и споры сельских обществ между собою из за распределения угодий. Предпринятое большинством Волостн. Зем. Комитетов планомерное распределение покосных угодий между нуждающимися в покосах селениями было мерою разумною и безусловно справедливой. Земельные комитеты стремились предупредить возможность частичных захватов земли, порождающих анархию и дезорганизующих крестьянские массы. Целесообразность и справедливость такого образа действий Комитетов была признана и самыми помещиками и поэтому спорных дел первой из указанных категорий было немного. В большинстве случаев помещики признавали решения Комитетов правильными по существу и большинство жалоб помещиков на постановления Зем. Комитетов касалось увеличения арендных цен, установленных Комитетами, и частью увеличения количества покосов, оставляемых за помещиками.

Конечно, находились единичные личности крепостнического типа, не желающие считаться ни с интересами государства, ни с интересами народа, считающие Земельные Комитеты разбойничьими шайками, свирепо вопящие о нарушении законов и священного права их собственности и засыпающие телеграммами комиссаров и Министерство земледелия. Но и они принуждены были подчиниться решениям Комитета, а их жалобы в высшие инстанции оставлялись без последствий. Во все время работы Подольского Уездного Земельного Комитета его постановления только в двух случаях были Губернским Комитетом отменены и то по мотивам чисто формального характера. Громадное большинство спорных дел относилось ко второй категории. Что касается отдельных арендаторов, то согласно постановлению Крестьянского С'езда от 13 апреля арендные договоры Земельными Комитетами в большинстве случаев расторгались и арендуемые угодья передавались обществам, причем за арендаторами или оставлялась потребная им доля покосов, или же им предоставлялась в арендных покосах равная с другими доля участия. Такие решения особых протестов со стороны арендаторов не вызывали и дальше Уездного Комитета дело не шло.

Гораздо серьезнее обстояло дело с отрубниками и хуторянами. Благополучно улаживать эти споры не всегда удавалось; это стоило Уездному Комитету громадного труда и отнимало много времени. А между тем именно в делах этого рода приведе-

ние сторон к мирному соглашению и возможно большее смягчение обостренных отношений являлось для Комитета настоятельной необходимостью. Дело в том, что крайне растерявшийся в первое время после революции землевладельческий класс, без борьбы сдавший свои позиции, в последнее время, при благосклонном содействии наших властей, всячески тормозящих работу Земельных Комитетов, опомнился и спешно организовал и мобилизовал силы для борьбы с народной волей. Везде и всюду, как и у нас в уезде, основались „Союзы Земельных Собственников". В настоящем положении с ними, как с реальной силой, считаться нечего. Сейчас они являются полнейшим ничтожеством. Но если обиженная и испуганная вся масса богатых крестьян бросится, ища защиты, в их об'ятия, если вокруг этого вороньего гнезда сплотятся все богатые отрубники и хуторяне, это будет совсем другой оборот. Это будет уже сила, с которой придется считаться и которая будет служить серьезным препятствием в деле проведения земельной реформы, как реформы социальной. Это должны твердо помнить крестьяне—общинники и крестьяне отрубники и хуторяне. И те, и другие не должны забывать, что они члены одной семьи—великой семьи трудящихся—должны идти рука об руку к делу создания новой жизни, помня, что у них ничего нет общего с хищной шайкой паразитов, сидевших и до сих пор сидящих на народной шее. И особенно это должны учесть Земельные Комитеты, подготовляя дело земельной реформы.

Последняя категория спорных дел между сельскими обществами, как более сложных по своей конструкции и по большому числу заинтересованных лиц, требовала особенно тщательного рассмотрения и в большинстве случаев требовала выездов членов Комитета для осмотра спорных угодий и рассмотрения их на местах. За указанное время Комитет имел 10 таких выездов, причем дела были сгруппированы и разрешались большею частью в совместных заседаниях с Волостными Земельными Комитетами. Хотя и с большими трудностями, но всетаки большинство этих дел было покончено миром, а если стороны не приходили к соглашению, то постановления Комитета ими признавались правильными и не обжаловались.

Товарищи Гласные, революция не кончена. Борьба между угнетателями и угнетенными только еще начинается, спешно мобилизуются силы. И в этой великой борьбе Земельные Комитеты явятся тем грозным оружием, о которое поломают свои волчьи зубы наши аграрии.

Нам говорили, что земельная реформа преждевременна, что солдаты побегут с фронта делить землю, что работа Земельных Комитетов приведет страну к гибели и анархии, что землю нужно дать крестьянам после Учредительного Собрания, а до тех пор сохранить неприкосновенной частную собственность. Нет, к анархии приведет не работа Земельных Комитетов, а прекращение этой работы. Народ не ждет. Население запахивает земли, берет покосы, рубит дрова и если это делается

не стихийно, то это влияние Земельных Комитетов. На притеснения, преследования и аресты Земельных Комитетов население отвечает пожарами и грабежом помещичьих экономий.

Товарищи Гласные, создавая новый состав Земельного Комитета „знайте, что крестьянство ждет от Вас земли и воли, не как журавля в небе, не как будущих благ, а ждет немедленного организованного перехода всей земли в руки трудового народа".

(„Изв. Подольского Совета Р. и С. Депутатов" №№ 16—18).

Вид Константиновской ф-ки (б. Келлер).

ГЛАВА XIII.

ОКТЯБРЬ В ПОДОЛЬСКЕ*).

Подольская об'единенная организация Р. С. Д. Р. П., которая состояла из большевиков, меньшевиков и об'единенцев, после целого ряда крупных разногласий по политическим, экономическим и тактическим вопросам революции — перед Октябрем в 1917 г. окончательно раскололась на две резко противоположные партии: в первой были одни большевики, а во второй—меньшевики и об'единенцы.

Подольские большевики, не говоря уже о подпольной работе, с самого начала революции вели большую организационную и агитационную работу по всему уезду, твердо и неуклонно проводили линию и тактику революционной борьбы, намеченную всей партией большевиков во главе с т. Лениным, при этом одержали целый ряд весьма важных побед, как политического, так и экономического характера, имели авторитет среди рабочих и крестьян и пользовались большим доверием со стороны последних.

Вместе с этим партия большевиков очищалась от колеблющихся и шатающихся элементов и вовлекла в свои ряды более стойких и активных рабочих, работниц и крестьян.

К октябрьским дням Подольская организация большевиков насчитывала до 600 членов. Большинство из них состояло в организованных парт'ячейках на предприятиях и проводило всю работу того времени среди рабочих и крестьян под твердым и об'единенным руководством Подольского районного комитета РСДРП большевиков. Меньше всего здесь играли роль отдельные личности: всем руководила и направляла партия в целом.

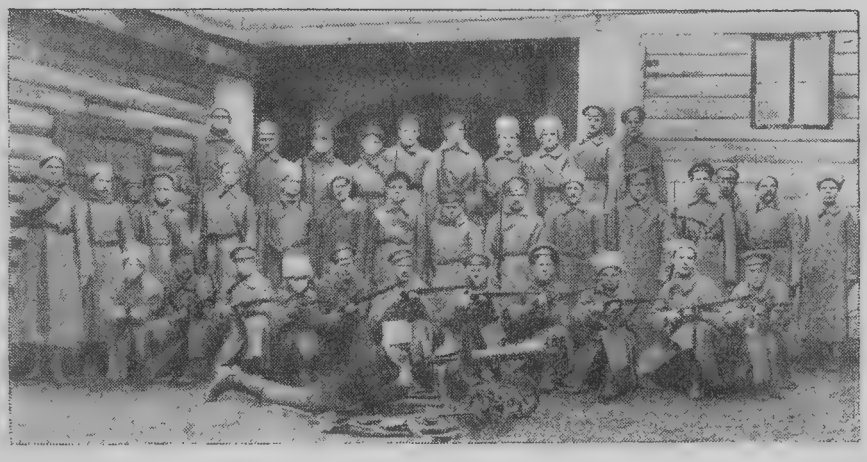
В Исполнительном Комитете, в Совете Р. и С. Д. и в правлениях профсоюзов: металлистов, текстильщиков, горняков и др. большевики имели абсолютное большинство; роль меньшевиков, эс-эров и анархистов перед Октябрем была незначительна.

В городском самоуправлении и в уездном земстве по численности большевиков было меньше, но по качеству большевики стояли выше.

Такое же положение было и в комитете общественных организаций. И все эти три организации, очень пестрые по своему составу, делились всегда и по каждому вопросу на группы и группочки и совершенно бездействовали. Яростную

*) По воспоминаниям т. А. Широкова.

и упорную борьбу против большевиков и Совета Р. и С. Д. вел гражданский уездный комиссар Б. Кругликов со своими помощниками Александровым и Дзейверт. В этой борьбе много ему содействовали эс-эры, меньшевики, заводчики, фабриканты, купцы, помещики и зажиточное крестьянство.



Красная Гвардия Подольского уезда.

Уездный комиссар Б. Кругликов неоднократно пытался арестовать отдельных большевиков, предлагал распустить созданную большевиками красную гвардию и сдать все имеющееся оружие в управление милиции.

Несмотря на это, организация большевиков, Исполком Совета и профсоюзы еще больше укрепляли свои организации и усиливали работу в массах. После успешно проведенной большевиками кампании выборов в Подольское уездное земство (сентябрь 1917 г.) эс-эры потерпели поражение, а меньшевики и об'единенцы полное банкротство.

С сентября месяца Подольский Райком партии большевиков, Исполком Совета и профсоюзы начали и вели усиленную подготовительную работу по выборам в учредительное собрание. При Райкоме партии большевиков и Исполкоме Совета работали 3 товарища, специально подготовленные на московских областных курсах: Широков А., Зотов А. и Губанов С. Последние разработали по инструкциям всю технику выборов, а также совместно с Райкомом разработали формы и методы агитации и пропаганды.

Для проведения этой кампании Райкомом партии большевиков были мобилизованы наилучшие и сильные ораторы-докладчики: Чижов, Матрозов, Мурзов, Широков, Зотов, Полешко, Карпов, Эвальд, Базина, Шибанов, Поляков и др. Этими товарищами велась в массах усиленная агитация по разоблачению предательской политики Врем. Прав. и соглашательства буржуазии с меньшевиками и эс-эрами.

В этот период было проведено ряд лекций т.т. Мещерякова, Инессы Арманд, Левинсона и др. товарищей из Моск. Окр. К-та партии большевиков на темы: „долой войну", „вся власть советам", „советская власть и учредительное собрание" и др. и кроме того проводились митинги и собрания местными силами. Эта агитация встретила сильный отпор и негодование со стороны всех врагов политики большевиков и советов, которые для срыва митингов и собраний пускали в ход всякую грязную ложь, клевету, погромы, травлю и даже физическую силу.

Одним словом, накануне Октябрьской революции эс-эры и меньшевики во главе с уездным комиссаром Кругликовым пытались сорвать все усиливающуюся работу большевиков, Совета и профсоюзов, а поэтому на партсобраниях большевиков, на заседаниях Исполкома Совета и во фракции уездного земства поднимался вопрос о ликвидации должности уездного комиссара и о передаче его функций Исполнительному Комитету Совета Р. и С. Деп. На это Кругликов угрожал арестом фракции большевиков в земстве и разоружением всех большевиков. Атмосфера сгущалась. Вся организация большевиков и красная гвардия были приведены в полную боевую готовность на случай необходимой самообороны.

В такой большой тревоге проходил октябрь месяц в Подольском уезде, в особенности напряженное настроение было во 2-й половине октября. Все с нетерпением ожидали открытия 2-го Всероссийского С'езда Советов Р. С. и К. Д.: этот с'езд должен был решить судьбы страны и революции. С'езд, назначенный на 20/X, был перенесен на 25/X—1917 г. и это еще больше напрягало обстановку и нервировало ожидающих.

Известие о совершившемся Октябрьском перевороте и о переходе власти в руки Советов было получено в Подольске ночью на 26 октября условной телеграммой из Петрограда от депутата Подольского Совета Р. и С. Д. т. Эвальда и телефонограммой из моск. окружн. к-та партии большевиков, а утром 26 октября собрался назначенный на это число с'езд Подольского Совета Р. и С. Д.

Открывается заседание Совета. Председатель тов. Чижов делает краткое сообщение о совершившемся перевороте в Петрограде и о переходе власти в руки Советов. Громадная радость и ликование охватывает всех депутатов Совета. Раздаются крики „ура", „да здравствуют большевики и их вождь т. Ленин".

Тотчас же был избран „Ревком" или так называемая „пятерка", в которую, по предложению собрания большевиков, с'ездом были избраны 1) от Исполкома Совета и Подольского центр. бюро профсоюзов т. Чижов Н. Г., 2) от Райкома партии большевиков т. Матрозов И. И., 3) от солдат завода Земгор т. Буров Д., 4) от Красной гвардии т. Бергман и 5) от союза металлистов т. Борисов П. П. Кроме этого в помощь названной пятерке с'езд избрал и послал для работы в Ревкоме т. Шеба-

нова В. В., т. Широкова А. М., т. Мурзова А. А. и т. Карпова И. Н. и было поручено Ревкому, если потребуется, привлекать и др. товарищей. После этого с'езд окончил свое заседание. Все депутаты с революционными песнями поспешили на фабрики и заводы с сообщением о совершившихся событиях и для принятия мер на местах по определенному заданию, данному всем депутатам Совета Р. и С. Д.

В тот же день 26/X, на первом заседании Ревкома, был принят и утвержден разработанный план захвата власти всех правительственных учреждений в городе: почты, казначейства, вокзала, городской и уездной управы и др. Для связи с Москвой были выделены тов. Мурзов и тов. Карпенко, для связи с г. Серпуховым был послан т. Карпов; связь с фабриками и заводами в уезде была поручена т. Широкову.—Начальнику Красной гвардии т. Бергману и его помощнику т. Калнину было поручено срочно мобилизовать всю красную гвардию, разбить таковую на отряды, хорошо и слабо владеющие оружием. Со слабо владеющими оружием немедленно начать занятия, привлечь к этому т. Грекова М., Шибанова В. и др. Начальнику уездной милиции т. Мужилкину Г. поручено всю милицию привести в полную боевую готовность и усилить посты по городу для поддержания полного порядка в городе, т. Борисову позаботиться известить рабочих металлистов по заводам о происшедшем; т.т. Матрозову и Шебанову арестовать уездного комиссара т. Кругликова.

Ревком утвердил вновь назначенных комиссаров для приема правительственных учреждений: т. т. Вальдмана, Гольвега, Бунгша, Леонова и др. Последние с отрядами Красной гвардии по 5—7 человек быстро без сопротивления заняли все намеченные правительственные учреждения. В Ревкоме, Исполкоме, в Райкоме партии, в профсоюзах, на фабриках и заводах было установлено бессменное ночное и денное дежурство.

Греков М. С.

Таким образом, к 5—6 часам вечера 26 октября Ревком был полновластным хозяином как в городе, так и в уезде. Все честные граждане радовались и ликовали, приходили в Совет и предлагали свою помощь Ревкому, партии и профсоюзам, а все враги большевиков и Совета приумолкли и затихли.

Но так продолжалось недолго, скоро радость сменилась опять печалью: начальник уездной милиции т. Мужилкин Г. со своими милиционерами изменил Ревкому, освободил из под ареста уездного комиссара Кругликова, снял все посты красногвардейцев, выставленные Ревкомом в захваченных правительственных учреждениях, и

прислал в Ревком грозный ультиматум: „в 12 часовой срок Ревком должен распустить себя и красную гвардию, а все имеющиеся оружие сдать в управление милиции".

Сделал это Мужилкин согласно следующей почт-телефонограммы от Московского Губернского Комиссара Эйлера за № 1007:

От Московского Губернского Комиссара и от Штаба Верховного Главнокомандующего № 1007.

„Всем уездным Комиссарам Московской губернии, Земским и Городским Управлениям.

От штаба армии и флота мы требуем немедленного прекращения насильственных действий большевиков, немедленного отказа от вооруженного захвата власти, безусловного подчинения действующему в полном согласии с полномоченными органами Временному Правительству, единственно могущему довести страну до Учредительного Собрания—хозяина земли русской. Действующая армия силой оружия поддерживает это требование и будет безпощадно карать всех захватчиков власти. Об изложенном прошу оповестить все население".

Подписал: Московский Губ. Комиссар **Эйлер**.

Ультиматум Начальника милиции Мужилкина Ревком обсуждал ночью и ввиду позднего времени решил на этот провакационный ультиматум до истечения его срока не отвечать и по отношению к Мужилкину никаких мер не принимать, но собрать все силы Ревкома и быть на готове в любой момент.

Во время этого заседания Ревкома был доставлен еще второй грозный ультиматум, написанный освобожденным из тюрьмы уездным комиссаром Кругликовым, следующего содержания:

„**Срочно.** Подольский уездный комиссар приказывает немедленно явиться в комиссариат Шебанову для его ареста; в случае неявки Шебанов будет арестован вооруженной силой".

Подписали: Уездный Комиссар Кругликов.

Помощники—Дзейверт, Александров.

Подольск, 26/X—17 г. в 2 часа ночи.

И на этот ультиматум Ревком тоже ничего не ответил, а Шебанову приказал не подчиняться ему.

Уездный Комиссар Кругликов, не ограничился посылкой вышеприведенного ультиматума. После освобождения его Мужилкиным из тюрьмы он написал наглое воззвание против большевиков. ночью его отпечатали в типографии, а утром 27/X на улицах города было развешено:

ОБ'ЯВЛЕНИЕ
ко всем гражданам города и уезда.

„Вчера, 26/X—с. г., узурпаторы и захватчики большевики вооруженной силой захватили в городе казначейство, почту, вокзал, городскую и земскую управу. Арестовали меня, как Уездного Комиссара—представителя Временного Правительства. Только благодаря своевременным и энергичным мерам, принятым нашей Уездной Милицией, в лице ее начальника Мужилкина, я из под ареста освобожден, после чего захватчики—большевики были изгнаны из всех правительственных учреждений.

От лица Временного Правительства об'являю гражданину Мужилкину и всем милиционерам глубокую благодарность и, как Уездный Комиссар, призываю всех граждан города и уезда еще теснее сплотиться вокруг нашей доблестной Уездной Милиции для того, чтобы дать решительный отпор большевикам, как узурпаторам и захватчикам власти.

Да здравствует наше Временное Правительство.

Подольский Уездный Комиссар Б. Кругликов.

Подольск, 27/X—1917 г.“

Все товарищи, находящиеся в Ревкоме, были страшно возмущены этими двумя ультиматумами и об'явлением Кругликова: были попытки взять оружие и расправиться с начальн. милиции, милиционерами и с комиссаром Кругликовым за их наглость, но твердый и авторитетный Ревком это сделать никому не позволил.

По истечении срока ультиматума (12 час. дня 27/X) Ревком письменно предложил нач. милиции Мужилкину и уездному комиссару Кругликову явиться в Ревком для переговоров. Они не явились. А вечером в тот же день Кругликов, Мужилкин и милиционеры были арестованы товарищами солдатами, работающими на заводе Земгор, и были приведены в Ревком. Здесь их опросили и судили общественным судом. Кругликова посадили в тюрьму до создания советского народного суда, Мужилкина передали на суд партии, который исключил его из членов партии*), милиционеров же за честное их признание простили, и они все вступили на службу советской милиции.

Итак власть от уездного комиссара Кругликова снова перешла к ревкому с 27/X—1917 г., а начальником советской милиции был назначен т. Карпов И. Н.

28/X—17 г. Ревкомом было выпущено ко всем товарищам и гражданам обращение следующего содержания:

---

*) Впоследствии т. Мужилкин был снова принят в партию.

От Совета Рабочих и Солдатских Депутатов г. Подольска.

„Товарищи и граждане.

По постановлению Всероссийского С'езда Советов, Солд. и Крестьянских депутатов Временное Правительство соглашателей свергнуто и вся власть находится в руках Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, поэтому местный Совет призывает всех к полному порядку и спокойно продолжать свою мирную работу. Комиссар Временного Правительства Кругликов отстранен от должности и вся власть находится в руках Революционного комитета.

Подольский Совет Рабочих и Солд. Деп."

Большевики вторично заняли все правительственные учреждения в городе и назначили туда комиссаров от Ревкома, которые взялись за постановку и налаживание в них работы. Много энергии и сил потребовалось для этой работы, в виду того, что многие прежние сотрудники отказались работать со вновь пришедшими комиссарами, а оставшиеся саботировали.

Труднее всего было налаживать работу в продовольственном отделе, потому что фактически продовольствия почти не было. Сюда Ревкомом был направлен И. И. Матрозов, как опытный и авторитетный товарищ.

Несмотря на то, что Ревком ликвидировал все нелепые попытки Кругликова захватить власть, оповестил об этом всех рабочих и граждан через свое письменное обращение и приступил уже к большой практической работе по восстановлению нормальной жизни и работы, на заводах Зингер и Земгор нашлись такие негодные личности, которые среди рабочих распространяли ложь и клевету о том, что все члены Ревкома арестованы и что скоро будут арестовывать всех большевиков и красногвардейцев. Конечно, эти слухи многих пугали в то время. Члены Ревкома по телефону и письменно сообщали в завкомы, что этого нет и не было. „Не верьте лжи и клевете, не поддавайтесь панике, больше выдержки и деловой работы по укреплению взятой нами власти".

Утром 28 Октября по предписанию от Московского Военно-Революционного Комитета Подольский Ревком организовал боевые мастерские по сборке и подготовке проходящего оружия (на автомобилях по шоссе) из Тулы в гор. Москву. Здесь работали днем и ночью все товарищи, хорошо знающие оружие: здесь распаковывались ящики и корзины с частями револьверов, винтовок и пулеметов; из частей собирали целое, сортировали патроны, заряжали оружие, набивали обоймы и пулеметные ленты, наливали воды в пулеметы и заправляли ленты. И все приготовленное к бою оружие на автомобилях из Подольска по шоссе в сопровождении Подольских красногвардейцев отправлялось в гор. Москву, в Замоскворецкий районный Ревком.

К вечеру 28 Октября в Ревком приехала т. Георгиева с удостоверением от Московского Окружного К-та партии большевиков с целой пачкой разных написанных воззваний и обращений и за неимением еще типографии в руках Московского Окружного Комитета (по случаю боев с юнкерами в Москве) просила Ревком отпечатать все привезенное в нашей Подольской типографии (последняя тогда находилась в ведении Тощакова). Выполнение этой работыРевком поручил члену Ревкома т. Бурову, редактору газеты „Известия Подольского. Совета Р. и С. Деп." т. Гузику, типографу т. Худякову и тов. Георгиевой. Они с рабочими названной типографии быстро и точно выполнили эту работу в одну ночь.

К этому времени бои с белыми юнкерами в Москве разгорались все сильнее и ожесточеннее.

Вечером 28 Октября в Ревкоме было получено срочное предписание от Московского Военно Револ. К-та о вербовке не менее 600 ч. добровольцев и отправке их на помощь в Москву.

После обсуждения данной телеграммы в Ревкоме все его члены в 12 час. ночи направились по заводам для проведения в цехах митингов с рабочими ночной смены.

Но, к сожалению, на этих митингах очень мало записалось добровольцев. После этого Райком партии большевиков совместно с Ревкомом постановили на следующий день 29/X утром остановить все заводы в городе, провести еще митинги по заводам с рабочими денной смены и устроить обще-городской митинг, пригласить на таковой рабочих с ближайших к городу фабрик и заводов. Так и было сделано.

Утром 29/X были проведены митинги на заводах и фабриках с призывом записываться добровольцами для похода в Москву. Затем был организован обще-городской митинг, на который по тревожному гудку с заводов Зингер, Земгор, Шамшина, Климовского и с фабрик Баскакова, Оппель, Минцингер, и др. явилось более 10.000 чел. рабочих, работниц и крестьян.

На митинге с центральной трибуны у дома Совета (ныне дом союзов) говорили т. т. Чижов, Колбин (матрос из Кронштадта) и Матрозов; в то же время в разных сторонах этого 10.000 митинга, вставши на плечи рабочих и держась за фонарные столбы, говорили т. т. Мурзов, Широков, Зотов и Карпов. Говорили кратко, ясно и понятно, призывали рабочих записываться в отряды и итти на помощь Московским товарищам. Этот митинг дал более 700 чел. добровольцев. Все они были разбиты на сотни и десятки, которые выбрали сотников и десятников.

В тот же день 29/X вооруженные добровольцы были отправлены на помощь Москве. С отрядом добровольцев был отправлен также санитарный отряд в 20 чел. во главе с рабочим фельдшером—большевиком Аристарховым.

В эти великие дни и деревня не осталась безучастной к схватке рабочих с буржуазией: многие добровольцами поехали на Московские баррикады, особенно откликнулась на это

деревенская молодежь. Так, из села Коледина рано утром первого дня начала баррикадных боев, когда в предрассветной мгле неся гул орудийной канонады, трое крестьян т. т. Сальчев Павел, Зайцев Иван Сергеевич и подросток т. Никитин—Трухач поехали в Москву и пробыли там до окончания боев. Тов. Никитин впоследствии погиб на фронте гражданской войны. Были добровольцы и из других деревень, например, из Вороновской волости.

После отправки отряда добровольцев на помощь в Москву, с которым ушло много большевиков, работа Ревкома, Исполкома и Райкома партии очень затруднилась. Тогда Ревком мобилизовал всех способных, оставшихся работников из союзов, завкомов, фабкомов и парт'ячеек для работы в Ревкоме и учреждениях. В эти дни в Ревком приводили арестованных, их допрашивали и давали дальнейшее направление. Большими группами приходили в Ревком недовольные советской властью и требовали продовольствия. Приходили безработные и требовали послать их на работу в заводы, приходили солдаты, отпущенные из армии и требовали дать им отсрочку. Но среди этих требований, просьб и недовольства были и курьезы. Так, вдруг сообщают с тревогой, что в имении князя Голицына засели казаки с пулеметами. Немедленно по приказанию Ревкома был отправлен в это имение т. Широков. После проверки и обыска в этом имении никаких казаков и пулеметов не обнаружено, а вместо пулеметов было найдено две деревянных пушки, которые летом выставлялись для красы при входе во дворец. Простому неопытному глазу напуганного обывателя эти деревянные игрушки показались страшным орудием.

Много наделала паники в районе ж. д. ст. Домодедово, а в особенности среди рабочих Константиновской фабрики, проходившая из Каширы по шоссе в Москву сотня казаков. Для выяснения этого был отправлен т. Гришин с шофером на мотоциклетке. Т. Гришину удалось установить, что эта сотня казаков действительно шла в Москву, но, по заявлению казаков, они будто бы были нейтральны, т.-е. не хотели драться ни за белых, ни за красных, а шли просто в Москву смотреть, как дерутся красные с белыми. Разведка Ревкома об этой находке сообщила в Москву задолго до прихода этой сотни казаков, а там были приняты соответствующие меры для встречи этих любопытных зрителей—казаков.

Около недели длились ожесточенные бои на баррикадах и в окопах гор. Москвы. Подольские отряды добровольцев не возвращались из Москвы до полной ликвидации баррикадных боев с юнкерами „за власть Советов". Подольские отряды за время боев в Москве потеряли ранеными 2-х товарищей латышей.

После боев часть отряда была оставлена в гор. Москве для охраны занятых правительственных учреждений, а все остальные вернулись обратно в Подольск. И здесь в честь

возвращения отряда с победой Ревкомом была организована с оркестром музыки приветственная встреча—митинг у помещения Ревкома и Райкома партии (ныне дом профсоюзов), на котором присутствовало более 3000 чел. Возвратившихся добровольцев за стойкую и энергичную борьбу приветствовали от Ревкома и Райкома партии большевиков т. Чижов, т. Буров, т. Колбин и другие.

С ответом на приветствия упомянутых товарищей выступил один из прибывших товарищей-добровольцев. „Товарищи и граждане" говорил он,—„недавно вы нас провожали в Москву на бой с юнкерами. Провожая, многие из вас плакали и в то же время радовались за наш поход на буржуев. Мы свое дело сделали, как подобает рабочим-революционерам. Вернулись живы, здоровы и невредимы. Спасибо вам за проводы, а еще больше за встречу. А мы вам из Москвы и гостинчик привезли". При этом оратор развернул и громко прочитал манифест Военно-Революционного Комитета Московского Совета Рабоч. и Солд. Депутатов.

Ко всем гражданам Москвы.

„Товарищи и граждане.

После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты на голову. Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов-солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть—власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Московская победа закрепляет всемирно-историческую победу петербургского гарнизона и пролетариата. Под грохот мировой войны в столице России центральная государственная власть перешла в руки Всероссийского С'езда Советов. Это власть самого народа: рабочих, солдат, крестьян. Это власть—мира и свободы. Это власть, которая уже предложила мир, передала землю крестьянам, отменила смертную казнь, введенную изменником Революции Керенским. Верховный полномочный орган всей российской демократии выдвинул ее. И всякий, кто поднимет против нее вооруженную руку, будет сметен революционным народом.

Московская буржуазия пулеметами юнкеров и револьверами белой гвардии об'явила восстание против народного правительства. Ей нужно было снова возвратить землю помещикам, восстановить смертную казнь, затянуть дело мира.

Беззаветный героизм солдат и Красной Рабочей Гвардии спас революцию.

Сломив сопротивление врага, Военно-Революционный Комитет об'являет от имени рабочих и солдат:

Все меры будут приняты для восстановления нормальной жизни города.

Фабрики и заводы будут пущены в ход. Банки, конторы и магазины откроются. Все будет сделано для обеспечения города продовольствием. Нарушители революционного порядка – грабители, погромщики, мародеры, торговцы спиртом будут судимы беспощадным судом.

Товарищи и граждане:

Весь мир переживает колоссальный кризис. Война, вызванная капиталом, привела к глубокому потрясению, всколыхнув рабочие массы во всех странах. Повсюду наростает революция пролетариата. И русскому рабочему классу выпала великая честь первому низвергнуть господство буржуазии. Впервые в человеческой истории трудящиеся классы взяли власть в свои руки, своею кровью завоевав свободу. Эту свободу они не выпустят из своих рук. Вооруженный народ стоит на страже революции.

Слава павшим в великой борьбе.
Да будет их дело—делом живущих.

Военно-Революционный Комитет
Сов. Рабоч. и Солд Депутатов".

По окончании митинга все присутствующие на нем разошлись по домам, в деревни, на заводы и фабрики и были лучшими агитаторами в массе рабочих и крестьян.

Затем Подольский Райком партии большевиков провел большую агитацию по раз'яснению рабочим и крестьянам в уезде итогов борьбы за Октябрьскую революцию и об очередных задачах в работе партии большевиков, советов и профсоюзов. Все это широко освещалось тогда в газете „Известия Подольского Совета К. и С. Деп." в 2-х экстренных выпусках и в №№ 18, 19, 20 и 21.

Исполком Совета и профсоюзы после Октябрьской революции еще с большей энергией повели свою совершенно новую работу и усиливали ее на местах, на фабриках, заводах и в деревнях.

Прежде всего Исполком Совета Р. и С. Деп. постановил об'единить работу Совета Р. и С. Деп. с крестьянством. Для этого была избрана и вела работу при Исполкоме специальная комиссия, которая после выборов волостных комитетов об'единила работу Совета, и с 1 января 1918 г. Подольский Совет Р. и С. Деп. уже именовался „Подольский Уездный Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов" и издавал газету „Советская власть".

Выборы в Учредительное Собрание.

Приближалось время выборов в Учредительное Собрание. Для большевиков еще до Октября вопрос с этой пресловутой учредилкой был ясен, но тем не менее большевистская партия готовилась к выборам в Учредительное Собрание, заранее выставив список своих кандидатов. Готовились к выборам Подольский Райком и Совет, представлявшие из себя

нераздельное целое в агитационной работе (товарищи Чижов, Матрозов и друг. входили в ту или другую организацию).

В № 18 „Под. Изв. Р. и С. Д" от 30 октября 1917 г. было напечатано следующее воззвание.

„Ко всем товарищам.

Товарищи, близятся выборы в Учредительное Собрание. Оборонцы всех оттенков, наивные обыватели, мелко-буржуазные утописты ждут от него конца всем бедствиям—конца войны, земли крестьянам, хлеба и воли всему народу, торжества русской революции. Но Учредительное Собрание только тогда будет сильным, когда оно будет опираться на сплоченную силу революционных организаций самого народа и когда в нем самом будет сплоченный и крепкий отряд революционной армии испытанных революционных борцов, когда в Учредительное Собрание крупной сплоченной массой пройдут большевики.

Пролетарская революционная партия—единственная последовательная и непримиримая партия революции—большевики должны сплоченными рядами пройти в Учредительное Собрание.

Но достижение этой цели требует от партии сейчас огромного напряжения всех партийных сил, затраты огромных финансовых средств.

Разноска и распространение литературы, массовая агитационная деятельность, тяжелая работа по проверке избирательных списков, работа в участковых, районных и окружных избирательных комиссиях—все требует сил и денег.

Партия в лице Районного Комитета обращается ко всем товарищам—членам партии и ко всем сочувствующим партии за помощью.

Мы просим товарищей немедленно организовать повсюду сборы в фонд комиссии для нужд кампании по выборам в Учредительное Собрание.

Каждый член партии, каждый примыкающий и сочувствующий ей, обязан принести посильную лепту на необходимое и огромное партийное дело.

Каждый член партии и сочувствующий ей обязан, поскольку он в силах, предоставить на наступающий период избирательной страды к услугам партии свое время, свой труд и свои силы.

Запись желающих предоставить себя в распоряжение избирательной комиссии при Районном Комитете.

Взносы в денежный фонд избирательной кампании вносятся во все заводские партийные ячейки.

От успеха этой предварительной работы зависит и конечный успех, и конечный результат.

Все за работу!

Все за дело!

Да здравствует революционная пролетарская партия большевиков!

Да здравствует ее победа на предстоящих выборах!
Да здравствует революция!
Комиссия по выборам в Учредительное Собрание при Под. Район. Ком. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков)".

Работа в уезде по выборам в Учредительное Собрание.

Были заготовлены агит-листовки и различного рода литература, отвечающая текущему моменту, было организовано несколько собраний агитаторов-пропагандистов для рассмотрения вопросов о текущем моменте и учредительном собрании, но основательно проработать эти вопросы не удалось, не было сил и времени. Был недостаток в агитационных силах. Хороших ораторов, могущих выступать в больших собраниях, было немного. Главным образом выступали: Чижов, Матрозов, Эвальд, Полешко, Шибанов, Мурзов, Карпов, Базина, Широков, Поляков и еще немногие товарищи. Большинство же товарищей могли говорить только в небольшой группе. Пришлось набирать товарищей, мобилизовав для этого чуть ли не всю партию в уезде, и не брезговать даже беспартийными рабочими, близко стоящими к партии и из'явившими желание добровольно итти для агитации в уезд. Таких товарищей набралось до пятка. Все эти товарищи вскоре вступили в партию и некоторые из них работают сейчас на ответственных должностях (например, т. Кондрашов—нарсудья в Подольске). Всего набралось 72 человека*) и т. Сафронов вечером за два дня до выборов распределил товарищей по уезду, подбирая таким образом, чтобы с беспартийным товарищем обязательно шел партийный, а для усиления слабых командировались товарищи посильней. Тов. Домбровская, бывшая в то время секретарем Райкома (председателем Райкома был т. Чижов), снабдила каждого тремя рублями и удостоверением личности, листовками и литературой. Самыми популярными листовками были: „долой большевиков", на которые все набрасывались и сочувствующие, и несочувствующие большевикам. Первых интересовало—почему „долой", а других радовало: „так их и надо". Листовки брались нарасхват.

Накануне выборов, когда все товарищи агитаторы были распределены и уже вели агитационную работу по уезду, т. Сафронов с т. Поляковым, т. Веревкиной и беспартийной учительницей Духовской взял для обслуживания агитацией районы: Ознобишинский, Троицкий—Дубровицкой волости, селения Сатино-Русское и Татарское—Кленовской волости. Пешком отправились они до с. Ознобишино. В Ознобишине остановились отдохнуть в чайной, где роздали пившим чай крестьянам листовки „Долой большевиков". Сейчас же пошел шопот по трактиру: „пришли эсеры агитировать крестьян". Но как только прочитали несколько строчек, то появилась улыбка: „ловко, оказывается, большевики". Нужно сказать, что в то время к большевикам деревня уже относилась с полным доверием.

*) По воспоминаниям т. Сапронова (Сафронова).

Из Ознобишина товарищи двинулись в д. Троицкое, где назначено было вечером общее собрание избирателей района в составе нескольких деревень. Вечером в чайную собралось более 500 человек крестьян, особенно много было женщин. На этом митинге выступали т. т. Сафронов, Поляков и Веревкина, говорившая о правах женщин и о том, что женщины должны помогать новому Правительству—Советской власти и т. д. Митинг прошел очень хорошо, крестьяне остались очень довольны. Присутствовавший на митинге левый эсер Щеголев поддерживал большевиков и рекомендовал голосовать за кандидатов, выставляемых большевиками, потому что левые эсеры не успели выставить своих кандидатов, а от списка, выставленного правыми эсерами, они отказались, т. к. правые эсеры шли в разрез с Советской Властью. Переночевав в дер. Троицкое, товарищи утром пошли в Сатино-Татарский район, поручив т. Полякову одному выступать на митинге Ознобишинского района.

Было утро. Серое, немного морозное. Небосклон был закрыт снеговыми тучами. Но, несмотря на хмурую погоду, чувствовался под'ем сил. Выпал снег, покрывший тонким слоем землю. Товарищи тронулись в путь по Варшавскому шоссе, имея намерение попасть в селение Русское-Сатино, лежащее на правой стороне от шоссе, в версте от дороги. Они полагали, что урна находится в этом селении, но оказалось, что урна была в дер. Сатино-Татарское. Пошли в деревню Сатино-Татарское. Погода сдала, образовалась слякоть. Пройдя березовую рощу, еще желтеющую оставшимися листьями, вышли опять на Варшавское шоссе у Куриловского моста против дер. Сатино-Татарское. Тут сразу бросилась в глаза доска, привешенная на телеграфном столбе с надписью черными буквами по красному полю: „Голосуйте за пятый номер, выставляемый партией большевиков, как отражающий интересы трудящихся". Эту агит-доску прикрепил один крестьянин со своими односельчанами.

В деревне оказалась чайная, куда уже собралось много крестьян. Агитаторы роздали им листовки „Долой большевиков". Когда роздавали, они морщились, потом стали появляться улыбки. Один грамотей, молодой парень, стал читать вслух листовку, делая паузы, где особенно было язвительно и метко сказано против буржуазии и при этом приговаривал: „вот почему ненавидят и кричат „долой большевиков" фабриканты, генералы". Ему вторил весь трактир. Народу собралось много, трактир был уже битком набит, а крестьяне все шли целыми группами. Инициаторы митинга, крестьяне Черняев и другие, предложили занять для собрания только что отстроенный дом. Хозяин этого дома любезно предоставил свое помещение с предупреждением не курить, т.-к. везде валялись стружки, лежала грудами неубранная щепа. Крестьян собралось около 500 человек. Здесь были старики, женщины, под-

ростки, вернувшиеся с фронта солдаты и прибывшие солдаты в побывку.

Открыли митинг. Тов. Сафронов первый сделал доклад, занявший времени часа полтора. Говорил о только что происшедшем октябрьском перевороте, о внутреннем положении и об отношении к войне. Когда заговорил о войне, вырвавшей цвет деревни и разорившей страну, у многих крестьян появились на глазах слезы. После говорила т. Веревкина опять о необходимости участия женщин в Советском строительстве и о равноправии женщин. Далее говорила т. Духовская о народном образовании и указывала крестьянам на необходимость поднятия своего культурного развития, чтобы успешней строить свое хозяйство и хозяйство страны в целом. Масса была наэлектризована до крайности. Павшим бойцам на Московских баррикадах пели несколько раз вечную память С обнаженными головами грустно пропели „Вы жертвою пали". По окончании митинга, уже к вечеру, товарищей покормили обедом и, прощаясь, просили быть еще и поговорить о крестьянских нуждах. По дороге встретились опоздавшие крестьяне из соседних деревень и просили им рассказать что нибудь. Но было уже поздно. Им раздавали оставшиеся листовки.

Вся агитационная кампания по отчету, поставленному на общепартийном собрании, прошла хорошо. Посланные товарищи удачно справились со своей миссией. Нигде ни у кого не произошло заминки. Деревня была на стороне большевиков. Деревня убедилась, что только большевики ставили вопрос о земле и о войне смело и решительно.

ГЛАВА XIV.

КАК ОРГАНИЗОВАЛАСЬ КРАСНАЯ ГВАРДИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ В Г. ПОДОЛЬСКЕ.

(Воспоминания Б. Я. Эвальда).

Еще весною 1917 г. из наиболее энергичных и опытных в боевом отношении товарищей выделился штаб Красной Гвардии по образцу 1905 г. В этот штаб входили т.т. Бергман, Мезис и Рейнсон.

В то время в составе Подольской организации РСДРП преобладали латыши (рабочие завода „Земгор"), горячие сторонники большевиков; среди остальной, меньшей части, было много меньшевиков. Мне, как председателю Подольского Районного Комитета Партии, довелось принять близкое участие в первоначальных мероприятиях по организации Красной Гвардии. Многие товарищи по собственному почину начали за свой счет энергично самовооружаться револьверами и холодным оружием. С самого начала работа Красной Гвардии велась совершенно конспиративно, хотя партия работала открыто.

Главной заботой было возможно скорее и полнее вооружить наиболее выдержанных и преданных делу товарищей, сохраняя это дело в тайне. Уездным Комиссаром Временного Правительства Кругликовым был издан приказ об обязательной регистрации оружия, без чего ношение и хранение оружия воспрещалось. Не смотря на это, гвардейцы оружия не регистрировали, за исключением некоторых, о которых всем было известно, что они имеют оружие. Штабом Красной Гвардии были приняты на учет все годные для дела охотничьи ружья, карабины, русские, японские, австрийские, американские винтовки, старые берданки, шашки и штыки разных образцов. Многое из имеющегося оружия представляло собой простой хлам. Возможные починки оружия производились негласным порядком на заводе „Земгор".

Оружие добывалось разными путями: револьверы главным образом покупались самими гвардейцами за свой счет и где попало, через знакомых, от демобилизованных солдат и просто на толкучке. Ездили даже в Ленинград, Тулу и др. города. Такими путями приобретались и револьверные патроны. Также за свой счет покупались охотничьи ружья, порох и дробь.

Берданки и сабли были отобраны у полиции. Их было около 16—20 шт. Винтовки вначале добывались у солдат, а после их удалось получить из Москвы, кажется, из штаба Красной Гвардии.

Эвальд Б. Я.

Большие затруднения были с хранением оружия. Револьверы и дробовики находились дома у самих гвардейцев, а винтовки, берданки и сабли первоначально хранились дома у т.т.Бергмана, Мезиса и др. хорошо спрятанными. С переходом Совета и Подрайкома партии в имение Бахрушина было перенесено туда и оружие, которое хранилось в шкафу, заделанном в стене. После какого-то тревожного события оружие было роздано по рукам, чтобы в любой момент быть на готове.

Часто устраивались практические занятия с Красной Гвардией. Стрельбу в цель производили где-либо в лесу, подальше от города, или в каменоломнях на левом берегу Пахры, против бывш. имения Бахрушина. В таких случаях выставляли дозоры на подходы к месту стрельбы, которые должны были сообщать о приближении нежелательных гостей. В таких случаях охотничьи ружья служили хорошей маскировкой. В то время одиночные выстрелы были обыкновенным явлением, и обыватели на это мало обращали внимания.

Было общеизвестно, что в Подольске есть Красная Гвардия, но, за исключением самих гвардейцев и некоторых ответственных членов партии, никто определенно не знал, где она находится, какой ее состав, какое вооружение и пр. Были случаи, когда меньшевики и эсэры в Комитете общественных организаций жаловались на существование в Подольске двоевластия: Совет под руководством большевиков и при поголовной поддержке рабочах не подчинялся контр-революционным распоряжениям ставленника Временного Правительства Кругликова.

Тогда был поднят вопрос о необходимости ликвидации Красной Гвардии, которая „против кого-то вооружается". Мы, как представители Совета, заявили, что если кто из рабочих с разрешения комиссара Кругликова и имеет оружие для самозащиты, то это не есть вооружение Красной Гвардии.

Тем временем Красная Гвардия деятельно пополняла свои ряды и вооружение: Были получены еще новые винтовки, револьверы и ручные гранаты. Тов. Калнин привез 60 ящиков винтовочных патронов. Установилась более тесная связь с Москвой. Отряд приводился в полную боевую готовность. Корниловщина дала этому еще лишний толчек.

Из наиболее выдающихся и преданных, принимавших тогда активное участие, были следующие товарищи красногвардейцы: Эвальд, Колбин, Гейдеман, Гайгаль, Аузин, Калнин, Авенек (последний погиб на служебном посту). Эти отряды были еще созданы до Октябрьского переворота при Керенском и вели самую энергичную подготовку для свержения Временного Правительства.

В Октябрьские дни Красная Гвардия приняла непосредственное участие в Московских боях.

Из последующей жизни Красной Гвардии отметим одно происшествие, связанное с продовольственными затруднениями в г. Подольске.

Продотряд во главе с тов. Петровым А. Ф.

Под влиянием меньшевиков, эсеров и буржуазии, на почве недостатков продуктов в городе, была попытка разгромить Совет. Собралась большая толпа, которая ворвалась в помещение Исполкома и произвела насилие над некоторыми членами Исполкома и Райкома, особенно пострадал т. Эвальд. В этот момент подоспели красногвардейцы и скоро удалось водворить порядок.

Большинство красногвардейцев были латыши, против которых особенно была ожесточена буржуазия, агитировавшая за их разоружение.

В это время начальником Красной Гвардии был т. Бергман, уехавший в скором времени на фронт с отрядом. Его заменил т. Пиртнек. Отряд Красной Гвардии в это время находился за рекой в помещении быв. управления воинского начальника. Отряд был довольно хорошо организован. Перед Красной Гвардией стояла задача не только охраны города, но и забота о внешнем фронте (в марте месяце 1918 года).

В последних числах марта был организован Военно-Революционный штаб в составе т. т. Чижева, Петрова, Карпова, Пиртнек, Ходырева, Рейнсон и Колбина (комиссар Юстиции).

В задачу Революционного Штаба входило, между прочим, собрать контрибуцию с местной буржуазии, ибо организациям трудно было без средств формировать красно-гвардейские отряды для отправки их на фронт.

В одном помещении с революционным штабом была еще одна организация — аппарат бывш. воинского начальника, во главе которого стоял тов. Качкин С. Н. Он нес функции по демобилизации солдат старой армии и освидетельствованию медицинской комиссией прибывающих с фронтов.

В виду такого положения этому аппарату, как имевшему дело с живой массой, после Октябрьского переворота безусловно пришлось связаться с местным Советом РКСД. Вскоре после Октябрьского переворота он был переименован в Учетный отдел Подольского Совета.

В таком положении эти две организации—Революционный Штаб и Учетный Отдел Совета—существовали в одном помещении самостоятельно друг от друга вплоть до организации Военного Комиссариата.

Военный Комиссариат создался на основании декрета СНК от 8 апреля 1918 г. и согласно предписания Московского Губернского Военного Комиссариата приказом по Подольскому Военкомату от 15-го июня за № 15 во главе с двумя комиссарами: первым был— И. Н. Карпов, вторым—Я. М. Ходырев.

До начала первой мобилизации (август 18 г.) Красная Армия носила добровольный характер, и Военному Комиссариату приходилось принимать этих добровольцев, формировать и отправлять на фронт.

В первых числах июня 1918 года при Уездном Военном Комиссариате были сформированы пулеметная школа во главе с инструктором А. В. Коростелевым (бывш. офицер) в количестве 33 чел. красноармейцев и первая местная рота особого назначения. Рота и школа были организованы из добровольцев.

Надо отметить, что до организации Военного Комиссариата в Революционном Штабе очень сильно чувствовался недостаток в работниках. В Революционном Штабе был единственный технический работник Н. Г. Кожин. Поэтому с преобразованием Рев. Штаба в Военный Комиссариат военкомат находился в затруднительном положении в подборе работников. Товарищи, стоявшие во главе Комиссариата, в особенности тов. Карпов, никак не соглашались брать спецов—бывших офицеров. Поэтому по строевой части он подбирал бывших унтер-офицеров и рядовых ребят, а по технической части для работ в Комиссариате брал работников из рабочих и крестьян, бывших писарей. Работа этих лиц проходила в полном контакте с Комиссарами, а главное все делалось коллективно: там, где не мог один справиться, решали всегда коллективно.

С 20 июня для охвата работы в общеуездном масштабе уезд был разбит на 4 района, на 4 районных волостных Комиссариата, с пунктами: 1-й район в с. Воронове—т. Балакирев, 2-й район в с. Острове—т. Петров Леонид, 3-й район в Шебан-

цевской вол.—т. Белянчик и 4-й район в Десенской вол.—т. Грыжин А. И.

Вот такова была первоначальная структура Подольского Военкомата.

В общем штат гарнизона с районными Военными Комиссариатами доходил до 150 человек.

Хозяйственная часть, в отношении снаряжения и боевых припасов гарнизона, обстояла более благополучно, но с продовольственным снабжением дело обстояло очень плохо: из Губвоенкомата почти ничего не отпускали и приходилось изыскивать средства питания в местных организациях и частью удавалось доставать продовольствие из местного продкома. Несмотря на то, что красноармейцы тоже получали только $^1/_8$ ф. хлеба, все-же, благодаря удачному подбору, работа шла дружно. Надо отметить большую энергию т. Матвеева И. П. (бывш. председателя Уисполкома), который отвергал всякие попытки к неправильному разбазариванию продовольствия.

В таком положении Военный Комиссариат подошел к первой принудительной мобилизации.

По мере развертывания борьбы с буржуазией, которая также стала организовываться в белогвардейские отряды и организованно наступать, к августу 1918 г. образовались уже фронты, для которых было недостаточно сил добровольной армии. Со времени организации Военных Комиссариатов уже чувствовалось, что переход к принудительным мобилизациям будет неизбежен. В это время Военный Комиссариат переживал полную ломку старого; вся старая машина бывш. воинского начальника ушла в область предания, все было разрушено. Все надо было создавать по новому, и вот этой новизной дела обуславливались те затруднения, с которыми приходилось сталкиваться в практической работе. Руководства из центра было трудно дожидаться, ибо и там находились в таком же положении, поэтому здесь на местах приходилось вести работу по собственной инициативе.

16-го августа 1918 г. была об'явлена всеобщая мобилизация рабочих, родившихся в 1896 и 1897 г.г., а также рабочих, служивших ранее унтер-офицерами в строевых частях, родившихся в 1893—1895 г.г.

Надо отметить, что благодаря работе некоторых сотрудников бывш. Воинского Начальника, которые уже имели богатый опыт в этом деле, в лице т. Качкина С. Н., Байкова Н. П., Турланова Б. Б. и Изюмова И. Л., первая мобилизация под руководством тов. Карпова была проведена очень удачно, своевременно и без всяких недоразумений. Тогда же все мобилизованные были отправлены в части; Комиссариат работал день и ночь, отправки шли очень хорошо, на сборном пункте все мобилизованные удовлетворялись продовольствием. Мобилизованные никаким обмундированием здесь в Подольске не удовлетворялись и отправлялись в своем обмундировании.

24-го августа была об'явлена вторая мобилизация, а за ней последовали быстро и другие. Впоследствии начали призывать разных специалистов, как-то: бывш. офицеров, врачей, фельдшеров, лекарских помощников, чиновников, артиллеристов, а также служивших ранее в инженерных и технических войсках.

Согласно декрета СНК 3-го сентября были произведены регистрация и учет буржуазии и нетрудового элемента от 18-ти до 45 лет. Надо отметить, что в конце приказов тогда делались добавления, что неявившиеся будут рассматриваться, как враги революции и преданы суду Ревтрибунала. Вследствие этого буржуазия шла в Комиссариат толпами, и многие спрашивали: разберитесь, к какому классу я принадлежу.

После первых мобилизаций на Военный Комиссариат была возложена не менее сложная работа по обязательному обучению военному искусству рабочих, работавших на фабриках и заводах, в мастерских, экономиях, деревнях, и крестьян, не эксплоатирующих чужого труда, в возрасте от 18-ти до 40 лет.

Не останавливаясь в отдельности на каждой мобилизации, приходится только отметить ту колоссальную работу, которую постепенно проделывал Военный Комиссариат с одной стороны по проведению различных мобилизаций и с другой по созданию прочного штата и способного мобилизационного учетного аппарата. Надо сказать, что это полностью удалось осуществить с одной стороны благодаря твердой руки т. Карпова, а с другой стороны благодаря умелой, энергичной и самоотверженной работы его ближайших технических помощников, начальника канцелярии Качкина, начальника мобилизационного отдела т. Байкова, секретаря т. Кожина, которым приходилось непосредственно построить аппарат здесь в Подольске, а также инструктировать, информировать и налаживать работу в волостях, ибо в начале 1918 г. существовавшие районные Комиссариаты были упразднены и было создано одиннадцать волостных Военных Комиссариатов (по числу волостей).

1918—1919 г.г. в особенности были годами самой тяжелой практической работы, годами организации и реорганизации аппарата, как в центре, так и на местах. Страна переживала тяжелое время и нужно было напрячь все силы, чтобы выйти победителями из борьбы.

В эти годы центру, благодаря поддержке и опыту с мест, удалось уже встать на прочные рельсы и выработать свою систему и соответствующие инструкции, положения и руководства. 1919 год был самым боевым в отношении проделанной работы: Военному Комиссариату пришлось на ряду с мобилизацией производить учет людей, лошадей, повозок, упряжи и т. п.

В это время Военный Комиссариат в жизни уезда играл доминирующую роль: в Комиссариат шло все население подчас с вопросами, к нему не относящимися, шли за пособиями, за льготами, шли за отсрочками от призыва, шли для осви-

детельствования, шли по земельным вопросам, каковые вопросы возникали в волостях, благодаря призыва того или иного родственника, шли по учетным вопросам, шли с жалобами, обидами, были случаи, что в Военкомат шли и по бракоразводным делам; приходилось сталкиваться с тяжелыми картинами, когда призывали последнего работника, главу семьи, но тогда льгот не было, и Военкомат ничего сделать не мог.

В эти годы Военный Комиссариат представлял всегда из себя кишащий муравейник, военный лагерь, где днем и ночью бурлила и кипела работа и руководителям его приходилось по неделе не выходить из стен Комиссариата.

Кроме того Военный Комиссариат нес охрану зданий заводов, охрану гарнизона и поддерживал спокойствие в городе и уезде; при малейшем неспокойствии ему всегда приходилась быть на чеку.

Население таило глухое недовольство против Военного Комиссариата за то, что он все брал, разыскивал укрытое и укрывающихся. Открыто это недовольство не выражалось, но работать при таких условиях было очень трудно.

Приходилось то и дело делать переучет людей, лошадей, повозок, упряжи, а с людьми так и вовсе не было возможности точно установить учет, ибо люди текли, как вода: убывали, прибывали, снимались с учета, а в большинстве и не снимались с учета, уезжали, приезжали. Все это заставляло Военный Комиссариат действовать энергично, иначе можно было развалить всю уездную работу.

Открытое недовольство населения вылилось только в середине 1919 г. на почве скопившегося в уезде массового дезертирства, что тогда наблюдалось вообще повсеместно.

При Военном Комиссариате к этому времени существовала комиссия по борьбе с дезертирством. Председателем ее был тов. Папков, который вел энергично борьбу с дезертирством. Эта комиссия располагала большими полномочиями и возможностями, вплоть до конфискации имущества, взятия заложников и даже расстрела.

ГЛАВА XV.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

13 февраля 1918 г. вооруженный отряд под руководством Чижова вошел в Городскую и Земскую Управу и таким образом захватил в свои руки всю работу в городе и в уезде. Работа предстояла громадная и трудная. Она была разделена между всеми товарищами, на имя которых в Исполкоме были изготовлены приказы и мандаты. „Мне,—говорит т. Титов,—было предписано: „С сего числа вы назначаетесь Народным Комиссаром Народного Образования".

В это время в Подольске был организован целый ряд Комиссариатов. „Комиссариат" в Подольске—теперь это странно звучит. Я сам на себя удивляюсь, как я мог работать по народному образованию. Ко мне обращались за раз'яснением очень сложных вопросов по народному образованию, в которых я ровно ничего не понимал. В тот момент вся интеллигенция и особенно учительство, главным образом Московское, бастовало. Наше здешнее Подольское учительство бастовать не рискнуло. Оно вело итальянскую забастовку, т.-е. не бросило школы, но и не вело работы в них. Моим верным помощником была учительница Любовь Ивановна Борисова.

Несмотря на громадные трудности и на нашу неопытность, мы сумели, в конце концов, в Подольске и в Подольском уезде поддержать школы в таком хорошем состоянии, что некоторые школы были лучше поставлены, чем даже в Москве".

Воспоминания учительницы Борисовой Л. И. знакомят с той громадной работой, которую пришлось проделать в тяжелые 1918—20 г. г. для создания трудовой советской школы.

Воспоминания Л. И. Борисовой.

1-е общее собрание учителей Подольского уезда происходило в марте 1917 г. в б. Ремесленном училище. На нем присутствовала вся земская и городская интеллигенция Подольского уезда. Зал набит. Дышать нечем.

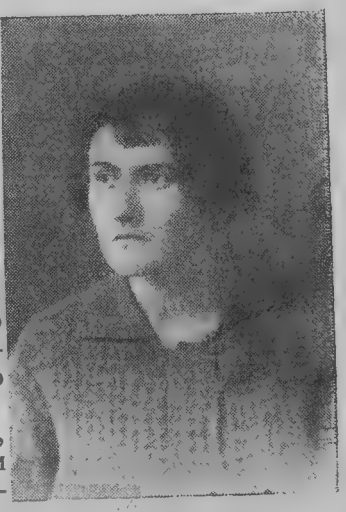
Разбирается устав учительского союза. Вот пункт об аполитичности союза.

Бросается кровь в голову, режет сознание мысль: да как же так? Как может быть, чтобы интеллигентному человеку было все равно, в каком государстве он живет и в чьих интересах работает?

Вношу изменение: „Учительский Союз должен встать на платформу рабочих профессиональных союзов и одной из задач его является политическое воспитание учительства".

В зале забушевало море: застучали стульями, закричали все, зашумели; интеллигентный зал превратился в конюшню.

Изменение не было принято, началась борьба. В результате ее в 1918 г. удалось организовать новый союз учителей трудовой школы—коммуны из 17 т. т. В него входили кроме меня следующие т. т.: И. В. Бурцев, М. Г. Львова, М. И. Борисова-Сухарева, Скворцова, Мисюревич М. А., Абраменков из Молод. вол., Билибина А. Н. и друг. Этот союз встал на платформу рабочих профсоюзов и основной его задачей было до конца помогать УОНО в строительстве новой школы.



Борисова Л. И.

В 1918 г. мне пришлось быть на 1-м С'езде по Народному Образованию в Наркомпросе. Мало было там учительства, а больше рабочие комиссары по народному образованию.

Не могу не вспомнить момента, когда неожиданно, молниеносно к нам явился В. И. Ленин. Все замерло сначала, потом оглушительный гром аплодисментов. Начинает говорить.

Не могу оторваться от чуть-чуть прищуренных глаз, ловлю каждое слово. Он разоблачал перед нами ошибки меньшевиков и эсеров, указывал на задачи и роль учителя в революции.

Также быстро исчез, как появился.

С большим энтузиазмом продолжали мы работать.

В 1919 г. мы реорганизовали союз трудовой школы в Союз Раб. Просвещения и к нам начали переходить с той стороны, но старые, „закоренелые" вели борьбу с нами до конца, не брезгуя никакими средствами.

Борьба велась долго и закончилась она расслоением учительства. Часть учительства, пошедшая за Советской властью, отдала много сил на работу по строительству советской школы.

Школа в 1917 году находилась в руках учителей, не понимавших задачи рабочего движения, учителей, слепо шедших за своими товарищами из „кадетствующих" заправил старого Всероссийского Учит. Союза.

До Октября 1917 г. в Подольском уезде не замечалось сколько-нибудь ощутительного развития школьного дела, не было почти ничего сделано в смысле реорганизации старой школы. Родительские комитеты состояли из местной буржуазии и высших служащих местных заводов. Эти комитеты и школьные советы зорко охраняли учащихся от революционного влияния. Был такой, например, случай, что меня в апреле—мае

1917 г. постановили исключить из числа педагогов 1-й школы за вредное влияние в среде учащихся, за внесение политической борьбы в жизнь школы, и только один педагог А. С. Владимирский, уже после голосования за мое исключение, поднял вопрос о временном оставлении меня в школе, предложив сделать предупреждение и указав на непедагогичность моего поведения.

Учащиеся бывшей женской гимназии и реального училища с'организовались и ввели своих представителей в школьные советы. Из предметов в школе „закон божий" был оставлен, но сделан был необязательным для прохождения.

Положение учительства в материальном отношении было очень плохое, так как нам по несколько месяцев не платили жалованья.

Резкий перелом наступил после Октября, когда организован был уездный Комиссариат по Народному Образованию. В нем, правда, вначале не было людей, знающих жизнь и работу школ, но заведующий т. Титов, рабочий от станка, с практикой революционной борьбы, хорошо знал, что нужно ломать старую школу и нужно строить новую, положив в основу ее трудовые принципы воспитания.

Учительство враждебно отнеслось ко всем начинаниям Унаробраза и не оказало ему помощи на первых шагах его работы. Помню, как в начале 1918 года меня вызвали с урока в Унаробраз и заведующий (т. Кожевников) просил меня помочь им в работе.

Не бросая школьной работы, я с жаром принялась за работу в Уоно. Пришлось работать по всем отраслям и школьного, и внешкольного дела.

Унаробраз в это время организовал курсы по переподготовке учителей. На этих курсах читали: проф. Рейснер и Крупская Н. К.

Мне пришлось несколько раз быть в Наркомпросе по делу об организации курсов.

Какая там кипела работа. Простая товарищеская обстановка. С какою радостью встречали советских учителей, с какой готовностью помогали им перевоспитывать старое учительство.

Подольский Унаробраз, кроме организации курсов, провел учительский с'езд и ряд об'единенных школьных советов.

Новые методы работы воспринимались туго, в болезнях рождалась новая школа. Особенно трудно усваивались трудовые навыки. Было много непонимания: и колка дров, и мытье полов иногда принимались за трудовые навыки в школе.

В школы I-й и II-й ступени введено было самоуправление. Выброшен „закон божий". Введено обществоведение.

Учащиеся II-й ступени были против реорганизации школы и особенно буйно вели себя в б. Реальном училище: ломали столы, стулья, однажды зажгли в классе костер, но, к счастью, скоро огонь потушили.

Работали с учащимися и на уроках, и на собраниях, и в кружках.

Начальница старой гимназии, покидая свой пост, напутствовала меня след. словами: „Будьте вы прокляты, не будет вам счастья на земле".

Строить новую школу для пролетарских детей было высшим счастьем и лучшей радостью. Проклятия подливали масла в огонь. Позднее в 1919 и 1920 г. г. вновь организовались курсы для учителей, так как от них во многом зависела реорганизация школы.

Новые методы начали проникать в работу школы, но настроение большинства оставалось то же. Помню, 1-го Мая 1918 г. в демонстрации не шло ни одной школы, ни одного ученика кроме детей Детского Дома.

Помню, как со слезами на глазах говорил т. Чижов Н. Г. на митинге о воспитании ребят. Рабочие организации с большим желанием помогали УОНО в работе по воспитанию детей. Помню, как мы проводили неделю ребенка. Все заводы делали сборы, отчисляли, кто что может.

Дело разрушения старой школы и строительства новой было сделано руками рабочих с помощью незначительного количества интеллигенции из народа.

Борьба с неграмотностью в Подольском уезде началась еще до издания декрета о ликвидации неграмотности.

При Уисполкоме была организована Чрезвычайная Комиссия по ликвидации неграмотности.

В 1919 г. УОНО было зарегистрировано по уезду 9.792 ч. неграмотных, которые подлежали обучению. Часть из них была освобождена от обучения, оставалось подлежащих обучению 8.174 ч., из них посещали организованные школы 4.725 чел. (организовано было 246 групп). В городе посещали школы 300 чел. % посещаемости был 55. Самая лучшая в смысле посещаемости была Вороновская волость.

Трудно было посещать школы женщинам. Не хватало учебных пособий, в деревне мало было керосину.

В 1919 году УОНО были организованы курсы по политпросветработе для инструкторов по ликвидации неграмотности и курсы работников ФЗМК.

В 1919 году организованы были первые курсы для рабочих подростков. Пришлось договариваться с союзами и администрацией об освобождении подростков на 4 и 2 часа от работ. Таким образом было положено основание школам ФЗУ в Подольском уезде.

Только 1-е курсы для подростков были общеобразовательные. Подростки работали в заводе и учились на курсах в освобожденное от работ время. Курсы помещались в 1-й школе (б. женск. гимназия).

В 1918 и 1919 г. г. организовали 1-е курсы для рабочих в помещении б. Реального училища.

Из видов внешкольной работы развивалась библиотечная работа и художественная. Помню, мы применяли между прочим и такой вид работы: поездки автомобиля-грузовика в деревни с агитатором и кружковцами. Ездили в Каменку, Бабенки, Вороново, Ознобишино, Кленово. Мещерское, Троицкое, на фабр. „Красн. Узбекистан“ и т. д. По приезде в деревню обычно располагались на поляне и с автомобиля разыгрывали инсценировки революционного характера, выступали декламаторы, разсказчики и т. п. Собирали много крестьян на эти представления.

Можно смело сказать, что все дело политпросветработы вынесли на своих плечах в Подольске рабочие профсоюзы.

В 1917 году крупную роль играл центральный рабочий клуб, он имеет славную историю революционной работы.

ГЛАВА XVI.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ РАБОТА ПОДОЛЬСКОГО СОВЕТА.

Нужно было строить Советское государство, надо было обеспечить рабочих от вымирания, голода и вести борьбу с контр-революцией. С первых-же дней захвата власти эти трудные задачи стояли перед партией и Советской властью в целом, а в частности и перед Подольской партийной организацией, уездным Исполнительным Комитетом, волостными Исполкомами и сельским Советами. Помня в повседневной работе об этих задачах, каждый сознательный работник чувствовал на любом деле, при исполнении всякого поручения, свою ответственность перед трудящимися и напрягал все усилия к тому, чтобы итти по верно—намеченному пути, не останавливаясь ни перед какими трудностями.

Явилась необходимость более планомерно поставить работу, подразделив Исполнительный Комитет на нижеследующие отделы:

1) Экономический, в который вошли т.т. Широков, Чижов, Бунгш, Залевский, Эвальд, Жаров, Финогенов.

2) Продовольственный: Нарышкин, Поляков, Осипов, Лукин, Петров И. П., Рамахин.

3) Следственная Комиссия: Ильин, Моисеев и Осипов.

4) Комиссариат Юстиции: Матрозов, Гусаров и Колбин.

В Президиум для постоянной работы были выделены Матрозов, Петров А. Ф. и Сафронов.

Жизнь выдвигала в эти годы большие требования и громадные трудности. Надо было прежде всего изыскивать продовольствие для Красной армии и рабочих, работающих на предприятиях.

Не раз председателю Исполнительного Комитета А. Ф. Петрову вместе с председателем продовольственного совещания А. Лукиным приходилось прибегать к крайним мерам: останавливать на ст. Подольск хлебные грузы, идущие в адрес Моссовета, и разгружать их, чтобы накормить голодающих рабочих. Средств не было, а нужд, сколько угодно. На заседании Исполкома был ребром поставлен вопрос, где взять денег, и решили наложить контрибуцию на буржуазию.

Затем продовольственная разверстка, которую в полной мере начали проводить в уезде с 1920 года, требовала значи-

тельного напряжения сил и энергии всего Советского аппарата; в процессе ее выполнения было, к сожалению, не мало столкновений с крестьянским населением.

Уисполком*) получал от Моссовета задания на взимание с населения уезда продуктов в суммарных цифрах на весь уезд. Необходимо было разверстать эти цифры на каждую волость, а каждую волость на отдельные селения. На первый взгляд кажется это дело очень легким, но, за отсутствием статистических данных о пахотной площади, количестве скота, эта задача была весьма трудная, и Уисполкому приходилось вести кропотливую работу по розыску в архивах старых сведений, прорабатывать их и только тогда давать распоряжения по волостям о количестве продуктов, которые каждая волость должна была доставить в Упродком.

Такую же работу проделывали Волисполкомы, давая распоряжения сельсоветам, а сельсоветы в свою очередь производили разверстку по отдельным дворам и стремились больше всего взять с кулака, меньше с середняка и совсем освободить бедняка, но, к сожалению, это не всегда удавалось.

Практическое выполнение разверстки требовало много времени и напряжения сил для того, чтобы сгладить все шероховатости, вытекающие в процессе ея выполнения Мы знали, говорит т. Матвеев, что разверстка трудна для населения, но она была необходима для выполнения общих задач, в противном случае нас раздавит классовый враг и аннулирует все завоевания трудящихся, добытые в Октябре 17 года.

Нельзя далее не остановиться на вопросе о трудовой повинности, которую должно было выполнять все население уезда, за исключением рабочих, работающих на государственных предприятиях.

Трудовая повинность была введена только потому, что обстановка того времени требовала максимальных сил для поддержания всего народного хозяйства от окончательного разрушения. Население Подольского уезда было привлечено к общественной трудповинности по заготовке и вывозке дров на станции железных дорог и к государственным предприятиям уезда. Крестьяне неохотно выполняли эту обязанность, постоянно были жалобы с их стороны на отсутствие пил и колунов для пилки дров, а также на ветхость крестьянского транспорта и слабость лошадей благодаря плохому корму. Уисполком все это учитывал и помогал, чем мог, зная, что возражения крестьян в большинстве совершенно справедливы. Но таково было положение: если остановится подвоз дров к станциям, встанут поезда, а это принесет большое бедствие всей стране вообще и в частности населению уезда. Без дров фабрики и заводы уезда остановятся, больше 14.000 рабочих окажутся безработными, а, главное, фронт будет отрезан от тыла без всякой помощи и несомненно будет обречен на верную гибель.

---

*) По воспоминаниям т. Матвеева.

Переходя к вопросу о промышленности и торговле, надо отметить, что торговли до новой экономической политики не было и, если поступали какие либо товары в Упродком и кооперативы, то они по карточкам выдавались бесплатно, что же касается промышленности, то в этой части партийными организациями и органами Советской власти, при активном участии рабочих бывшего Зингерского и Земгорского заводов, проделана была громадная работа. После Октябрьской революции завод Земгора остановился совсем. Прекратилось производство швейных машин и на бывшем Зингерском заводе. Рабочие этих заводов, как революционный авангард, не растерялися, учли, что нужно было в то время Советской республике. Прежде всего для жел. дорожного транспорта нужны были паровозы, а для фронта патроны и другие принадлежности. При помощи уездных органов власти инициативная группа рабочих добилась разрешения в центре на достройку завода бывшего Шамшина и Вишнякова, что и было выполнено с честью. Новый (паровозо-строительный) завод в момент

Завод Шамшина и Вишнякова.

тяжелого положения Республики оказал большую помощь по ремонту паровозов. Не меньшую пользу принесли Республике патронный и оптический заводы, переведенные из Ленинграда в тот момент, когда белогвардейские банды напрягали все усилия захватить их в свои руки. Совместно с заводами прибыло значительное количество и рабочих. Уисполком принимал все меры дать помещение рабочим и с этой целью в распоряжение патронного завода было предоставлено несколько домов в городе, а также бывшее имение Ивановское. Патронный

завод был необходим Республике в этот тяжелый момент сжимания огненного кольца вокруг нашей Республики, когда Мамонтов подходил к Туле. Если бы ему удалось захватить Тулу, во всей стране остался-бы единственный Подольский патронный завод и только бы он снабжал Красную армию боевыми патронами. Без перебоя работала и текстильная промышленность уезда, а также и другие мелкие предприятия за исключением тех, продукция которых в то время не могла быть использована.

В заключение мы должны сказать, что все это происходило до 1921 года при политике военного коммунизма. Здесь много было отрицательного и тяжелого для населения, но только с помощью военного коммунизма Ком. партия и Советская власть привели трудящихся к победе. Эта победа над капиталистами стала возможной только потому, что пролетариат и крестьянство, об'единившись вокруг Советов, проявили чудеса героизма и беззаветного служения революции. Наша голодная Республика в момент гражданской войны сумела создать непобедимую Рабоче-Крестьянскую Красную армию.

Сила Красной армии удесятерялась поддержкой красного тыла, где рабочие и крестьяне проявляли не меньший героизм. Страдая от голода и других лишений, сознательная часть населения все же понимала стоящие перед Советскою властью задачи и отбрасывала в сторону свои личные интересы. При крепкой спайке рабочих и крестьян вокруг Советов, под руководством Коммунистической партии, к началу 1921 года окончательно были разбиты белогвардейские банды, и только тогда Советская власть могла заняться внутренним строительством.

Прежде всего вместо разверстки был введен продналог, т. е. у крестьянина Государство брало только часть его продукции, а остальное оставалось в его распоряжении на улучшение хозяйства. Такой переход к продналогу само собой выдвигал и свободную торговлю. В сущности продналог означал переход к правильному товарообмену между городом и деревней. С переходом к Н. Э. П., также внесено было изменение и в организацию промышленности, а именно госпредприятия были переведены на хозрасчет, т. е. поставлены в такие условия, когда каждый завод, каждая фабрика должны были учитывать условия торгового оборота и проявить способность к дальнейшему развитию. В то же время мелкая промышленность была передана в частные руки на арендных началах при условии соблюдения всех Советских законов по охране труда. Уездные работники не сразу усвоили начала новой экономической политики. Были колебания. Были дискуссии, но большинство ответственных работников очень скоро встали на правильный путь.

Перед Уисполкомом с самого начала встала задача по изысканию денежных средств, ибо во времена военного коммунизма этим занимались меньше всего, так как в то время деньги почти никакой роли не играли, и каждый рабочий,

каждый сотрудник советского учреждения больше интересовались пайком, но не денежным вознаграждением. Новая экономическая политика в корне все это изменила, так как все необходимое для жизни можно было приобрести только на деньги. Понятно, на первое время в Уисполкоме никаких денежных средств не было, а жизнь требовала этих средств. Центральные органы власти ввели целый ряд налогов, дали директиву, как ввести хозяйственные предприятия с пользой для Уисполкома, но в то же время целый ряд расходов переложили на доходы Уисполкома. Потребовалось составление финансового плана (бюджета). Нужно было с одной стороны составить доходную часть, изыскать источники дохода и в то же время провести разумную классовую линию.

Нужды было так много, что Уисполком не знал, за что прежде всего взяться: школы, детские дома, больницы, как в городе, так и в уезде, существуя без ремонта несколько лет, разваливались; мосты, шоссейные дороги настолько были разрушены, что крестьяне не могли подвозить в город продналог и топливо. Водопровод, электрическая станция почти не работали. Все нужно было ремонтировать, а средств не было, так как доходов едва хватало на зарплату учителям, врачам, сотрудникам отделов Уисполкома, на приобретение продовольствия для детей детских домов и больным, находящимся в лечебницах, и, наконец, на медикаменты, которых во всех лечебницах было весьма ограниченное количество.

На первом году новой экономической политики Подольский Уисполком много поработал по сбору пожертвований в пользу голодающих, так как неурожай в Поволжье заставил Советскую власть употребить всю силу и энергию по призыву всего трудящегося населения на помощь голодающим. Но в силу общей бедности трудящиеся дать много не могли, а потому Советская власть решила из'ять церковные ценности из церквей Республики.

Работникам уезда пришлось провести практически это мероприятие. Много было дефектов при из'ятии ценностей, но тем не менее эта работа Подольскими работниками выполнена сооевременно, и ценности были сданы по назначению.

Второй бюджетный год прошел несколько лучше, хозяйство уезда стало крепче, доходов больше, а поэтому Уисполком уже имел возможность кое что и подремонтировать.

В третьем же бюджетном году положение значительно улучшилось: бюджет был без дефицита, и Уисполком имел возможность расширить свой производственный план. Ремонт школ, больниц, детских домов был уже произведен в большем размере, был капитально отремонтирован водопровод в городе, замощена Александровская улица, что позволило проходить рабочим на работу, не рискуя утонуть в рытвинах.

Электрическая сеть на выгодных условиях была сдана в аренду электроэсплоатации с условием привести сеть в над-

лежащую исправность, чтобы иметь возможность получать ток из Каширстроя.

По просьбе Уисполкома Московским Советом были отремонтированы все крупные мосты в уезде (кроме Десенского) и приведены в надлежащий порядок шоссейные дороги, проходящие по уезду.

В заключение необходимо отметить, что трудящееся население уезда в общем и целом широко содействовало Уисполкому в выполнении возложенных на него задач. Советские органы под руководством партийных организаций напрягали все усилия, чтобы преодолеть все трудности, с которыми приходилось сталкиваться в тяжелые времена жестокой классовой борьбы с белогвардейскими бандами, поддерживаемыми мировой буржуазией. Все эти трудности трудящиеся преодолели, они остались позади, и перед Советской властью встала не менее сложная задача достигнуть конечной цели—построения социализма.

Революция встряхнула колоссальные массы народа, вовлекла прежде всего в это движенее пролетарские слои.

Сейчас вся сила наша в социалистической энергии трудящихся масс.

Карьеры и Цементный завод.

При крепком союзе пролетариата и крестьян мы достигнем желанной цели, фундамент для этого прочно заложен.

Вспомним в заключение слова В. И. Ленина:

„Мы при всех неслыханных трудностях видим и ясно сознаем, и рабочие, и крестьянские массы ясно видят, что, не-

смотря на неслыханные трудности, новые силы являются. Каждая трудность выдвигала новые силы, порождала новые источники энергии, указывала новые пути. Работа этих сил доказывала нам, что как ни дьявольски медленно, но мы идем вперед, что как иногда ни невероятно мучительно дается преодоление трудностей, мы их преодолеваем. Растет сознание, что строятся хозяйственные отношения на совершенно иных основаниях, что трудящийся класс, как ни велики его страдания, решает все вопросы без помощи капиталистов, шаг за шагом, день за днем идет против них и отвоевывает одну позицию за другой". (Ленин. Т. XVIII, ч. I, стр. 289).

Список товарищей, принимавших участие в революционном движении Подольского уезда в 1905 г.

Косицин С.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольного революционного движения 1905 года в Климовской организации.

Сомохин А. И.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы в 1905 г. в Климовской организации.

Сарпецкий Я. М.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы в 1905 году в Климовской организации.

Андреев А.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник революционного движения в 1905 году, в Климовской организации.

Созонов А. М.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы в 1905 году в Климовской организации.

Ушков А. В.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы в 1905 году в Климовской организации.

Носонов С.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник революционного движения в 1905 году в Климовской организации.

Муралов Н. И.—Агроном Подольской Земской Управы, был одним из активных работников и руководителей революционного движения в Подольском уезде, был членом Подольского революционного комитета.

Леонов И. Е.—Рабочий-слесарь Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы с 1902 года в Климовской организации, организатор кружка, член Климовского революционного комитета.

Войнова Р. В.—В 1905 году учительствовала в деревне Федчищево Дубровицкой волости, активно работала в подпольной организации.

Розенфельд В. Е.—Зубной врач, большевик, активный работник в Подольской подпольной организации.

Елагина Е. А.—Служащая Земской Управы, активная участница Подольской подпольной организации.

Елагин А. Н.—Секретарь Земской Управы, большевик, активный участник революционного движения в 1905 году.

Муралова Ю. И.—В 1905 году заведывала библиотекой при Земской Управе, печатала и распространяла революционную литературу, активная участница революционного движения в Подольском уезде.

Терехов П. Е.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный утастник подпольной революционной работы в 1905 году в Климовской организации, был членом Климовского революционного комитета.

Генике А. С.—Жена врача Мещерской больницы имени Яковенко, большевичка, активная участница подпольной революционной работы в Климовской организации.

Симанов Г. Н.—Рабочий завода бывш. Зингер, активный участник подпольного революционного движения в 1905 г. В 1908 году был арестован и после года тюрьмы был освобожден, после чего продолжал работать в Подольской организации.

Гаврилов Н. А.*) —В 1905 году был учителем в селе Сертякине Дубровицкой волости после ареста В. П. Кулагиной, большевик, вел самостоятельно кружковую работу, был прекрасным агитатором-пропагандистом. В 1907 году Н. А. Гаврилов был арестован и сослан в Сибирь. После революции был председателем Сибирского Совета Народных Комиссаров, погиб от рук белогвардейщины (по некоторым сведениям был брошен в паровой котел).

Кулагина В. П.—В 1905 году учительствовала в селе Сертякине Дубровицкой волости, большевичка с 1903 года, активная подпольная работница, вела агитацию среди крестьян. У нее в школе часто собиралось много народа, с которым В. П. Кулагина вела беседы. В 1906 году по доносу попа Соловьева и мясника Заренкова В. П. Кулагина была арестована и сослана в Архангельскую губ.

Стученков С. М.—Рабочий зав. бывш. „Зингер", активный работник подпольной революционной работы в Подольской организации. Организатор боевой дружины, член Подольского революционного комитета.

Леонова Е. Е.—Крестьянка села Сертякина Дубровицкой волости. Участвовала в подпольной работе 1905 года, посещала кружок политической подготовки, занималась распространением прокламаций, листовок, воззваний.

Павлова М. Я.—Учительствовала в деревне Чернево Сухановской волости, старая революционерка, вела в своей школе революционную работу среди крестьян.

Цимбаев.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы, был членом Климовского революционного комитета (ныне умерший).

Леонов К.—Рабочий зав. бывш. „Зингер", член фракции большевиков, работал в кружке, принимал участие в подпольной революционной работе.

Чижов Н Г.**)—Активный участник революцион. работы подпольной и не подпольной. Рано начал свою революционную деятельность. Еще будучи в стенах Московского Технического

*) См. приложение № 2.
**) См. приложение № 2.

училища Н. Г. принимает участие в работе партии Социал-Демократов (большевиков), за свою деятельность в партии был исключен из училища и подвергнут тюремному заключению в Бутырской тюрьме. По окончании ареста Н. Г. работает на заводе бывш. „Зингер", ведет агитацию среди молодежи. За время своей жизни во многих местах тов. Н. Г. Чижов успел много поработать для дела пролетарской революции.

Кулагина Т. П.—Учительствовала в селе Сертякине, Дубровицкой волости после ареста и ссылки своей сестры В. П. Кулагиной, активная работница подпольной революционной работы. Впоследствии была также арестована.

Елков Г. В.—Рабочий завода бывший „Зингер", вполне сочувствующий революционному движению, активный участник революционной работы 1905 года.

Федоров Н. В.—Рабочий-слесарь завода быший „Зингер", большевик, активный участник подпольной работы, член Подольского революционного комитета. Убит в 1905 году случайно своим же товарищем Г. Д. Дранниковым.

Дранников Г. Д.—Рабочий завода бывший „Зингер", вполне сочуствующий революционному движению, активный участник подпольной революционной работы 1905 года.

Громов-Буганов И. Г.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы 1905 года.

Лысенков В. П.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Лобанов—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Афанасьев И. Ф.—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Астафьев—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Микряев—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Ляпин—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Меньшиков—Рабочий Климовского машиностроительного завода, активный участник подпольной революционной работы 1905 года.

Монахов—Рабочий Климовского машиностроительного завода, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Левицкий Вячеслав Александрович—Санитарный врач Подольского уезда, активный участник подпольной революционной работы 1900 года.

Клаве-Янайн—Учительница Совенской школы, активная участница подпольной революционной работы 1905 года.

Шумкин.—Работал от Московского Окружного Комитета в Подольском уезде (партийная кличка „Дядя Вася").

Трифонов Федор Трифонович—Рабочий завода бывш. „Зингер", участник подпольной революционной работы 1905 г.

Чурин Радион Васильевич—Служащий земской управы, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Брянцев Василий Дмитриевич—Рабочий завода бывш. „Зингер", участник подпольной революционной работы, 1905 г.

Демичев Ефим Алексеевич—Рабочий завода б. „Зингер". участник подпольной революционной работы 1905 года

Козловский Мих. Степанович—Рабочий завода бывш. „Зингер", принимал активное участие в подпольной революционной работе 1905 г.

Маноцкий—Ветеринарный врач, хозяин конспиративной квартиры, принимал активное участие в подпольной революционной работе 1905 г.

Власов Алексей Петрович — Служащий Земской Управы, принимал участие в подпольной революционной работе 1905 года.

Симанов Никифор Васильевич — Крестьянин деревни Плушково Молодинской волости, принимал активное участие в подпольной революционной работе 1905 года, был выслан в Олонецкую губернию.

Татаринцев Николай—Рабочий завода б. „Зингер", принимал участие в подпольной революционной работе 1905 г.

Михайлов Сергей Михайлович— Врач Скурыгинской больницы, активный участник подпольной революционной работы 1905 года.

Матвеев Василий Матвеевич—Крестьянин д. Аксенчиково Молодинской волости, участник подпольной революционной работы 1905 года.

Кузнецов Алексей Егорович—Рабочий б. Медведевской фабрики, участник подпольной революционной работы 1905 г.

Биографии т.т. Н. Г. Чижова и Н. А. Гаврилова.

Чижов Николай Георгиевич.

Родился 18 апреля 1891 г., сын народного учителя, рано начал свою революционную деятельность. Еще мальчиком, учась в Каширской гимназии, принимал участие в жизни политических кружков. Поступив в Московское Техническое Училище, примкнул к студенческому кружку партии социал-демократов (большевиков). За участие в работе партии был исключен из Технического Училища и подвергнут тюремному заключению в Бутырской тюрьме.

По выходе из тюрьмы т. Чижов, работая в Подольске на заводе Зингера, приступает к организации культурно-просветительных кружков исключительно среди рабочей молодежи и ведет партийную агитацию.

В 1917 г. во время февральской революции т. Чижов становится во главе революционного движения в Подольске, организует милицию, становится во главе ее и Совета Раб., Солдат. и Крест. Депутатов, а также всей душой отдается партийной работе. Он был членом Окружного Московского Комитета, стоял во главе Подольской партийной организации и руководил ею; был членом Городской Думы и Земской Управы. Не раз товарищу Чижову приходилось выдерживать натиск меньшевиков, эс-эров и представителей других партий и, как истинный революционер, он всегда стойко проводил большевизм. Во время Октябрьской революции т. Чижов снова взял на себя руководство революцией, и с новой энергией этот честный, стойкий революционер отдал себя целиком делу пролетарской революции. Он становится во главе Исполнительного Комитета Уездного Совета Р. К. Деп. и руководит политической жизнью уезда. Товарищи с необыкновенной теплотой вспоминают Николая Георгиевича, его громадную энергию и неустанную работу. „Не понимаю“—говорит, например. т. Щеголев,—как мог т. Чижов быть часто без сна по пяти суток под ряд. День и ночь т. Чижов был всегда на посту революции, не жалел своих сил.“

Чижов Н. Г.

В 1918 г., во время первого Колчаковского контр-революционного выступления, он одним из первых пошел добровольцем на фронт. Скоро и на фронте т. Чижов проявляет свою революционную энергию и заслуживает общее доверие боевых товарищей самоотверженным служением делу революции. В марте 1920 года т. Чижов был избран уральским казачеством своим атаманом, а затем был делегатом на Казачьем Всероссийском С'езде.

Всякий, кто соприкасался с ним, помнит, каким стойким борцом за пролетарское дело, каким честным работником был он, как дороги ему были интересы трудящихся, каким хорошим товарищем был он в партии.

(Сведения взяты из сбор. „Братская могила" стр. 182).

Дальнейших сведений о жизни и смерти т. Чижова не имеется.

Гаврилов Николай Андреевич (кличка „Валентин").

Николай Андреевич Гаврилов сын бедного крестьянина с. Дальне-Константинова Тепелевской волости Нижегородского уезда и губернии. Родился 6 декабря 1886 года. Начальное образование получил в двух-классной школе того же села. Бойкий, живой, смышленный мальчик выделялся среди общей массы учеников. До 11—12 лет он был очень религиозен, посещал церковное богослужение, пел на клиросе, на зубок знал евангилие и запоем читал книги духовного содержания, которыми его снабжал священник. Но пытливый детский ум, который, как губка, впитывает в себя все окружающее, не может долго останавливаться на мертвой доктрине, тем более, что так много противоречий между тем, чему учит религия, и окружающей жизнью. Но новое не сразу приходит на смену старого. Начинается искание, он жадно набрасывается на книги, достает, какие только может, читает по ночам в углу своей небольшой деревенской хатенки, при лучине (ночью керосин жечь не дает отец). Возникают все новые и новые вопросы.

В книгах на все вопросы не находит ответов. Кто на них ответит? Конечно, учителя. Идет к ним. Ответа нет, а только совет почитать „жития святых", чтобы лукавый не смущал. Но он уже не верит в лукавого, а вопросы все настойчивее и настойчивее требуют ответов. Почему перед богом все равны, а на земле нет равенства, и церковь поддерживает это неравенство. Почему церковь накапливает богатства, когда Христос был против такого накопления и проповедывал против богатых. Не получая ответов в школе, он сам себе находит руководителя в лице административно-высланного в их село студента. На замысловатые вопросы ответы найдены книг, сколько хочешь. Мальчик ожил и торжественно заявляет в классе, что ни бога, ни чорта нет, а есть только богатые и бедные, религия-же помогает царю держать народ в рабстве—„власть мол от бога"

и т. д. Педагаги об'являют его атеистом, и начинается скрытая борьба. С большим трудом удалось ему окончить двухклассную школу. Итак, уже 14-летний крестьянский мальчик сознает

Гаврилов Н. А.

классовые противоречия. Он хочет отдать всю свою жизнь, только бы пробудить классовое сознание у трудящихся, но для этого надо учиться и учиться. Но где же учиться, куда броситься, средств нет, да и отец не пускает: „на Николку, мол, только и надежда: старший сын ленив, а этот на все руки мастер: и книжку всякую прочтет, и в поле за плугом не плох, так работа и кипит в руках". Но Николке жизнь в деревне невмоготу—знаний хочется. Каждую свободную минуту от работы сидит за книжкой—к экзамену готовится. Решил осенью уйти из дома и для начала поступить в Поливановскую учительскую семинарию, другого выхода нет, а там видно будет. Окончил семинарию в 1905 году. В этом же году получил место учителя в Подольском уезде в земской школе села Сертякина. Не столько в школе работает, сколько ведет союзную и партийную работу. В 1906 году на одной из жел.-дор. станций был арестован с партийной литературой и до суда выслан на родину*) (в 1907 г. состоялся суд, привлекали по 132 ст. и получил 6 мес. крепости). Недолго он засиделся у родных. Через месяц скрывается, переходит на нелегальное положение и уже работает в качестве профессионала при Московской Окружной Организации. Работает в Иваново-Вознесенске, Коломне. В 1907 году в ноябре снова был арестован под фамилией Самсонова и заключен в Бутырский полицейский дом.**) В феврале 1908 года из него бежало 8 человек—политических заключенных, в том числе и тов. Гаврилов.

И сейчас же он снова отправляется на работу в Орехово-Зуево. Весной того же года едет работать в Баку, а осенью возвращается в Москву и работает в Московской организации в качестве члена Московского Комитета и в районах, сначала в Лефортовском, а потом в Сокольническом. 23-го мая 1909 г. в квартире Лидии Шашек арестовывается весь МК.

---

*) 17 декабря 1906 года был задержан на ст. Московско-Кур. ж. д. „Царицыно-Дачное", откуда пытался бежать, но при помощи 2-х уличных сторожей был настигнут жандармом и арестован. Просидел в Лефортовском полицейском доме 3 месяца, после чего 19 марта 1907 г. выслан этапным порядком в Нижний Новгород. (Дело № 592—1909 г. Ист. Рев. Архив).

**) 2 ноября 1907 г. в Москве был обыскан и арестован, как лицо, прикосновенное к делу М. О. К-та РСДРП, под именем Павла Афанасьевича Самсонова. (Дело 592—1909 г. Ист. Рев. Архив).

Дальше идет два с половиной года предварительного заключения в одиночке в Таганке, пока не был создан большой процесс 35, по которому тов. Гаврилов получил 4 года каторжных работ. Каторгу отбыл в Бутырской тюрьме. Шесть лет заключения были использованы для занятий, своего рода университет (на воле не было времени читать, приходилось читать в вагонах ж. д., трамваях, а сам обратился в ходячую библиотеку: во всех карманах были набиты книги). Всеми правдами и неправдами передавались ему в тюрьму книги по экономическим и политическим наукам, изучил 4 иностранных языка (английский, немецкий, итальянский и французский), прошел высшую математику—свой любимый предмет (у него были колоссальные способности по математике: занимаясь ею, он отдыхал). В 1915 году был сослан на вечное поселение в Иркутскую губ., где и застала его революция. С первых же дней Февральской революции работает в Сов. Раб., Казацких и Кр. Депутатов, является членом Иркутского Комитета, членом Гор. Управы и по Иркутскому району по списку большевиков проходит в Учредилку.

С восстановлением Советской власти в Иркутске он назначается Наркомом и в то же время избирается членом Центро-Сибири. Во время наступления чехо-словаков и ликвидации губернской власти, когда Центральная Сибирь была отрезана от Советской России, когда пришлось вести самостоятельную финансовую политику, он назначается комиссаром финансов при Центро-Сибири, фактически же приходилось нести обязанности и председателя Ц. С., так как председатель Ц. С. т. Яковлев все время находился в командировках. Когда Ц. С. эвакуировалась из Иркутска сначала в Верхнеудинск, а потом в Читу, вся тяжесть работы при самых неблагоприятных условиях лежала на тов. Гаврилове. В Чите в августе 1918 г. Советская власть очутилась в кольце: со стороны Иркутска чехо-словаки с белогвардейскими бандами, со стороны Владивостока—Японцы с Калмыковым, со стороны Манчжурии—Семенов; положение создалось безвыходное. В Чите, чтобы организованнее ликвидировать Советскую власть, местная власть и Центро-Сибирь были распущены и выбран Сибсовнарком из пяти человек: т. т. Гаврилова, Кларка, Бутина, Лозо и Матвеева. Тов. Гаврилов был выбран председателем Сиб. Сов. Нар. Комиссаров. Эта пятерка несла всю тяжесть работы и до последней минуты стояла на своих местах, давая возможность всем остальным товарищам заранее законспирироваться. До города Свободного они продолжали свою работу. В Благовещенск, который не подчинялся Советской власти и тем более Сиб. Совнаркому, тов. Гаврилов уже прибыл простым гражданином, устроился в деревне учителем и пережил в ней переворот. По политическим соображениям долго засиживаться в районе Благовещенска нельзя было, да и семью необходимо было разыскать. Пришлось двинуться по Амуру в Хабаровск, где и удалось с большим трудом и риском для жизни разыскать свою семью

в Амурском поселке в 6 верстах от Хабаровска. В этом поселке ему и жене удалось под чужими фамилиями устроиться учителями. Но долго тов. Гаврилов без работы сидеть не может, не в его характере останавливаться перед опасностью; наконец, тяжела оторванность, связей никаких, все разбито, терроризировано разгулявшейся реакцией. Надо собираться воедино. надо подать свой голос. И вот тов. Гаврилов связывается с Восточным Бюро профессионального союза гор. Хабаровска, который издает свою „Рабочую Газету", и помещает в ней „Письмо тетушке", в котором зло высмеивает адмиралов (Колчака) и атаманов (Семенова и Калмыкова). Газету прихлопнули, но распространить ее успели, это был брошен первый вызов реакции.

Реакция гуляла, но ждать чего-то и сидеть сложа руки не было никакой возможности, необходимо соединить разбитые, разрозненные силы. Т. Гаврилов с тов. Славиным начинают об'единять оставшиеся в Хабаровске силы, шлют гонца для восстановления связей во Владивосток, Благовещенск, Верхнеудинск, в Иркутск. Начинается партизанская борьба, нельзя партизан оставить без идейного руководства, спешно организовывается типография, пишутся листовки, воззвания. В разгар организационной работы провокатор Розенблат выслеживает их и предает.

28 мая 1919 года Колчаковская охранка арестовывает тов. Гаврилова и Славина и препровождает их в тюрьму. Хабаровские товарищи делают попытку устроить им побег, но в самый последний момент все проваливается: выдает один из организаторов побега, в результате новые жертвы. Семенов присылает за ними своих молодчиков и 1 июня уводят их в Макеевские застенки около Читы.

Что было дальше, покрыто мраком неизвестности. Попавший в эти застенки живым не возвращался, и что там делалось, никто рассказать не мог. Говорят, они были преданы военно-полевому суду и приговорены к расстрелу. Но расстреляны или замучены, никто не знает. Известно, только одно. что когда партизаны заняли ст. Макеево, то нашли там страшные орудия пытки, а жители станции говорили, что здесь редко кого расстреливали, обычно же рубили людей на части, сжигали на кострах живьем, прокалывали раскаленными прутьями и т. д.

Есть сведения, что только в одном Макеевском застенке погибло 15 тысяч человек.

II.

В Московском историко-революционном архиве в делах №№ 1087—1906 г. и 592—1909 года имеются, кроме приведенных в примечаниях к биографии тов. Гаврилова, еще следующие материалы, могущие послужить дополнением к его биографии.

Николай Андреевич Гаврилов под именем „Валентин", вошел в Московскую организацию с конца 1908 года, с ноября 1908 года состоял членом Бутырского района и посещал собрания К-та этого района; входил в состав редакционной комис-

сии газеты „Рабочее Знамя“ и намечался в декабре делегатом на общепартийную конференцию. С января 1908 года считался организатором Лефортовского района и был избран от этого района в члены Московского К-та, представителем от которого участвовал 19 марта на собрании областного окружного и Московского Комитетов для выборов членов Областного Бюро. Позднее состоял ответственным организатором Сокольнического района.

„Валентин“ проживал под именем крестьянина Василия Степановича Борисова. Его квартира в селе Богородском, под Москвой, куда он переехал на дачу, служила местом деловых свиданий видных партийных работников, как местных, так и приезжающих из-за границы. Раньше он жил на Кавказе. Имел сношенее с анархо-коммунистами, быв. социал-демократами, которым он оказывал различные услуги (ночевки, давал связи для приобретения ими оружия и проч.). К группе этой принадлежал известный анархист Лавр Андреев Ремизов, убитый полицией на станции Лосиноостровская при оказании им вооруженного сопротивления.

23 мая 1909 года на кв. Шашек, в числе 10 чел., Гаврилов был арестован по распоряжению Московского градоначальника на 3 мес. (затем срок был продлен) за нарушение обязательного постановления о незаконном собрании, привлечен был к предварительному следствию по обвинению за проживание по чужому виду—Павла Афанасьевича Самсонова.

В разработке дела № 10—1912 г. помещена резолюция Московской судебной палаты по делу о Московских социал-демократических организациях 1909—1910 г. г.

Из 35 лиц, преданных суду, трое—Макаревич, Игнатьев и Тройнов умерли, а суждение о М. Н. Давыдове и Н. И. Бухарине выделено в особое производство за болезнью первого и нерозыском второго (Бухарин скрылся из места административной ссылки—Архангельской губернии).

Из остальных подсудимых признаны виновными по 1 ч. 102 ст. уголовного уложения и приговорены к каторжным работам 14 человек, 3—на 7 лет, 1—на 6 лет, 3—на 5 лет и 7 человек—на 4 года. В числе этих последних был и тов. Гаврилов.

(Сведения взяты из Сб. „Братская могила“ стр. 87—91).

Воспоминаиия т. Е. Гурновой о прошедшем и пережитом.

В 1901 г. я с мужем В. Гурновым поселились жить в селе Сертякине, арендовав землю у Сертякинского общества, где мы устроили себе небольшое сельское хозяйство. С крестьянами у нас сложились самые товарищеские отношения. Особенно молодежь в свободное время всегда собиралась у нас. Всегда была целая толпа у нас в доме.

Сельчане стали строить в селе школу. План и смету сделал мой муж и следил за постройкой. Выстроили школу и прислали к нам учительницу, молодую девушку Кулагину Варвару Петровну. Приехавшая учительница в первый же день пришла ко мне знакомиться, оказалась очень хорошим человеком. Дети мои полюбили ее, и у нас с ней установились самые приятельские отношения. Ходила она ко мне каждый день после уроков и занималась с детьми, они тоже учились у ней в школе. Познакомилась она с Подольскими Земскими служащими, и я тоже с ней вместе ездила очень часто в Подольск, к нам тоже приезжали многие земцы, например, семья Мураловых—Николай Иванович и его сестры, а их было три—Юлия, Мария и София Ивановны и еще некоторые учительницы. Народ все—сознательный, передовой, особенно Мураловы. Разговор всегда сводили на назревающие события, а события назревали быстро. Варвара Петровна познакомилась с рабочими Климовского завода. Сначала они брали у ней книги для чтения, а потом она сама читала им кое что из революционной литературы. Иногда приезжал Муралов, читал и об'яснял рабочим прочитанное.

Я тоже бывала на всех собраниях и чтениях и тоже познакомилась со всеми рабочими, которые там бывали. Говорили все о том, как тяжело живется и как бы устроить лучшую жизнь. Перезнакомившись с рабочими, я попала в свою компанию. Я и сама, дочь крестьянина села Ознобишино, работала ранее на фабрике Щенкова, близь Ознобишина. Теперь там Волисполком Дубровицкий, работала там настилальщицей на ватной машине. Фабрика была шерстопрядильная, работали по 12 часов в сутки, в две смены—ночная и дневная. По-недельно платили нам, девочкам настильщицам, по 6 р., а присучальщицам по 4 р. 50 к., да штрафовали нас здорово, ни одного месяца не получали полностью. За всякий пустяк все штраф. Позже я работала в Москве, в Доргомилове, на фабрике резиновой ленты, еще позже работала на шелковой фабрике Леверс и Поцукова при селе Щелкове на реке Клязьме. Поэтому, когда я сошлась с рабочими в школе,

мне так были близки все невзгоды рабочего. С каким удовольствием готова я была быть чем нибудь полезной в деле улучшения жизни рабочих. А время шло, события назревали, собрания наши превратились в организованные кружки. Товарищей у нас много прибавилось. явились организаторы, тогда их называли ораторами. Товарищи, которые приезжали и говорили речи, не говорили своих имен и фамилий, а знали их по партийной кличке в социал-демократической партии большевиков, да и нельзя было иначе, следила за ними и полиция, и тайные шпионы наемные. Помню одного товарища звали Всеволод, другого Калашников, еще был какой-то анархист. Приезжал тоже часто Н. И. Муралов, хотя его все знали по работе в земстве. Все они выступали на митингах и собраниях, призывали к всеобщей забастовке. Настроение рабочих с каждым днем становилось тревожнее.

Руководителем был рабочий Климовского завода Иван Леонов, потом я близко познакомилась с Калашниковым и Всеволодом. Они часто бывали в Сертякине и беседовали с рабочими в школе. Узнал про эти беседы Сертякинский поп, он под окна подглядывал да подслушивал, а потом доносил жандармам. Мы много раз видели его под окном. После собрания, конечно, наши рабочие уйдут, а организаторам надо ехать в Серпухов или Москву, а садиться им из Гривно бюло совсем нельзя, так как их приметили, да и люди то они были очень заметные—один был очень высокого роста, другой совсем маленький—и вдвоем и в одиночку—все заметные. Тогда я часто так делала—вынесу потихоньку от своих домашних сбрую и выведу лошадь, запрягу и свезу их ночью в Столбовую или в Подольск. А когда и в Подольске нельзя стало садиться, тогда ездили до Щербинки. Приеду домой, никто и не подозревает, что я недавно приехала. Также возила и Муралова Николая Ивановича до Подольска. Однажди Всеволод и Варвара Петровна позвали меня и говорят, что им сегодня привезут три ящика, в ящиках находятся револьверы для вооружения товарищей, ящики небольшие, не знаем, куда их деть, в школе оставить очень опасно, т. к. шпионили за школой очень сильно. Я предложила убрать ящики ко мне. Так и сделали. Привезли ящики к школе, а потом ночью на салазках привезли ко мне. У нас около дома была большая куча хвороста в пучках, мы туда в середину и запрятали ящики, а ночью как раз выпал большой снег, так следы наши все и замело. Это было в начале декабря или в начале ноября; полежали ящики у нас недолго, а потом переправили их в Подольск. С тех пор ко мне стали носить все, что нужно было: литературу, книги, вещи, даже незнакомые т.т. по рекомендации знакомых. Потом вскоре началась всеобщая забастовка, забастовали все заводы, железная дорога. Атмосфера была ужасная, тишина подавляющая, не слышно ни гудков заводских, ни свистков железнодорожных. Из Москвы все шли пешком и рассказывали всякие ужасы. Говорили что Семеновцы расстре-

ливают всех без разбора. Потом подавили восстание, начались аресты, обыски, расстрелы: хотели застращать всех и совсем задушить революцию навсегда. Многих посадили по тюрьмам, многие успели раз'ехаться, скрылись и наши товарищи—организаторы, был слух, что Всеволод убит. Потом вышел царский манифест собрать государственную думу. Первую думу рабочие бойкотировали, не поверили манифесту. Скоро первую думу разогнали. Стали готовиться к выборам второй думы. От завода Климовского выбрали слесаря из села Сертякино Ивана Ефимовича Леонова. Он был поразвитей других и безусловно честный человек, но поп Сертякинский очень этому выбору воспрепятствовал: принес выписку из метрической книги и доказал, что ему не хватает до 25 лет несколько месяцев, так что он по годам своим не может быть допущен в Думу. Тогда вместо него выбрали Чурикова из села Ознобишино. На учительницу нашу все поп доносил, не переставал шпионить все время. Весной приехали из города пристав и два урядника и арестовали Варвару Петровну, как революционерку, и отправили в Подольскую тюрьму. Я на другой день пошла навестить ее, прихожу в тюрьму, назвала себя ее сестрой. Меня пустили только с двумя солдатами и смотритель тюрьмы тоже пошел. Иду по двору, там флигель на двор окнами с железными решетками. Там сидели зингеровские рабочие, которые закричали мне: „здравствуйте, передайте привет т. Кулагиной и добрые сердечные пожелания от 30 человек и стали кричать свои фамилии. В это время солдат отворил дверь и пропустил нас. Я очутилась в длинном корридоре. По обоим стенам двери. „Это—одиночные заключенные",—сказал мне смотритель и отворил ключем одну из дверей. Солдаты встали по обоим сторонам дверей, а смотритель встал между мной и Варварой Петровной. Расстояние между нами три шага. Он сказал, что такой порядок, что здороваться за руку тоже нельзя. Принесла я ей кое что из с'естного, все изломали на маленькие кусочки при мне и тогда отдали ей. Тюремщик говорит, что скоро будет об'явлена амнистия. Но ни я, ни она, конечно, не верили этому. Свидание продолжалось только десять минут. В другой раз пришла, а меня не пустили...

Потом скоро Варвару Петровну выслали в Архангельскую губернию, в гор. Кемь. Мы переписывались с ней. Вскоре из из ссылки она бежала и оставила там некоторые письма: должно быть, забыла их уничтожить. А эти письма переправили в Москву в охранку и моего мужа вызывали туда два раза, допрашивали долго, сбивали в словах. На месте Варвары Петровны осталась сестра ее Татьяна Петровна, но ее в Сертякине не утверждали и перевели в Ворыпаево. К нам прислали учителя молодого Н. А. Гаврилова, только что окончившего учительскую семинарию, знакомого сестрам Кулагиным, поэтому он пришел прямо к нам. На хлебах он устроился у нас и стал готовить в гимназию мою дочь, а сынишка мой учился в школе у него же. Человек он оказался партийный и такой

энергичный работник, что я удивлялась, как у него хватает сил так много работать. Он днем занимался с ребятишками, а ночью печатал на пишущей машинке прокламации. Мой мальчик с ним тоже оставался на ночь и помогал ему: он сам просил, чтобы я пускала с ним Алешу. Потом к нам утром приходил чай пить. Так время и шло. Товарищи у него были Щеглов, Леонов, Татьяна Петровна. Приходили еще некоторые организаторы: ткач Степан и еще трое, которых не знаю, как звали, хотя бывали у меня много раз и ночевали. Каждую субботу Николай Андреевич Гаврилов ездил в Москву и привозил оттуда литературу (листки), которые мы и разбрасывали везде, где он нам указывал. Например, пойдут девочки, моя старшая дочка Лиза и Леонова Катя, как будто в лавку на станцию, сначала по дороге к заводу Холостова (здесь сходится дорога из других деревень) и набросают брошюрок, а потом придут на станцию, там набросают, а потом в лавке купят чего нибудь для виду и идут обратно уже другой дорогой на Механический завод. Это бывало всегда под праздник. На утро идут в церковь по тем дорогам с заводов и деревень и собирают прокламации и читают и, конечно, не знают, на кого подумать. Говорили, что кто нибудь с завода, и никому в голову не приходило, что это делали наши девочки. Ходила и я сама несколько раз под праздник в Ознобишино (это 4 версты от Сертякина) и по дороге также набросаю листков в Ознобишине по всему селу и по шоссе. Но, конечно, полиция скоро узнала о распространении брошюрок, начали доискиваться, но так и не узнали, только стали присылать стражников в большие праздники в церковь. Но вот однажды поехал опять Николай Андреевич в Москву, я повезла его на станцию; он мне сказал, что завтра возвратится беспременно. Ключ от школы всегда оставлял у меня, так как сторожа в школе не держал, сестра Леонова и моя Лиза ходили в школу топить печки. Николай Андреевич, уезжая, всегда говорил, „если я не приеду, как обещаюсь, то вы одну ночь погодите, а потом принимайте меры, значит, меня арестовали". В воскресенье, на другой день к вечеру, я опять поехала с Лизой на станцию, встретила там станционного жандарма Постоева. Он сообщил мне, что учителя Сертякинского арестовали в Царицыне и нашли у него револьвер и много прокламаций. Приехала домой и в ту же ночь из школы все убрала, а машинку убрала к попу в липу, в дупло, около его дома. Литературу, вещи, книги, все это я спрятала у нас и у Леоновых. Действительно, в школу на другой день приехали с обыском. Я думала, что и к нам придут, потому спрятала все вещи Гаврилова не дома, а по сараям, забитым сеном. Но обошлось благополучно; к нам не пришли, в школе ничего не нашли, а ключ от школы я своевременно отнесла к попу, но с тех пор наш дом взяли под надзор, стали шпионить, каждый вечер подглядывали и подслушивали под окнами и мужа моего вызвали в Москву в охранку по поводу переписки с Варварой Петровной. И вот жизнь наша стала

тяжелой в материальном отношении. Мужа моего никуда на службу не принимали. Бывало совсем примут, а потом вдруг ни с того, ни с сего откажут. Мы сначала ничего не понимали, а потом нам сказали, что политически неблагонадежного никуда не возмут, а семья большая, детей 7 человек. И вот, в конце мая, не то в начале июня, рано утром часа в три приехали к нам с обыском. Посмотрела я в окно и вижу целый отряд стражников и пристав. Вошли в дом и говорят, что есть предписание сделать у вас обыск. Дают мне предписание. Я сказала: „ищите". И вот расставили стражу по два стражника у каждой двери с винтовкой и около окон. Пошла коров доить женщина, ее 2 стражника провожали, а меня заставили вести их в светелку. Все, как говорится, вверх дном поставили, где только не искали, ни одного местечка необшаренного не оставили. Посылает пристав стражника на чердак, потолок там был очень низок, так что нужно было ему лезть нагнувшись. Он полез, а у нас там сидела галка на яйцах. Было темно. Вот он подполз совсем близко к гнезду, а галка, должно быть, с испугу, как вцепится ему в щеку, он и закричал. Все всполошились. Два стражника подошли ко мне и наставили на меня винтовки: „сказывай нам, что у тебя там?" А я забыла, что там галка сидит. Говорю, у меня там никого нет. Пристав кричит: „говори, а то пристрелим". В это время стражник срывается с чердака, щека вся в крови и говорит: „там проклятая галка в меня вцепилась". И вот на чердаке нашли ящик с посудой и решили его ломать, я попросила не трогать, так как он не мой. Лучше я пошлю детей за слесарем И. Леоновым, сказала я, и он отопрет. Он говорит: „не трудитесь, у них такие же гости, как и у вас. Он, наверно, уже арестован". И взломали ящик. Там, кроме посуды, ничего не нашли, искали с трех часов до восьми. Потом от Леоновых вернулись к нам столько же стражников и сообщили, что ничего серьезного не нашли и Ивана не нашли; он, говорят, в Москву уехал. С этих пор на нас стали смотреть все не то со страхом, не то волками, некоторые знакомые боялись к нам ходить. Прислали нам еще новую учительницу, какую то попову дочку. Она так и незнакомилась с нами, а Леонов бежал и стал жить на нелегальном положении, с чужим паспортом, уехал работать в Москву. А за нашим домом и за Леоновым слежка усилилась. Посмотрю иногда вечером в окно, а там рожа какая то торчит или фигура виднеется. В августе месяце опять приехали с обыском, искали везде, даже в трубу заглядывали, но в книгах не рылись. Стояла у нас кадушка с рожью и вот они всю рожь шашками истыкали, оборвали у нас все яблоки и уехали. Потом мне говорили, что есть слух, что у нас бывают и ночуют политические. Должно быть, шпионы свои предположения доносили, а потом уже сколько раз приходил урядник с двумя стражниками. Двух привел с собой, третьего оставил в сенях. А у нас был гусак, злой, всех клевал и на этого стражника, должно быть, набросился. Он его убил при-

кладом ружья. Когда я вышла и увидала мертвого в крови гусака, то я сказала: „зачем ты это сделал". „Я защищался", ответил стражник. Жаловаться на него тогда было бесполезно. Вскоре арестовали т. И. Леонова. Он приехал провожать своего брата на службу; его выследил урядник и арестовал. Посадили его в Подольскую тюрьму, а потом выслали в Малоярославец. Так все товарищи разбрелись, кто куда. Многих не осталось в живых. Жизнь наша была тяжелая; мужа на службу никуда не принимали, он в это время зарабатывал частно. Иногда писал декорации, а иногда работал на какой нибудь постройке, но ведь это не всегда, а временно. Я с детьми работала в поле, так и перебивались, а детей у меня 7 человек. Их нужно было учить, и вот мы с мужем во всем себе отказывали и в еде, и в одежде, что могли заработать, все для детей.

Все мы пережили, детям дали образование, теперь бедствия и невзгоды вознаградились. У меня выросло 7 общественных работников. У меня есть уже внуки, мы с мужем уже старики, мужу 65 лет, а мне около 60.

Обыск у т. Леонова*).

В связи с воспоминаниями Е. Гурновой интересно познакомиться с воспоминаниями И. Е. Леонова, который рассказывает, как ему случайно удалось избежать первого ареста в 1907 г., о котором упоминает Е. Гурнова.

Это было в августе месяце 1907 года. В одну прекрасную ночь приходит полиция в количестве до 60 человек. Я в то время находился дома. 3—4 жандарма приходят ко мне в горенку. Я спал, ко мне подходит жандарм, будит меня говорит: Иван, вставай на работу.

Я поднялся, смотрю, блестят медные пуговицы.

Ну, видно, я попал.

Я прилег, и в этот момент входит мой отец и говорит:

„Василий, вставай, к нам пришла полиция".

Тогда жандарм Петренко ухватил меня за плечи и говорит:

„Лежи, Василий". Я прилег, не понимая, в чем дело.

„Где Иван?"—Спрашивает он у отца.

„Иван спит в сарае на сене, там он не один, а их четверо".

Они обрадовались, побежали туда. Отец видит, что из сарая таскают сено лошадям. Он был недоволен, что сено тащут и стал говорить:

— „Вы, что, приехали сюда меня грабить? Я недопущу этого, я старик, я не боюсь вас, буду защищаться.

Жандарм говорит:

— „Подожди, старик, не ругайся, мы отдадим", и отдал распоряжение убрать сено. Когда жандарм спустился с крыльца, отец и говорит мне: беги во двор, а там и удерешь.

*) Из воспоминаний т. И. Е. Леонова.

Я выбежал во двор. Там стояла лестница, прислоненная к крыше, и вот по этой лестнице я взобрался на крышу и когда осмотрелся, то увидал со всех сторон штыки. Путь отрезан. Тогда я решил, нельзя ли мне попробовать спрятаться в солому. Проделал руками небольшую дыру и полез туда. Когда растолкал местечко, пролез, натащил на себя солому, и в этот момент жена моего брата Ефима вышла на двор, поднялась, закрыла меня соломой. Мне стало душно, я начал кашлять. Я прокопал дырочку и остался так лежать. Я стал наблюдать из сарая. Приводят четырех людей—два моих брата и кроме того тут понятые были призваны, и спрашивают:

„Который Иван?"

„Это Иван?"—указывают на работника Гурновых, который приходил ночевать к моим братьям.

„Да",—отвечают,—„он служит у Гурновых".

„Да нет, где сын Иван?" „Сын",—спрашивает отец,—„вам мой нужен? так вы бы так сразу и спросили. Сын мой уехал в Москву".

„А где тот человек, который лежал в горенке?" И давай меня искать. Стали производить обыск. На потолке и везде стали искать. Ничего не нашли и не подумали, что в соломе на крыше спрятался человек. Когда никого не нашли, то стали выворачивать половицы, лезть в сундуки, искать литературу. Взяли несколько охапок книг и литературы, взяли револьвер, но он принадлежал не мне, а одному рабочему и был только у меня в починке. Взяли несколько книжек, составили протокол и уехали к Сенчуговым, но и у Сенчуговых тоже ничего не нашли. Когда уехали, то отец вышел в сени и говорит:

— „Иван, ты здесь, слезай".

Я слез, умылся, переоделся и отправился в лес, а вечером с поездом уехал в Москву к своим товарищам.

Ф. А. ПАРКУ 3-го августа 1913 г.
Вицепрезиденту
Нью-Йорк.

Доклад директора Диксона.

Милостивый государь.

Мы ничего не писали Вам раньше о здешней стачке, так как сообщили Вам о более выдающихся моментах ее по кабелю, и т. к. мы только недавно обсуждали с Вами вопрос о возможности стачки и способах поведения в случае, если бы она разразилась, нам казалось, что пока нет оснований писать Вам, тем более, что все, что мы могли бы рассказать Вам о событиях, происходивших изо дня в день, при данных обстоятельствах, оказалось бы уже запоздалым ко времени, когда письмо доходило бы к Вам. Теперь, когда дела приняли лучший оборот, и, повидимому, мы имеем все шансы в ближайшем будущем снова приступить к работе во всех отделениях, наступило время дать Вам более или менее подробный отчет обо всем деле.

Как мы говорили Вам во время Вашего пребывания здесь, мы намеревались пустить в ход новые расценки для поштучной работы в никкелировочном отделении, так как, с введением усовершенствованных методов и облегчений в работе, рабочие отставали в производительности и не давали нам количества продуктов в соответствии с получаемой платой.

Новые таблицы были тщательно подготовлены и затем переданы согласно требованию закона фабричному инспектору для утверждения. Он нашел все в порядке и утвердил их без возражений. Из числа 192 рабочих (в отделении 162 муж. и 30 женщин) не произошло никакой перемены в размере платы у женщин, а также и у 60—70 человек мужчин, так как эта часть рабочих давала нам количество продуктов в полном соответствии с получаемой ими платой. Уровень же платы остальных был бы понижен, но таким образом, что не было оснований опасаться, чтобы люди забастовали.

Согласно фабричному закону новая расценка поштучной работы могла войти в силу только через две недели после того, как она была вывешена в отделе. В данном случае новая расценка была вывешена в субботу 15/28 июня, с тем, чтобы войти в силу 1/14 июля. На следующий день люди, повидимому, устроили митинг и порешили не принимать новых расценков, т. к. в понедельник утром, придя в отделение, они. без выражения какого бы то ни было протеста, формально отправились по своим местам, но не начинали работы, за исключением всех женщин, которые немедленно приступили к исполнению своих обязанностей. Тогда Форман обошел рабочих, спрашивая их, в чем дело, и все ответили, что они не приступят к работе,

если новые расценки не будут упразднены и не будут восстановлены старые. Он заметил некоторым из них, что это ничуть не влияет на их плату, но получил в ответ, что все они намерены стоять за одно. Тогда Форман сообщил о положении вещей Кейрду, который пришел на место происшествия, но единственно, что он мог узнать, был ответ людей, что, если будут восстановлены старые расценки, они немедленно примутся за работу, но не иначе. Он старался внушить им, что им конечно было уже известно, что новые ставки входят в силу только через две недели и советовал им приняться за работу. а в случае, если они могут указать ему специальные случаи, где, по их мнению, новые ставки были бы не справедливы, дело будет пересмотрено; это не удовлетворило рабочих и они продолжали оставаться на местах, не принимаясь за работу. Кейрд довел до моего сведения о положении, но я не нашел необходимым в тот момент отправиться в отделение лично, так как думал, что раз мы не придадим значения этому случаю, то люди образумятся сами собой.

Прошел полдень, а они не принимались за работу, и в конце концов, по обыкновению, разошлись с ф-ки на обед. Когда снова раздался гудок в 1 час 30 мин., все вернулись на свои места, но всетаки отказались приступить к работе. Кейрд опять пришел в отделение, и тогда люди сказали ему, что хотят поговорить с заведующим. Приблизительно через полчаса я пришел в отделение и нашел всех рабочих собравшимися вместе за исключением женщин, и во главе их четырех человек, которые были, повидимому, коноводами. Они четверо один за другим заявили, что они намерены приступить к работе только в том случае, если будут восстааовлены старые расценки. Я сказал им, что об этом не может быть и речи, и что если они не хотят работать, то должны оставить помещение фабрики. Коноводы тогда заявили, что в таком случае они требуют расчета, на что я ответил, что к этому не встречается никаких препятствий, но произвести подсчет их работы не удастся раньше вечера, или быть может, даже следующего утра.

После моего ухода люди потолкались на месте несколько времени, а затем толпой ушли с ф-ки, причем однако женщины остались за работой.

В тот же вечер было, повидимому, на фабрике собрание смутьянов со всех отделений, как я того и ожидал, и на следующее утро большинство рабочих всех отделений, вместо того, чтобы приступать к работе, собрались на дворе. Значительное число впрочем начали работу, но скоро прекратили ее благодаря угрозам смутьянов, которые обошли всю ф-ку, снимая всех, кого они находили за работой. Я спустился вниз около 7 ч. 10 м., вошел в середину толпы и спросил, из-за чего поднялся весь этот шум. Стоявшие вблизи меня ответили, что каждое отделение выбирает делегатов, которые об'яснят мне, почему они не хотят работать. Поговоривши не долго с людьми,

подчеркнув им безумие их поступка и результаты, которые могли бы оказаться следствием его, я ушел в контору, но приблизительно через 15 минут группа около 20 человек сообщила мне, что желает снова говорить со мной. Я вышел во двор и нашел от 70 до 100 чел., поджидавших меня, а позади, в шагах пятидесяти, всех остальных рабочих. Группа, поджидавшая меня, заявила, что они были делегатами от всех отделений и вручили мне список требований, в случае принятия которых, по их словам, работа немедленно начнется во всех отделениях ф-ки. Перевод этих требований при сем прилагается. Просмотрев список, я сказал людям, что мы не находим никакой возможности удовлетворить такие смешные требования, но заметил, что относительно требований № 15 и 16 мы всегда следовали практике согласно требованию закона, уплачивали за исполненную работу даже в той части, которая потом была забракована вследствие из'янов в материале, которые не могли быть обнаружены в момент учета работы, и что если по какой либо причине люди были отосланы домой в рабочее время из-за недостатка работы для них, они получают полную поденную плату. Принимая во внимание характер требований, было совершенно очевидно, что инцидент в никкелировочном отделении вовсе не был причиной стачки, и вся история была затеяна задолго до этого, и что если бы не последовало изменения расценок в никкелировочном отделении, смутьяны нашли бы какой либо другой повод для об'явления стачки. После нашего отказа принять во внимание их требования все рабочие толпой покинули фабрику.

На следующий день значительная толпа собралась снова в 7 час. утра, чтобы узнать, не изменило ли Правление своей точки зрения. Им было сказано, что никакой перемены не произошло, и люди разошлись, но на следующее утро пришли снова, хотя в количестве значительно меньшем, и заявили, что хотят поговорить с фабричным инспектором. Мы телефонировали в Москву, прося инспектора прибыть, что он и сделал, приехав с первым поездом, и имел беседу с людьми, но без всякого результата, а из того, что мы узнали впоследствии, было очевидно, что единственной целью, с которой вожаки стачки требовали инспектора, было желание дискредитировать его в глазах людей, т к. они прекрасно знали, что он не мог заставить нас удовлетворить такие требования и вообще какие-то ни было требования, не основанные на законе, регулирующем заведывание фабриками. Задачей вожаков было создать в рабочих массах впечатление, что фабричный инспектор—правительственный чиновник, назначенный для защиты интересов и благосостояния рабочих, в действительности был за одно с заведующим фабрикой в деле воспрепятствования торжеству справедливости.

На следующий день, в пятницу 21 июня (4 июля)—четвертый день стачки—толпа приблизительно в 2.000 рабочих собралась в 9 час утра на ф-ке, заявляя, что люди не могли

пока согласиться на счет того, какую линию им держать, и что окончательный ответ они дадут в понедельник. Им было сказано, что никакого вопроса не может быть на счет принятия нами какого бы то ни было ответа с их стороны в понедельник, и что если они не приступят к работе немедленно, то фабрика будет закрыта на неопределенное время. Заявление это вызвало заметное колебание в рядах рабочих, но человек 20—25, представлявших повидимому стачечный Комитет, имели еще достаточно влияния, чтобы помешать им вернуться к работе и, потолкавшись на месте с четверть часа, толпа рассеялась. Тогда мы вывесили на воротах об'явление, что на основании такого-то пункта, такого параграфа фабричных законов, т. к. рабочие не принимаются за работу в течении больше чем трех дней, то они расчитываются, и фабрика закрывается на неопределенное время. На следующий день в субботу я отправился в Москву, где имел беседу с губернатором, в которой подробно об'яснил ему положение и просил, пока ф-ка будет закрыта, представить в наше распоряжение достаточную полицейскую охрану, чтобы предупредить возможные акты насилия и произвести успокаивающее впечатление на горячие головы. Он немедленно отдал соответствующий приказ и с тех пор до настоящего времени мы имеем на фабрике отряд из десяти полицейских, вооруженных винтовками.

Вскоре после того, как я ушел от губернатора, я узнал, что двое из главных коноводов стачки явились к нему просить разрешения устроить в Подольске собрание всех рабочих в понедельник для решения вопроса о дальнейшем поведении. Губернатор ответил им, что т. к. Компания Зингер не имеет больше рабочих на своей фабрике, он не видит никакого основания для разрешения устраивать митинг безработных. Несмотря на этот отказ, состоялось несколько тайных собраний в лесах, окружающих Подольск, но в то время, как первые из них были очень многочисленны, следующие становились все более малочисленными и в конце концов собирались только члены стачечного комитета и некоторые из их ближайших сторонников. К сожалению, наш полицеймейстер, человек очень энергичный, был в отпуску, когда вспыхнула стачка, а его помощник, замещавший его, был человеком колеблющимся, неспособным, так что когда я увидел губернатора, то просил его разыскать полицеймейстера и вернуть его в Подольск, пока не водворится нормальное положение вещей. Он согласился со мной и, действительно, воспользовавшись телеграфом, вскоре отыскал полицеймейстера в одной из южных губерний и предписал ему вернуться в Подольск.

В воскресенье 23 июня (6 июля) я уехал из Подольска несколько демонстративно вместе с семьей и остановился в Москве в отеле Метрополь до вторника, когда я уже уведомил вас телеграммой, и мы уехали в Берлин. Наш полицеймейстер прибыл в Москву за несколько часов до моего от'езда во вторник, так что я имел возможность поставить его в из-

вестность обо всех обстоятельствах стачки и локаута и дать ему список имен всех вожаков, каких я знал. Ввиду необычного положения, создавшегося ко времени моего от'езда из Подольска, я счел полезным, оставив оффициально во главе фабрики Кейрда, присоединить к нему Милюкова и Соловьева, заведующего отделением закупок, оба они люди вполне рассудительные, к которым я относился с полным доверием. Я дал им инструкции не входить ни в какие переговоры с нашими бывшими рабочими, но быть по возможности в курсе положения, почаще извещать меня телеграммами о ходе событий, когда, по их мнению, настанет подходящий момент для моего возвращения.

По получении в Берлин Вашей каблограммы от 12 июля, я переговорил с М-ром Раймон. Он мог бы оказать нам существенную помощь, как Вы знаете из сообщения, которое он Вам отправил. Я телеграфировал м-ру Рики, прося его, для сбережения времени, снестись прямо с м-ром Флором, а последний в свою очередь должен меня держать в курсе дела.

Первые признаки успокоения умов обнаружились в понедельник 1/14 июля, когда двое из наших старых литейщиков пришли к Соловьеву и вручили ему просьбу, адресованную на мое имя от всех литейщиков, в которой говорилось, что ввиду безвыходного их положения они ходатайствуют об открытии литейной мастерской. Они признавали, что, об'явив стачку, они совершили ошибку и просили прощения. Зная, что я был в от'езде, они просили, чтобы смысл их петиции был сообщен мне по телеграфу. Обсудив дело, Кейрд, Милюков и Соловьев решили телеграфировать мне об этом. Основываясь на их телеграмме, я и послал Вам нижеследующую каблограмму от 16 июля:

„Согласно сообщения Кейрда положение улучшается. Возможно, что работы восстановятся в середине следующей недели. Мы останемся за границей еще несколько дней, так как мое отсутствие, повидимому, производит хороший эффект. Полагаю полезным продолжать отправку товаров из-за границы, пока положение не выяснится окончательно".

В течение следующих нескольких дней к Кейрду явились делегаты от большинства других отделов, говоря, что они готовы взяться за работу, не выставляя никаких условий

Никкелировочное отделение, мастерская для приготовления инструментов и монтажное отделение воздерживались от этого. Первое заявило, что согласны работать только по старым расценкам, а два другие, что приступят к работе только в том случае, если все без исключения старые рабочие будут вновь приняты. Кейрд переслал мне это известие в Вену и тогда я телеграфировал Вам 23 июля:

„Последние известия из Подольска не удовлетворительны. Надеюсь прибыть туда в субботу после обеда и буду Вам телеграфировать, как только смогу быстрее", так как время для моего возвращения казалось мне подходящим. Я продолжал

путешествие и прибыл в Подольск в субботу вечером 13/26 июля, так как казалось совершенно очевидным, что стачечный комитет потерял свое влияние на рабочих, мы решили вывесить об'явление в понедельник 15/28 июля в том смысле, что мы собираемся набирать рабочих для литейной.

Общее число рабочих в литейной, включая ночную смену, которая переворачивает песок и т. д, ко времени стачки было – 489. Через два часа после того, как об'явление было вывешено, явилось 172 человека. Многие уходили из города на полевые работы, но весть о том, что фабрика нанимает рабочих, быстро распространилась и люди начали возвращаться и предлагать свои услуги. Мы решили сделать попытку пустить в ход литейную в среду 17/30 июля и нам это удалось при наличии 343 рабочих. Первый день был посвящен чистке, приведению в порядок песка и т. д., но уже на следующий день работа пошла полным ходом и мы выплавили 66 тон. Предложение труда в отделения станков поступало в изобилии и в четверг 18/31 июля мы начали работу с 137 рабочими (вместо прежних 168) и 88 (вместо 115) в отделении станков. Запоздалые являются каждый день и мы будем принимать их, когда настанет время. Насколько мы знаем, смутьяны в этих трех отделениях весьма немногочисленны. Часть их вовсе не обращалась к нам с просьбой об обратном приеме, а тех, которые обращались, мы, конечно, не принимали.

В четверг 18/31 июля мы вывесили об'явление о приеме предложений.

Предложения поступали следующим образом:

Общий отдел.....	2	(прежнее число 6)
Спец. маш. отдел..	18	(прежн. колич. 27)
Мастерск. ящиков.	89	„ „ 115
Разл. масла в бут.	9	„ „ 14
Упаковка и отпр...	88	„ „ 109
Кузница.....	100	„ „ 117

Эти отделения мы намерены пустить в ход в понедельник 22 июля—4 августа. В пятницу 19 июля—1 августа снова вызывали рабочих и получили предложения для следующих отделений:

141	(прежнее число 165)
155	„ „ 192
614	„ „ 739

Из этих трех отделов мы собираемся пустить никкелировочный в понедельник 22 июля—4 августа, а два другие на следующий день. Что было сказано о смутьянах в литейной, отделении станков и относится равным образом ко всем другим вышеперечисленным отделениям, только процент их несколько выше, чем в литейной.

В качестве примера того, как несколько человек могут терроризировать массу, интересен случай с никкелировочным

отделением. Около ворот собралась толпа с четырьмя смутьянами впереди. В течении первого часа было заполнено только 14 заявлений. Тогда мы заметили, что эта группа из 4 лиц тайком угрожала людям, стоявшим за ней, всякого рода ужасами, если только они осмелятся просить работы и потому мы обратились к полиции с просьбой прогнать их, что и было исполнено. Тогда вся толпа хлынула к воротам с заявлениями и в несколько минут зарегистрировалось 165 человек из прежних 192.

В понедельник 20 июля—4 августа мы будем принимать заявления для того чтобы приступить к работе в среду.

Так как еще не все люди образумились, но мы будем принимать их постепенно, поручив Форману пригласить такого-то на работу. Фактически мы уже начали это делать, некоторые рабочие уже работали у нас по несколько дней не в качестве постоянных рабочих, но в качестве поденных, получающих свою плату каждый вечер.

Между тем как дело идет повидимому недурно, все таки мы не должны думать, что уже окончательно выбрались из гущи, ибо ненадежные элементы из числа наших рабочих, ловко обрабатываемые профессиональными агитаторами из полуполитических рабочих организаций, делают все от них зависящее, чтобы поддержать беспорядки и выпускают страстные воззвания, отпечатанные на гектографе, призывающие рабочих неверить К° Зингера, которая, мол, желает только заманить их в свою ловушку и поставить на работу просто, чтобы обманывать и эксплоатировать их. Две из так называемых „рабочих газет", выпущенных в Петербурге немедленно вслед за провозглашением стачки, начали кампанию злостной клеветы против нашей фирмы вообще, и меня в частности, но через несколько дней обе газеты были запрещены, хотя нет никакого сомнения, что они немедленно возобновят свой выпуск под другим названием и будут продолжать тоже, пока их не закроют, тогда их место займут опять другие и так без конца. В своем выпуске от 2/25 июля одна из этих газет, называемая „Правдой", опубликовала воззвание от угнетенных рабочих Зингеровской Кампании в Подольске к своим собратьям, американским рабочим Зингера.

Стачечная волна еще бушует по стране и все отрасли промышленности более или менее поражены ею. „Русские Ведомости", одна из самых почтенных передовых газет, издающаяся в Москве, поместила на днях передовицу насчет стачек, которую мы сочли заслуживающей перевода, а чтобы Вы могли иметь понятие о том, что говорится здесь на этот счет, я посылаю Вам копию. Есть шансы, что стачечное движение продолжится, пока не настанут холода и тогда оно само собой замрет, с тем, чтобы ожить следующей весной или нет, это останется под вопросом. Новый закон об удержаниях из заработной платы в пользу больничного фонда вызывает большое волнение по всей стране и несомненно является одной из причин заба-

стовочного движения. Если бы волнений в Подольске не произошло, мы приняли бы уже все предварительные меры здесь, но, принимая во внимание, как обстоит дело, мы отложили это по возможности, чтобы избегнуть прибавления нового угля к золе, которая еще тлеет кое-где среди наших рабочих.

Все рабочие в нашем отделе распределения энергии все время оставались верными и по моему мнению это следует приписать энергии и такту инженера Меньшикова, которого, вы вероятно помните, я представлял Вам, когда Вы были в последний раз в Подольске. Он состоит у нас на службе только около 4 месяцев, и я думаю, мы не сделали ошибки, приняв его.

Поведение всего штата служащих было вполне лояльным и корректным.

В надежде, что все, что мы сделали, встретит Ваше одобрение. Администрация завода вывесила следующее об'явление, которое очень красноречиво говорит об отношении к побежденным рабочим.

РАБОЧИМ ЗАВОДА.

Не смотря на то, что Завод после продолжительной остановки только на днях возобновил работы, тем не менее, как я имею сведения, среди рабочих находятся злонамеренные люди, агитирующие опять за забастовку.

Ввиду этого нахожу нужным заявить:

Если какой нибудь из цехов прекратит работу, то рабочие этого цеха будутъ немедленно расчитаны; если же прекратятъ работу несколько цехов, то Завод будет опять закрыт на неопределенное время.

Что же касается слухов о будто бы предполагаемом по всему Заводу уменьшении заработков, я заявляю, что эти слухи ни на чем не основаны.

Заработки уменьшать нигде не предполагалось и не предполагается.

Директор завода Компании Зингер В. В. ДИКСОН.

Июля 29 дня 1913 г.

г. Подольск Моск. губ.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Список товарищей, принимавших участие в революционном движении Подольского уезда после 1905 г.

Агеев М. Г.
Андреев Н. А.
Александр от М. О. К.
Алешин К. В.
Аристархов.
Аксенов.
Бунгш Я. К.
Борисов П. П.
Борисова Л. И.
Базина С. И.
Будаев В.
Буравлев М.
Булычев А. И.
Барышев И. М.
Бесчастнова Е. П.
Буров П. Д.
Бергман
Быстрицкая Д. А.
Воробьев И. А.
Виксне.
Воронов Г.
Васильев.
Воровский.
Веденков А. П.
Власов.
Варейкис.
Висящев.
Вальдман.
Греков М. С.
Гольвег Ю. Я.
Гаврилов Н. А.
Голованова Н. Н.
Громов он же Буганов.
Горон.
Горячев.
Голубев И. А.
Губанов.
Гаврилов В. П.
Гузик.
Духов Г.
Домбровская А. И.
Дагаев М. П.
Дядя Вася от М. О. К. (Шумкин П. П.).
Дмитриев.
Демичев К. В.
Дедушкевич.
Дзейвер А. Я.
Егоров Е.
Егоров Н. И.
Емельянов.
Жаров.
Зотов А. А.
Зудов А. А.
Зайцев.
Исаев В. П.
Игнатов В. И.
Кожин Н. Г.
Карпов И. Н.
Качкин С. Н.
Караваев С. С.
Караваев К. С.
Кандрашов.
Косов.
Кольцов И. С.
Карпенко.
Королев И. И.
Кулагина В. П.
Кулагина Т. П.
Касицын С.
Кленов.
Кутьев П. М.
Калнин.
Колбин И.
Колман.
Кузнецов И. Д.
Казакова П.
Клятышев.
Квитко П. К.
Кузнецов А. И.
Лукин А. И.
Леонов И. Е.
Ляпин.
Леонов К.
Леонов А.
Матвеев И. П.
Масленников И. М.
Матрозов И. И.
Мурзов А. А.
Маркин И. П.
Майоров Д. А.
Микряев.
Меньщиков.
Моисеев.
Монахов С. А.
Матвеев.
Насонов С.
Николаев Н.
Никитин.
Новиков.
Орехов В. А.
Озолин.
Осипов Д. В.
Осипов И. В.
Пронякин.
Петров А. Ф.
Полешко.
Пронин.
Потапов.
Потапов А. К.
Петров И. П.
Райвичер.
Рудаков.
Силаев В. Н.
Симанов Г. Н.
Сумерин П. Г.
Сергеев В. Д.
Скворцов.
Сафронов С. И.
Сулацкий.
Сарпецкий Я. М.
Самохин.
Сазонов.
Стученков.
Сухарев В. И.
Степанов.
Соловьева В. М.
Санбуров.
Трифонов Ф. Т.
Титов Н. П.
Терехов.
Татаринцев Н.
Тихомиров П. О.
Усанов В. Ф.
Ушков А. В.
Фролов А.
Федоров.
Худяков.
Цаплин И. И.
Чистов М. П.
Чижов Н. Г.
Чулин А. Г.
Широков А. М.
Шибаков В. В.
Ширяев В. П.
Шибанов.
Эвальд Б. Я.
Эмбрик.
Янсон.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловия	3
Гл. I. **Развитие промышленности в Подольском уезде**	5
Положение рабочих на текстильных фабриках в конце 19-го столетия	6
Положение рабочих на заводах металло-обрабатывающей промышленности	8
Гл. II. **Начало партийной работы (1898—1902 г.)**	10
Климовский завод. Организация первых кружков	11
Революционный кружок в Мещерской больнице	13
Революционная работа на фабрике Шлихтермана	16
Подольская соц.-демократ. большевистская организация	17
Празднование 1-го мая	19
Гл. III. **Японская война и 9-ое января 1905 г.**	20
Гл. IV. **От кружков к работе в массах**	22
Стачки. Массовки	22
Гл. V. **1905 год в Подольске**	25
Об'явление манифеста 17-го октября	25
Организация боевой дружины	26
Об'единение революционных организаций	28
Партийная конференция Подольской организации и конференция Моск. Окр. организации	28
Организация Подольского революц. комитета	29
Митинг на Платуновских дачах	29
Решение захватить власть в Подольске	30
Смерть т. Федорова	30
Провал Подольской организации	31
Гл. VI. **Революционная работа и движение среди крестьян Подольского уезда в 1904—1906 г.г.**	32
Связь рабочих с деревней и влияние рабочих на крестьян	32
Участие крестьян на митингах	33
Школы и чайные—места собраний крестьян	34
Распространение нелегальной литературы среди крестьян	36
Требования крестьян	37
Крестьяне—агитаторы	39
Аресты и обыски среди крестьян	40
Гл. VII. **Годы реакции (1906—1911 г.)**	41
Климовский завод	44
Работа больничной кассы	49
Завод Зингера	49
Выборы в Государственную Думу	49
Гл. VIII. **Под'ем рабочего движения**	51
Ленские события	51
Подольский уезд в годы под'ема рабочего движения	52
Стачка на заводе Зингер в 1913 году	55

Стр.

Гл. IX. **Империалистическая война и Февральская революция** 59
Накануне войны 1914 года 59
Империалистическая война (1914—1918 г.) 60
Гл. X. **Накануне февраля в Подольском уезде** 63
Гл. XI. **Как произошла Февральская революция в Подольском у.** 68
Именной список членов Исполкома Подольского СР и СД первого созыва 80
Гл. XII. **От Февраля до Октября** 81
Работа партийной организации 81
Протокол собрания членов РСДРП I-VII—17 г. 86
Работа Подольского Совета 90
Именной список депутатов Подольского Уездного СР и СД второго состава 92
1-й Съезд фабрично-заводских Комитетов Подольского уезда .. 93
Конфликтная работа Исполкома СР и СД 98
Работа среди женщин после Февральской революции 100
Организация и работа профсоюзов 107
Деятельность Подольского Уездного Земельного Комитета 107
Гл. XIII. **Октябрь в Подольске** 111
Гл. XIV. **Как организовалась Красная Гвардия и Красная армия в г. Подольске** 126
Гл. XV. **Народное образование** 133
Гл. XVI. **Хозяйственная работа Подольского Совета** 138

ПРИЛОЖЕНИЯ:

№ 1 Список товарищей, принимавших участие в революционном движении Подольского уезда в 1905 г. 145
№ 2. Биографии Н. Г. Чижова и Н. А. Гаврилова 149
№ 3. Воспоминания Е. Гурновой о прошедшем и пережитом 155
Обыск у т. Леонова 160
№ 4. Доклад директора Диксона 162
№ 5. Список товарищей, принимавших участие в революционном движении Подольского уезда после 1905 г. 170

Подольский уездлит № 961. Тираж 2000 экз. Тип. Подольск. „ПРОМТОРГА“.